

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 4 (60)

Нижний Новгород

2022

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова. Вып. 4 (60). — Н. Новгород: НГЛУ, 2022. — 218 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 4 (60)

Nizhny Novgorod

2022

LUNN Bulletin. Issue 4 (60). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2022. — 218 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.....	9
Структурный анализ фразеологических аббревиатур в японском языке <i>Басова Т. А.</i>	9
Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке в XXI века <i>Брусенская Л. А., Котаева А. Р.</i>	24
Медиадискурс как источник грамматических сдвигов в русском языке: лингвоэкологический аспект <i>Кодалаева Х. Г., Акай О. М.</i>	39
Аббревиация в контексте нюансирования новых смыслов <i>Куликова Э. Г., Тедеева З. К.</i>	51
Конфликтотенная грамматика (на материале современных медийных текстов) <i>Кулумбегова Л. В., Беляева И. В.</i>	63
Аллюзия как средство создания текстового многомирия в переводе (на материале романа С. Кинга «Долгая прогулка») <i>Курукалова Е. С., Баранова О. И., Войлокова Е. А., Федюковский А. А.</i>	75
Конструирование фемининной идентичности в социальных медиа (на материале англоязычного сайта <i>Reddit</i>) <i>Потапова Н. В., Коломиец С. В.</i>	92
Способы и средства перевода психологических терминов (на материале книги Д. Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей») <i>Рабенко Т. Г., Фомин А. Г., Якимова Н. С.</i>	107
Транслингвальность в современном немецкоязычном художественном дискурсе <i>Смирнова Т. П., Жиганова А. В.</i>	124
Семантика движения в образной репрезентации эмоционально-волевой сферы (на материале английских фразеологических единиц с глаголами движения) <i>Шидловская Д. Ю.</i>	137

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	156
Цифровая грамотность преподавателя языка и перевода как основа медиабезопасности студентов многопрофильного вуза <i>Аликина Е. В., Аликин М. Ю., Мальцев Д. В.</i>	156
Переводчик и слесарный верстак: учебный проект по техническому переводу <i>Волкова Т. А., Сдобников В. В.</i>	171
Опыт экспериментального исследования метакогнитивных стратегий в устной переводческой деятельности <i>Швецова Ю. О., Перевалова А. В.</i>	192
РЕЦЕНЗИИ.....	208
Проблемы методологии лингвистических исследований <i>Федуленкова Т. Н., Бакина А. Д.</i>	208
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	215

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Structural Analysis of Phraseological Abbreviations in Japanese <i>Tatiana A. Basova</i>	9
Value Conflict and the Problem of Foreign Language Borrowings in the Russian Language of the 21 st Century <i>Lyudmila A. Brusenskaya, Alena R. Kotaeva</i>	24
Media Discourse as a Source of Grammatical Changes in the Russian Language: Linguoecological Aspect <i>Khansiyat G. Kodalaeva, Oksana M. Akay</i>	39
Abbreviation in the Context of New Meaning Nuances <i>Ella G. Kulikova, Zaira K. Tedeeva</i>	51
Conflictogenic Grammar (Based on the Material of Modern Media Texts) <i>Lyudmila G. Kulumbegova, Irina V. Belyaeva</i>	63
Allusion as a Method of Creating a Text Multiverse (based on Stephen King's novel <i>'The Long Walk'</i> <i>Ekaterina S. Kurukalova, Olga I. Baranova, Elena A. Voilokova, Aleksandr A. Fedyukovsky</i>	75
Construction of Feminine Identity in Social Media (on the Material of the English-language Site <i>Reddit</i>) <i>Natalya V. Potapova, Svetlana V. Kolomiets</i>	92
Methods and Techniques of Translating Psychological Terms (Based on D. Carnegie's <i>'How to Win Friends and Influence People'</i>) <i>Tatyana G. Rabenko, Andrey V. Fomin, Nataliya S. Yakimova</i>	107
Translanguaging in Contemporary German-language Literary Discourse <i>Tatyana P. Smirnova, Anna V. Zhiganova</i>	124
Semantincs of Motion in Figurative Representation of Emotionally Volitional Sphere (a Case Study of English Phraseological Units with Motion Verbs) <i>Diana Yu. Shidlovskaya</i>	137
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION.....	156
Digital Literacy of Language and Translation Teachers as the Basis for Media Safety of University Students <i>Elena V. Alikina, Mikhail Yu. Alikin, Dmitriy V. Maltsev.....</i>	156

The Translator and the Fitter's Workbench: a Simulated Technical Translation Project	
<i>Tatiana A. Volkova, Vadim V. Sdobnikov</i>	171
Experimental Research of Metacognition in Interpretation	
<i>Yulia O. Shvetsova, Anna V. Perevalova</i>	192
REVIEWS	208
Methodological Issues of Linguistic Research	
<i>Tatyana N. Fedulenkova, Anna D. Bakina</i>	208
CONTRIBUTORS' INFORMATION	215

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.521

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-9-23

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АББРЕВИАТУР В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. А. Басова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Аббревиирование языковых единиц — один из основных путей пополнения лексического состава современного японского языка, что определяет актуальность исследований в этой сфере. Данная работа затрагивает уникальное явление — фразеологические аббревиатуры японского языка, являющиеся продуктом фразеологической деривации (образования лексем из фразеологизмов); несмотря на разнообразие работ по образованию сокращений в японском языке (рякуго), фразеологические аббревиатуры еще никогда не были в их фокусе ввиду малочисленности, но их фразеологическое наследие значительно отличает их от всех остальных сокращений. Сложносокращенные лексемы, происходящие из идиом, — это достаточно яркие единицы японского языка, обладающие повышенной экспрессивностью и слабым уровнем мотивированности. Фразеологическая аббревиатура в максимально сжатом виде содержит весь богатый образ и смысл фразеологизма-прототипа, служа своеобразной отсылкой к нему, но может вызывать затруднения при идентификации. В японском языке аббревиированию подвергаются номинативные и коммуникативные фразеологические единицы, что порождает новые лексемы с аналогичной или несколько трансформированной семантической составляющей, и именно они выступают объектом данного исследования. Цель исследования — разобраться в природе аббревиирования единиц и дать характеристику основным словообразовательным и структурным особенностям фразеологических аббревиатур. Научная основа исследования — фразеологическая концепция А. В. Кунина и его метод фразеологической идентификации, а также исследования в сфере лексикологии и фонологии японского языка В. М. Алпатова, А. А. Пашковского, В. В. Рыбина, Т. Н. Кудояровой, Х. Кобудзоно. Для достижения поставленной цели используется метод структурного и компонентного анализа, позволяющий определить механизмы образования аббревиатур. В ходе анализа выявляется ключевая роль фонетической компрессии японского языка и жесткая тенденция к трех- или четырехморной форме аббревиатур, имеющая истоки в форме исконно японских слов; классифицируются основные разновидности фразеологических аббревиатур: с усечением обоих компонентов, с усечением инициального компонента и с усечением финального компонента.

Ключевые слова: фразеология; сложные слова; межуровневая деривация; фонология; японский; аббревиация.

Цитирование: Басова Т. А. Структурный анализ фразеологических аббревиатур в японском языке // Вестник Нижегородского государственного лингвистического уни-

верситета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 9–23. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-9-23.

Structural Analysis of Phraseological Abbreviations in Japanese

Tatiana A. Basova

Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Abbreviation of language units is one of the main ways of enriching the lexical fund of modern Japanese, which makes the research in this field extremely relevant. The paper touches upon the unique and almost unexplored phenomenon of phraseological abbreviation in Japanese, a type of phraseological derivation (lexical units derived from idioms and proverbs). Despite the wide range of studies on shortened words (*ryakugo*) in Japanese, phraseology-based units have never been the main focus of research due to their relatively small number, but their phraseological legacy makes them stand out. Complex abbreviations derived from phraseological units are highly expressive lexemes of Japanese with a low degree of motivation. Phraseological abbreviations retain the metaphorical image and full or partial meaning of their phraseological prototypes and refer to them, but may be hard to identify. In Japanese, it is nominative and communicative phraseological units, shortened and merged into single words, that carry identical or very similar semantic information; they are the focus of the current study which seeks to examine the nature of abbreviation and determine the main word-forming and structural features of such units. The scientific basis of the research is the phraseological theory of A. V. Kunin and his method of phraseological identification as well as the lexicological and phonological works on Japanese by V. M. Alpatov, A. A. Pashkovsky, V. V. Rybin, T. N. Kudoyarova, and H. Kobuzono. The methods of structural and component analysis are used to describe the formation mechanisms of abbreviations. The analysis conducted in the course of the study has revealed the crucial role of phonetical compression and a strong tendency for three- or four-mora form (similar to that of Japanese native words). The article describes the three structural types that abbreviations fall into: 1) both components get abbreviated; 2) the first component gets abbreviated; and 3) the second component gets abbreviated.

Key words: phraseology; compounds; cross-level derivation; phonology; Japanese; abbreviation.

Citation: Basova, Tatiana A. (2022) Structural Analysis of Phraseological Abbreviations in Japanese. *LUNN Buletin*, 4 (60), 9–23. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-9-23.

1. Введение

Язык — постоянно развивающаяся система, и не вызывает сомнения тот факт, что изучение путей и продуктов его развития всегда остается актуальным. Одним из таких путей является аббревиирование единиц. Ряд причин способствует пристальному вниманию к этому явлению: во-первых, аббревиирование, или создание *рякуго*, в современном японском языке является одним из основных способов пополнения его лексического фонда (Кудоярова 2009); во-вторых, японский отличается от многих других языков тем, что аббревиированию подвергаются в том числе номинативные и коммуникативные фразеологические единицы, что порождает

новые лексемы с той же или несколько трансформированной семантической составляющей (Басова 2021). Объектом нашего исследования выступают отфразеологические аббревиатуры современного японского языка. Предметом исследования являются словообразовательные и структурные особенности данных единиц. Научная основа исследования — фразеологическая концепция А. В. Кунина и его метод фразеологической идентификации (Кунин 1996: 37), а также исследования в сфере лексикологии и фонологии японского языка А. А. Алпатова (Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008), А. А. Пашковского (Пашковский 2006), В. В. Рыбина (Рыбин 2006), Т. Н. Кудояровой (Кудоярова 2009), Х. Кобудзоно (窪蘭晴夫 2002).

В японской лингвистике под термином «рякуго» (略語, аббревиатура, букв. «сокращенное слово») понимаются как инициальные аббревиатуры из заглавных букв, записанные латиницей (*CD*, *OL*), так и сокращенные до нескольких слогов простые и сложные слова (*kyarakutaa* — *kyara* ‘персонаж’, *keisatsu* — サツ *satsu* ‘полиция’), а также словосложение на базе сокращенных компонентов словосцеплений и словосочетаний (*gunbi shukushou* — *gunshuku* ‘сокращение вооружений’, *asa no renshuu* — *asaren* ‘зарядка, утренняя тренировка’) — то есть образование сложносокращенных слов (Shibatani 1990: 254). Важно заметить, что иногда к рякуго причисляются лексемы, которые состоят из несокращенных морфем (*tune ga kyun to suru* → *tune-kyun* «грудь делает кьун» ‘сердце ёкает’), а сокращению подвергаются не сами лексемы, а другие компоненты словосочетания, но в данном исследовании мы причисляем их не к аббревиатурам, а к производным сложным словам.

Важно также отделить аббревиацию от контаминации. Контаминанты, в отличие от созданных из двух компонентов аббревиатур, образуются в результате не только сокращения компонентов, но и их наложения друг на друга (посредством амальгамирования и фузии); они имеют большую прозрачность значения. Но самое главное отличие, согласно подходу Ю. А. Жлуктенко, который мы разделяем, заключается в том, что контаминанты не имеют соответствия в свободных словосочетаниях (то есть могут образовываться из любых отдельно взятых слов) (Жлуктенко, Березинский, Борисенко 1983: 84) и в своей семантике суммируют значения входящих в них компонентов, в то время как аббревиатуры образуются на базе устойчивых неидиоматических (и идиоматических — в японском) словосочетаний и не развивают принципиально нового значения. Контаминанты в японском называются 混成語 *konseigo*. Приведем пример: *shaapu penshiru* ‘механический карандаш’ + *booru pen* ‘шариковая ручка’ соединяются в слово シャーボ *shaabo* ‘пишущий предмет, имеющий в корпусе и карандашные грифели, и шариковые стержни’ (японское изобре-

ние; название придумано фирмой-изготовителем *ZEBRA Co., Ltd.* в 1977 г.). Как мы видим, соединяются отдельно взятые слова, ранее не объединенные словосочетанием, и неологизм несет совершенно новую семантику, в данном случае суммируя при этом значения входящих в слово компонентов. Лексемой *shaabo* нельзя заменить ни шариковую ручку, ни механический карандаш, тогда как, например, двухкомпонентная неидиоматическая аббревиатура *kureka* 'кредитная карта' полноценно вобрала в себя значение изначального словосочетания *kurejitto kaado* 'кредитная карта' без изменений. А. А. Пашковский отмечает, что сложносокращенные слова, или рякуго, «состоящие из частей слов или словосочетаний, по значению равны этим единицам» (Пашковский 2006: 16), то есть семантика сложносокращенного слова повторяет семантику полного слова.

Аббревиация в современном японском языке — это не периферийное в плане словообразования явление, а наоборот. В японском прослеживается высокая перспективность аббревиации, так как уже не одно десятилетие наблюдается тенденция к превращению длинных слов разного происхождения и словосочетаний в единицы, подобные по своей структуре и звуковой форме исконной японской лексике (2–4 моры), то есть аббревиация, вне зависимости от типа производящей единицы, порождает ограниченные по длине лексемы. Образование сокращений, или рякуго, на данный момент является одним из основных способов пополнения лексического состава японского, что доказывается в диссертационном исследовании Т. Н. Кудояровой (2009) на материале японских газет. Ёко Мори отмечает, что «современная молодежь очень активно создает новые аббревиатуры» (перевод мой. — Т. Б.) (Mori 2002: 122), то есть в языке молодежи просматривается будущее японского языка через повышенную интенсивность языковых процессов. Ё. Мори, анализируя аббревиатуры, выявляет определенные факторы (конкретные гласные, тип слога (тяжелый или легкий) у морфемы и т. д.), ведущие к трехморным, а не более естественным четырехморным сокращениям. Харуо Кобудзоно замечает, что иногда сразу несколько аббревиированных вариантов языковой единицы может быть параллельно в употреблении, как, например, встречающиеся в фонетической литературе термины *into* и *intone*, произошедшие от более длинной лексемы *intoneeshon* 'интонация' (窪園晴夫 2002: 99).

Что касается аббревиирования словосцеплений канго / китаизмов, составляющих более 60 % общего лексического фонда японского языка (Shibatani 1990: 142–144), нельзя не отметить влияние китайского языка и его устройства, о чем также пишет Х. Кобудзоно, обсуждая популярность сокращений из двух иероглифов, взятых от отдельных слов словосочетания: «Этот способ сокращений ... чрезвычайно распространен и в совре-

менном китайском языке (так, например, 北京大学 *Běijīng Dàxué* 'Пекинский университет' сокращается до 北大 *Běidà* <...>). Данный метод создания новых слов был напрямую заимствован в древний японский язык» (перевод мой. — Т. Б.) (窪蘭晴夫 2002: 137). Все виды аббревиации обусловлены целью экономии времени, энергии и пространства. Анализируя аббревиатуры французского языка, А. П. Шаповалова пишет, что «частое использование сокращенных номинаций в жаргонной и разговорной лексике способствует распространению аббревиатур в литературном языке» (Шаповалова 2004: 36), и это наблюдение вполне справедливо и для японского языка, так как аббревиатуры японского в целом стремятся к стилистической нейтрализации (Кудоярова 2009: 77). В японском наблюдается тенденция избегать длинных слов в целом (Shibatani 1990: 254–255).

В современном японском языке рякуго активно образуются в сфере канго (заимствованная из китайского языка или составленная из китайских корней лексика) и гайрайго (лексика, заимствованная из европейских языков, более всего английского), в меньшей степени ваго (исконно японская лексика); возможно образование рякуго из фраз и предложений, в том числе из ФЕ.

2. Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили наиболее распространенные фразеологические аббревиатуры, к которым был применен структурный и компонентный анализ для выявления особенностей их внешней формы, законов, диктующих ее, и моделей аббревиатурного словообразования среди идиом и пословиц японского (усечение обоих компонентов, усечение первого компонента, усечение второго компонента).

3. Результаты исследования и их обсуждение

«Сокращаться могут и простые слова, и сложные слова, и сцепления, и даже обычные словосочетания», сообщается в «Теоретической грамматике японского языка» (Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008: 524), например: *moto no kanojo* 'бывшая девушка' — *motokano*. Однако сокращению подвергаются не только неидиоматические выражения, но и переосмысленные, то есть фразеологические единицы — «устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением» (Кунин 1996: 8), а также целые предложения, а именно пословицы и поговорки.

Деривационные модели фразеологизмов широко описаны в лингвистической литературе (вторичная фразеологизация [Кунин 1972; Федуленикова 2000], лексико-семантическая конденсация, морфолого-синтаксический способ, лексико-морфологический способ [Алефиренко,

Семененко 2009]); также описано окказиональное явление идиоматической контаминации (*idiom blends, malaphors*), когда два фразеологизма образуют новое словосочетание, в котором их компоненты совмещены (*black sheep + dark horse = black horse*), как намеренный стилистический прием или ошибка (Hofstadter 1989: 196–197). Однако аббревиация фразеологизмов — это на данный момент совершенно неизученный феномен с точки зрения фразеологии (возможно, потому, что такие единицы малочисленны, в большинстве своем разговорны и еще относительно молоды; они не присущи индоевропейским языкам).

Ключевым фактором при образовании японских рякуго в целом является количество мор (термин, введенный В. Д. Поливановым). Не совсем верно называть японские аббревиатуры соединением слогов от компонентов фразеологизма, так как слог и мора неравнозначны. Мора (μ) — это тактово-ритмическая единица, а именно гласная (*a, i, u...*), слог типа CV (*ka, sa, ta...*), вторая половина долгой гласной или дифтонга (*sou, tou, kuu...*), импловивные участки согласных геминат (*kitt-, tott-, happ-*) и конечнослоговая согласная *n*. Согласно В. В. Рыбину, «основной ритмообразующей единицей в современном японском языке выступает мора, а не слог» (Рыбин 2006: 91). В японском языке музыкальное ударение, и интересно, что японское название моры — *haku* 拍 (помимо *モーラ moora*) — также значит ‘ритмическая доля, такт, ритм’, и именно количество мор определяет внешнюю форму нового слова.

Займствования из европейских языков, будучи изначально чуждыми лексическими формациями, гораздо легче поддаются усечению, чем *wa-go* — японские слова. Основная масса рякуго четырехморна ($2\mu + 2\mu$), но бывают и другие пропорции. Приведем несколько примеров:

гайрайго — заимствованная из европейских языков лексика: *クリスマスプレゼント kurisumasu purezento* → *クリプレ kuɾiɾeɸuɾe* ‘рождественский подарок’, *ヤングママ yangu mama* → *ヤンママ yaɲnmaɲma* ‘молодая мама’;

канго — китаизмы: *国際連合 kokusai rengo* → *国連 koɕkuɾeɲ* ‘ООН’;

ваго — японская лексика: *明けましておめでとうございます ake-mashite omedetou gozaimasu* → *あけおめ aɕkeoɕme* ‘С Новым годом!’, *なるべく早く narubeku hayaku* → *なるはや naɾuɸaɸya* ‘как можно скорее’.

Существуют и смешанные аббревиатуры.

В образованных сложносокращенных лексемах невозможна пауза, они цельны во всех смыслах. Слово из четырех мор — это норма для подобных сокращений. Л. Лебрюн в «Фонологии японского языка» пишет: «Четыре моры — это наиболее частая длина японских слов, то есть наиболее ожидаемая, стандартная длина слов»; «...почти все японские слова

длиннее четырех мор почти всегда составные»; автор предполагает, что существует тенденция к четному числу мор (Labrune 2012: 185–188). Однако есть и трехморные образования, формирование которых продиктовано типом слога (от сокращаемого компонента остается одна мора вместо двух в случае краткости слова, долгой гласной, удвоенной согласной и в связи с некоторыми другими факторами [森庸子 2002: 134]).

Процесс и способ образования рякуго (аббревиатур) из фразеологизмов справедливо назвать термином **фразеологическая аббревиация**. Таким образом, фразеологическая аббревиация — это один из видов фразеологической деривации, и в частности отфразеологического словообразования, при котором один или оба компонента отфразеологического сложного слова сокращаются. Такой вид отфразеологического словообразования отсутствует в русском и английском языках, где учеными выделяются только обогащение семантики одного из компонентов ФЕ, его морфологические изменения и образование сложных слов из двух и более компонентов ФЕ (Попова 2005; Алефиренко, Семененко 2009; Ермакова 2012). В японском же мы наблюдаем следующее явление: *hato ga tamedeppou wo kutta you* «как будто голубь, подстреленный из игрушечного ружья, стреляющего бобами» → *hatomate* «голубьбоб» ‘шокированный’; *dame de moto-moto* букв. «при провале — как в начале» → *damemoto* «провалнач», ‘совершение попытки при малых ожиданиях’, ‘почему бы и нет’; *dorobou wo toraete nawa wo pau* «вить веревку после того, как вор уже пойман» → *doronawa* «ворверевка» ‘принимать запоздалые меры, готовиться к чему-л. после события’. Рякуго, образованные из усеченных номинативных и коммуникативных ФЕ, постепенно получают все большее распространение в японском языке. Зародившись в разговорном стиле речи и языке молодежи и активно используясь в том числе в интернет-общении, они постепенно просачиваются в язык литературы и медиа. Лексика такого типа фиксируется графически посредством слоговых азбук, но в некоторых случаях возможно и использование иероглифов. Рякуго японского языка в целом — это обычно существительные (редко междометия, если сокращается этикетное выражение), и последующая дифференциация на части речи происходит через преобразования с помощью грамматических формантов, суффиксов и вербализатора *suri* (как и у корнесложных китаизмов). Это верно и для фразеологических аббревиатур, позволяющих прямое сцепление, присоединение формантов *no*, *to*, *ni*, *de*, суффиксов *shiki*, *teki*, *rashii*, вербализатора *suri* и даже морфологическую вербализацию (*ronpa* — *ronpau* ‘косить [глазами]’).

Продукт фразеологической аббревиации — это фразеологические аббревиатуры или отфразеологические сложносокращенные слова, образо-

ванные одновременно через словосложение и сокращение одного или двух компонентов фразеологизма, подвергнутого компрессии. *Inu no kawabata aruki* «хождение собаки у речного берега» → *inukawa* «собака-реч» ('прогулка без утоления голода (например, без захода в кафе); пустая трата времени; разглядывание витрин магазинов без совершения покупок'). В таких образованиях одна или обе соединенных вместе лексемы усекаются; в данном случае наполовину сократился компонент *kawabata*, а *inu* остался первозданным. И хотя в языке существует слово *kawa* ('река'), в исходной идиоме оно не отдельно, а является одной из корневых морфем сложного слова *kawabata* 'речной берег', которое сокращается; здесь имеет место финальное усечение.

はいと答えたのはいいが、さて、イヌカワっていったいなんだろう。考え考え、とことこ、とことこついて行きました。喉は乾くし、おなかはへるし、それでも休まず歩いて行きます。お参りをして、とうとうそのまま帰って参りました。И пусть я ответила согласием, но что же такое «собака-реч»? Я все думала, думала и семенила следом. Вот уже и горло пересохло, и голод напал, а отдыха никакого, только сплошная ходьба. Побывав в храме, в конце концов так и вернулась домой (С. Такэмото, М. Като «Жизнь одной женщины-гидаю, певицы-сказительницы»).

Очевидно, что глубинная внутриязыковая гравитация в сторону исконно японской четырехморности, сдерживающая внешнюю форму слов, является одним из краеугольных камней процесса образования рякуго из идиом и пословиц японского, так как все они четырехморны. Из всех обнаруженных и проанализированных нами фразеологических аббревиатур только одна является трехморной: *ippo no me wa rondon wo, tahou no me wa pari wo miru* «один глаз смотрит на Лондон, другой — на Париж» 'косоглазие' → *ronpa* 'косоглазие', но она имеет и четырехморный вариант *ronpari*. В большинстве случаев в аббревиатурах соединяется по две моры от двух компонентов многокомпонентного фразеологического словосочетания или предложения. Моры могут браться от первых двух слов, а в некоторых случаях от компонентов, представляющих концептуальное ядро фразеологизма; нельзя отрицать влияние и фонологического фактора на выбор компонентов для усечения с целью достижения гладкого, «удобного» звучания.

Если сравнить аббревиатуры с отфразеологическими сложными словами со вторым глагольным или адъективным компонентом, которые не подвергались усечению (например, *timi ga hayai* букв. «уши быстрые» — *timibayai* 'имеющий острый слух', 'все знает раньше всех'), то можно заметить, что обычные сложные слова не испытывают настолько жесткого давления системы японского языка на длину слова; они свободнее и гибче

по своей структуре. Но определенное ограничение наблюдается у несокращенных сложных слов со вторым именным компонентом: *timi da hayai* — *hayatimi* ‘инсайдер’ (4 моры). У фразеологических рякуго / аббревиатур фонетическая композиция производного слова, его длина также строго определена (до четырех мор), хотя в аббревиатурах второй компонент может быть любой части речи. Можно также предположить, что, хотя технически такая лексема составная и сложносокращенная, в восприятии она уже не ощущается составной, а, наоборот, предельно слитной, обладающей более высоким уровнем абстракции и находящейся под давлением языковой компрессии, а потому сжатой структурно и фонетически в форму, гладко входящую в языковое сознание японоговорящего человека, что «обтачивает» ее под рамки стандартной длины исконных слов японского языка, превращая ее в краткую и удобную для произношения единицу.

То, что попадает в эти четыре моры, — это в том числе проявление «музыки» японского языка, а не только мозаика закодированного в сложной лексеме фразеологического значения. Нельзя не учитывать значимость звуковой формы четырехморных лексем, возникших из ФЕ, если определяющую роль в их структурном образовании играет специфическая для японского языка фонетическая компрессия, захватывающая длинное идиоматическое словосочетание или предложение, что может привести к аббревиации, а может и не привести в зависимости от длины соединяющихся компонентов.

В таких сложных четырехморных существительных с именными компонентами, как *yabuhebi* «зарослизмея» ‘действие, ситуация или источник неосторожно созданной проблемы’, которое возникло из *yabu wo tsutsuite hebi wo dasu* «стучать по зарослям и вызвать змею» ‘навлечь своими действиями на себя беду’, мы видим чистое словосложение лексем («заросли» *yabu* и «змея» *hebi*). Они не усечены именно потому, что ввиду своей краткости уже вписываются в четыре моры: *ya + bu + he + bi*, а также в данном случае отсутствуют факторы, способствующие сокращению до трех мор (森庸子 2002). При образовании подобных отфразеологических лексем усекается лишь то, что не попадает в рамки четырех мор, поэтому необходимость аббревиирования зависит от длины исходных компонентов, а также типов слогов. Длина или краткость компонентов, а также наличие долгих гласных, удвоенных согласных, «неестественных» для исконной фонетики японского слогов играет ключевую роль при образовании сложного слова и определяет, получится в итоге из фразеологизма сложное слово с цельными основами / корнями (обычное сложное слово) или сложносокращенное слово (аббревиатура).

Как известно, выразительность и емкость растет по мере уменьшения количества мор и в целом по мере увеличения компрессии, поэтому аббревированные фразеологизмы — это достаточно яркие единицы японского языка, обладающие повышенной экспрессивностью. В трех-четырех морях отфразеологических аббревиатур консервируется лексическая форма, уже не предрасположенная к морфемным преобразованиям (за редчайшими исключениями: *ronpa* от 'Лондон' и 'Париж' «один глаз смотрит на Лондон, другой на Париж» 'косоглазие' → *ronpau* 'косить [о глазах]'), не считая возможности присоединения суффиксов китайского и японского происхождения.

Можно сделать вывод, что фактором, формирующим как рякуго, так и сложные существительные типа *yabuhebi*, образованные из именных компонентов многокомпонентных фразеологизмов, выступает не просто стремление к языковой экономии, а в первую очередь стремление к четырехморности, то есть структурный и фонетический принцип, строго определяющий внешнюю форму новой лексемы.

Количество фразеологических аббревиатур достаточно мало, так как длинные слова в японском языке редки, и в процессе отфразеологического словообразования при соединении слов в одно большинство продуктов деривации без затруднений укладывается в три-четыре моря: *teki ni shio wo okuru* «посылать соль врагу» 'проявлять благородство по отношению к сопернику' → *tekishio* «сольвраг»; *kato ga negi wo seotte kuru* «утка приближается, неся лук-батун на спине» 'неожиданная, подозрительная удача' → *katonegi* «уткалук». Но если в ФЕ-прототипе есть сложное или длинное слово, то продуктом отфразеологической деривации будет, скорее всего, аббревиатура.

Фразеологические аббревиатуры возможно классифицировать по типу сокращения:

1) сокращение обоих компонентов: 清水の舞台から飛び降りる *kiyomizu no butai kara tobioriru* «спрыгнуть со сцены храма Киёмидзу» 'принять серьезное решение, сильно рискнуть (особенно в бизнесе и о покупках)' → キヨブタ *kiyobuta* «киёсцен» 'риск'. Сцена перед храмом Киёмидзу находится на 13-метровой высоте, и, согласно поверьям, успешный прыжок с нее мог принести исполнение желания, вымаливаемого у бодхисаттвы Каннон (Гуаньинь);

2) сокращение инициального компонента: 泥棒を捕らえて縄を縛う *dorobou wo toraete nawa wo nau* «вить веревку после того, как вор уже пойман» → 泥縄, ドロナワ *doronawa* «ворверевка» 'принимать запоздалые меры';

3) сокращение финального компонента:
 鳩が豆鉄砲を食ったよう *hato ga tame-deppou wo kutta you* «как будто голубь, подстреленный из игрушечного ружья, стреляющего бобами» ‘удивленный, шокированный’ → はとまめ *hatomame* «голубьбоб» ‘шокированный’.

Фразеологическая аббревиатура закодированно содержит образ и смысл исходной ФЕ, ссылаясь на фразеологизм. С когнитивной точки зрения в сознании японоговорящих людей при столкновении с аббревиатурой могут всплывать исходные фразеологизмы и их особый семантический «привкус», обогащающий восприятие информации, что приводит к многоступенчатому раскрытию таких аббревиатур в сознании человека. При этом надо отметить, что если человек незнаком с изначальным выражением, то такие процессы, как понимание фразеологической аббревиатуры, идентификация ее как сокращения от ФЕ, извлечение исходной ФЕ из долговременной памяти, актуализация ее смысла и образа в отношении к информации, содержащей аббревиатуру, становятся недостижимыми. Как считает Н. К. Винник, «любое использование устойчивого сочетания в речи есть факт апелляции к культурному коду» (Винник 2017: 65), но далеко не всегда оно осознанно. «Очевидно, что, как и у слов, внутренняя форма фразеологизмов не всегда достаточно четко осознается носителями языка» (Прокопьева 2017: 73), соответственно, и внутренняя форма фразеологических дериватов также может не раскрываться в сознании. Эксперимент со студентами, проведенный О. В. Петровой, показывает, как молодые люди могут использовать обороты как родного, так и иностранного языка без осознания экстралингвистической сути, скрывающейся за словами, а только посредством копирования по принципу «так говорят»: «за произносимыми звуковыми комплексами сплошь и рядом не стоит ни значения, ни понятия, ни концепта» (Петрова 2018: 62), что можно было бы сказать и про аббревиатуры японского. Масаёси Сибатани отмечает серьезные трудности самих носителей языка при столкновении с аббревиатурами, а также их использование без понимания происхождения и фразеологической семантики сокращений (Shibatani 1990: 256); усвоение примерного значения единицы из своего языкового опыта и копирование речи других достаточно для того, чтобы использовать в речи аббревиатуры без вникания в их более глубокие языковые и культурные «слои». Оторванные от изначальных слов моры не подсказывают значение аббревиатур, усиливая немотивированность значения; сложносокращенные слова еще более абстрагированы от ФЕ-прототипов, чем обыкновенные отфразеологические лексемы, и осколки былой внутренней формы ФЕ могут вовсе не распаковываться в воображении человека.

При этом целенаправленная реконструкция культурных коннотаций и смыслов (Ковшова 2012) в таких аббревиатурах все равно возможна. Как известно, национально-культурную семантику наследуют лексемы, фразеологизмы и языковые афоризмы (Артемова, Леонович 2019), при этом «именно фразеологизмы представляются наиболее интересными с лингвокультурологической точки зрения» (Федуленкова 2020: 145), так как через них можно извлечь информацию о культуре страны, ее истории, народе (Fedulenkova 1997: 67). Фразеологические аббревиатуры как наследники внутренней формы ФЕ или ее части все же не теряют связи с порождающими единицами и восходят к тому же культурному содержанию, что и породившие их фразеологизмы.

4. Выводы

В результате анализа теоретического и эмпирического материала мы приходим к выводу, что аббревиация как явление играет значительную роль в словообразовании современного японского языка в целом. Аббревиация имеет место и во фразеологии японского языка, что говорит о необходимости выделения фразеологических аббревиатур и их анализа с помощью методов и приемов фразеологической науки. Проведенный структурный анализ позволяет выделить два типа морного состава фразеологических аббревиатур (четыrehморные и трехморные единицы), а также три типа аббревиирования (сокращение обоих компонентов, сокращение финального компонента и сокращение инициального компонента). В процессе компрессии словосочетаний и предложений длину таких единиц определяет фонологический строй японского, делая фразеологические аббревиатуры трех- или четырехморными, подобно исконно японским словам. Фразеологические аббревиатуры экспрессивны, присущи разговорной речи, закодированы, абстрактны, слабо мотивированы и могут вызывать затруднения как у изучающих японский язык, так и у самих носителей языка. Широкие перспективы исследования предоставляет дальнейшее раскрытие их когнитивной и прагматической составляющей, а также особенности речевой реализации и контекстный анализ.

Список литературы / References

- Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология. М.: Флинта: Наука, 2009. [Alefirenko, Nikolay F., Semenenko, Natalya N. (2009) *Frazeologia i paremiologia* (Phraseology and Paremiology). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008. [Alpatov, Vladimir M., Arkadyev, Piotr M., & Podlesskaya, Vera I. (2008) *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazika* (Theoretical Grammar of Japanese). Moscow: Natalis. (In Russian)].

- Артемова А. Ф., Леонович О. А. Страноведение через идиоматику. 5-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2019. [Artemova, Anna F., & Leonovich, Oleg A. (2019) *Stranovedenie cherez idiomatiku* (Country Studies through Idioms). 5th ed., ster. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Басова Т. А. Фразеологическая аббревиация в японском языке // Языки и культуры: междисциплинарные исследования. СПб: Изд-во СПбГУ, 2021. С. 423–429. [Basova, Tatiana A. (2021) *Phraseologicheskaya abbreviatsiya v yaponskom yazike* (Phraseological Abbreviation in Japanese). *Yaziki i kultury: mezhdistsiplinarne issledovaniya* (Language and Cultures: Interdisciplinary Researches). Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 423–429. (In Russian)].
- Винник Н. К. Семантические преобразования устойчивых сочетаний как средство актуализации культурного кода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 40. С. 63–72. [Vinnik, Nina K. (2017) *Semanticheskie preobrazovaniya ustoychivih sochetaniy kak sredstvo aktualizatsii kulturnogo koda* (Semantic Transformations of Set Expressions as a Means of Culture Code Actualization). *LUNN Bulletin*, 40, 63–72. (In Russian)].
- Ермакова Е. Н. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке: причины, условия, механизм // Вестник ЧГПУ. 2012. № 2. С. 206–214. [Erma-kova, Elena N. (2012) *Otfrazeologicheskoe slovoobrazovaniye v sovremennom russkom yazike: prichiny, usloviya, mechanism* (Phraseology-based Word Formation in Modern Russian: Reasons, Conditions, Mechanism). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2, 206–214. (In Russian)].
- Жлуктенко Ю. А., Березинский В. П., Борисенко И. И. Английские неологизмы. Киев: Наукова думка, 1983. [Zhluktenko, Yuriy A., Berezinskiy, V. P., & Borisenko, I. I. (1983) *Angliyskie neologizmy* (English Neologisms). Kiev: Naukova dumka. (In Russian)].
- Кудоярова Т. Н. Словообразовательные процессы в современном японском языке на примере лексикализации аббревиатур РЯКУГО: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: 2009. [Kudoyarova, Tatiana N. (2009) *Slovoobrazovatelniye protsessy v sovremennom yaponskom yazike na primere leksikalizatsii RYAKUGO* (Word-forming Processes in Modern Japanese on the Example of Ryakugo Lexicalization). PhD Thesis in Philology. Saint-Petersburg. (In Russian)].
- Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. [Kovshova, Maria L. (2012) *Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: kody kultury* (Linguocultural Method in Phraseology: Codes of Culture). Moscow: Kn. dom "LIBROKOM". (In Russian)].
- Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. М.: Международные отношения, 1972. [Kunin, Aleksandr V. (1972) *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: opyt sistematizirovannogo opisaniya* (Modern English Phraseology: an Experience of Systematized Description). Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya. (In Russian)].
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Дубна: Феникс, 1996. [Kunin, Aleksandr V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* (Modern English Phraseology Course: a Manual for Institutes and Faculties of Foreign Languages). Moscow: Dubna: Fenix. (In Russian)].

- Пашковский А. А. Слово в японском языке. М.: КомКнига, 2006. [Pashkovski, Aleksey A. (2006) *Slovo v yaponskom yazyke* (Word in the Japanese Language). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Петрова О. В. Языковая картина мира в лингводидактическом аспекте: слова, понятия, концепты // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 42. С. 58–69. [Petrova, Olga V. (2018) *Yazikovaya kartina mira v lingvodidakticheskoy aspekte: slova, ponyatiya, kontsepty* (The Linguistic Worldview in Linguodidactic Aspect: Words, Notions, Concepts). *LUNN Bulletin*, 42, 58–69. (In Russian)].
- Половова И. Е. Композиционная семантика единиц номинации, образованных на базе фразеологизмов английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. [Polovova, Irina E. (2005) *Kompozitsionnaya semantika edinits nominatsii, obrazovannykh na baze frazeologizmov angliyskogo yazika* (Composite Semantics of Naming Units that Originate from Phraseological Units of English). PhD Thesis in Philology. Moscow. (In Russian)].
- Прокопьева Н. Н. Внутренняя форма немецких фразеологизмов со значением интенсивности действия // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 37. С. 72–79. [Prokopyeva, Nadezhda V. (2017) *Vnutrennyaya forma frazeologizmov so znacheniem intensivnosti deystviya* (The Image Component of German Phraseological Units with the Meaning of Intensity of Action). *LUNN Bulletin*, 37, 72–79. (In Russian)].
- Рыбин В. В. О значимости моры для описания фонологической системы современного японского языка // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. Вып. 3. С. 86–93. [Rybin, Viktor V. (2006). *O znachimosti mory dlya opisaniya fonologicheskoy sistemy sovremennogo yaponskogo yazyka* (On the Significance of Mora for the Description of Modern Japanese Phonological System). *Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 3, 86–93. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Английская фразеология: Курс лекций. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000. [Fedulenkova, Tatiana N. (2000) *Angliyskaya frazeologiya: kurs lektsiy* (English Phraseology: Lectures). Arkhangelsk: Pomorsky gos. un-t im. M. V. Lomonosova. (In Russian)].
- Федуленкова Т. Н. Английская фразеология как объект лингвокультурологии и лингводидактики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 52. С. 143–150. [Fedulenkova, Tatiana N. (2020) *Angliyskaya frazeologia kak obyekt lingvokulturologii i lingvodidaktiki* (English Phraseology as the Object of Linguoculturology and Linguodidactics). *LUNN Bulletin*, 52, 143–150. (In Russian)].
- Шапвалова А. П. Опыт построения общей теории аббревиации: на материале французских сокращенных лексических единиц. Дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2004. [Shapovalova, Aleksandra P. (2004) *Opyt postroeniya obshei teorii abbreviatsii na material frantsuzskih sokrashennykh leksicheskikh yedinit* (The Experience of Creating a General Theory of Abbreviation on the Material of French Abbreviated Lexemes). PhD (Advanced) Thesis (in Philology). Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Fedulenkova, Tatiana. (1997) Idioms as an Effective Means in Intercultural Approach. In Meta Grosman (ed.) *Approaches to Teaching English in an Intercultural Context*. Ljubljana: University of Ljubljana, Faculty of Arts, 67–74.

- Hofstadter, Douglas, & Moser, David. (1989) To Err is Human; to Study Error-making is Cognitive Science. *USA: Michigan Quarterly Review*, Vol. 28, 2, 185–215.
- Labrune, Laurence. (2012) *The Phonology of Japanese*. Oxford: Oxford University Press.
- Shibatani, Masayoshi. (1990) *The Languages of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 窪園晴夫 (2002). 新語はこうして作られる [Kobuzono, Haruo. (2002) *Shingo wa kou shite tsukurareru* (New Words Are Created This Way). Tokyo: Iwanami Shoten. (In Japanese)].
- 森庸子 (2002). 3モーラ複合語略語の生成要因 [Mori, Yoko. (2002) *San moora fukugougo ryakugo no seisei youin* (The Main Factors that Lead to the Creation of 3-mora Abbreviated Compounds). *Journal of the Phonetic Society of Japan*. Vol. 6, 1, 121–137. (In Japanese)].

Источник языкового материала / Language material resources

- 竹本素京, 加藤雅毅 (1990) 弾き語り女義太夫一代. [Takemoto, Sokyō, & Katō, Masaki. (1990) *Hikigatari onna gidayū ichidai* (The Life of a Woman-gidayū). Tokyo: Soshinsha Publishing. (In Japanese)].

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-24-38

ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ И ПРОБЛЕМА ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА*

Л. А. Брусенская¹, А. Р. Котаева²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

Современный конфликт между сторонниками западного влияния на все сферы (в том числе и на русскую лингвокультуру) и противниками такого влияния выполняет диагностическую роль, поскольку кумулирует в себе определенное социокультурное состояние, а значит — исследование его значимо для общей характеристики социальной жизни. Конфликт отражает объективные противоречия в социуме, а ценностный конфликт, подразумевающий противоборство несовпадающих точек зрения, есть атрибут социальной жизни. Споры по проблемам меры использования заимствований, а также их статуса в системе русского языка активизировались после введения антироссийских санкций и особенно — с началом специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. В научной литературе и в медиа активно обсуждаются проблемы импортозамещения не только в экономике, но также в русской культуре и в русском языке. Безудержное заимствование (главным образом из английского языка), которое было характерно вплоть до недавнего времени, вступает в противоречие с представлениями об оптимальном развитии отечественной лингвокультуры.

Целью статьи является анализ сущности ценностного конфликта, в основе которого лежат различные представления о мере использования иноязычных элементов в современной коммуникации. Материалом для статьи стали современные популярные медиа, главным образом 2022 года. С помощью когнитивного и лингвопрагматического анализа, с использованием аксиологического метода и с привлечением широкого социолингвистического контекста исследована вербализация ценностного конфликта, связанного с проблемой инокультурных заимствований. Степень проникновения иноязычного материала сегодня такова, что вряд ли правомерны обобщенные суждения о пользе или вреде заимствований: речь может идти о пользе или отсутствии таковой у конкретной лексемы, грамматической формы и даже отдельной литеры. Новые обстоятельства (санкции, уход из России многих иностранных компаний и т. д.) будут способствовать и языковому «импортозамещению», под которым следует понимать не глобальный отказ от всего иноязычного, а более взвешенное, функционально оправданное использование этих ресурсов.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002.

Ключевые слова: лингвоконфликтология; ценностный конфликт; глобализация; языковые заимствования; англизация; языковая политика.

Цитирование: Брусенская Л. А., Котаева А. Р. Ценностный конфликт и проблема иноязычных заимствований в русском языке XXI века // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 24–38. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-24-38.

Value Conflict and the Problem of Foreign Language Borrowings in the Russian Language of the 21st Century

Lyudmila A. Brusenskaya¹, Alena R. Kotaeva²

¹Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²A. A. Tibilov South Ossetian State University, Beslan, South Ossetia

The modern conflict between supporters of Western influence on all spheres of life and culture (including the Russian linguoculture) and opponents of such influence plays a diagnostic role, since it cumulates in itself a certain socio-cultural state, the study of which is significant for general characterization of social life. The conflict reflects objective contradictions in society, and the value conflict, implying a confrontation between these conflicting points of view, is a noticeable attribute of social life. Disputes about the use of borrowings and their status in the Russian language system have intensified after the introduction of anti-Russian sanctions and especially with the beginning of the special military operation to demilitarize and denazify Ukraine. Scientific literature and media actively discuss the problems of “import substitution” not only in the economy but also in the Russian culture and the Russian language. Unrestrained borrowing (mainly from English), which was characteristic until recently, contradicts the ideas about the optimal development of the national linguistic culture. The purpose of the article is to analyze the essence of the value conflict based on different ideas about the extent of using foreign language elements in modern communication. The article examines publications of popular modern media (mainly published in 2022) seeking to investigate the verbalization of this value conflict associated with the problem of foreign cultural borrowings, using cognitive and linguopragmatic analysis and the axiological method within a broad sociolinguistic context. The degree of penetration of foreign-language material today is such that conclusions about benefits or harm of borrowing in general are hardly justified: it might be more helpful to talk about benefits (or lack thereof) of specific lexemes, grammatical forms, or even individual letters of alphabet. New circumstances (sanctions, departure of many foreign companies from Russia, etc.) will also contribute to the linguistic “import substitution,” which should not be understood as a global rejection of everything foreign, but as a more balanced, functionally reasonable use of these resources.

Key words: linguoconflictology; value conflict; globalization; language borrowings; anglicization; language policy.

Citation: Brusenskaya, Lyudmila A., Kotaeva, Alena R. (2022) Value Conflict and the Problem of Foreign Language Borrowings in the Russian Language of the 21st Century. *LUNN Bulletin*, 4 (60), 24–38. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-24-38.

1. Введение

Как известно, конфликт отражает объективные противоречия в социуме, а ценностный конфликт, подразумевающий противоборство несопадающих точек зрения, есть атрибут социальной жизни (Литвин 2004; Трощенко 2012; Хроменков 2016; Нагайцев 2019; Саркисянц, Дышекова 2019; Кара-Мурза 2020 и др.). Современные медиа изобилуют информацией о конфликтах, в том числе в сфере отношений к языку и лингвокультуре. Наличие противоположных векторов сил отчетливо обозначилось с началом специальной военной операции, когда выяснилось, что, как удачно сформулировал Захар Прилепин, *коллективный Александр Проханов был прав, а Макаревич — нет* (Аргументы и факты, № 28, 2022). В цитируемой статье З. Прилепин пишет, что современный конфликт российских элит обусловлен тем обстоятельством, что государство в течение десятилетий пыталось встроить Россию во все европейские контексты, и Европа была нашим главным арбитром во всех сферах — в культуре, в образовании, в экономике. Против выступали только «дремучие маргиналы» вроде А. Проханова и Э. Лимонова, на которых «смотрели как на кретинов». Современный конфликт между сторонниками западного влияния на все сферы (в том числе и на русскую лингвокультуру) и противниками такого влияния выполняет диагностическую роль, поскольку кумулирует в себе определенное социокультурное состояние, а значит — исследование его значимо для общей характеристики социальной жизни.

2. Материалы и методы

Материалом для статьи стали современные популярные медиа, главным образом 2022 года. С помощью когнитивного и лингвопрагматического анализа, с использованием аксиологического метода и с привлечением широкого социолингвистического контекста исследована вербализация ценностного конфликта, связанного с проблемой инокультурных заимствований.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Давно отмечено, что инокультурные влияния распространяются не только на лексический — самый проницаемый и подвижный — уровень языка, но и на другие: опосредованно — на грамматический (проявлением чего является анализация грамматической системы русского языка), фонетический (прежде всего — на область интонации), на уровень языковых стратегий. Например, внедрившееся в русский язык, сначала в его устной форме, прощание *пока-пока* (калька с *Bye-bye*). В финале статьи Сергея

Шолохова, ведущего телепередачи «Тихий дом», видим его знаменитое прощание и в письменной форме:

(1) *Как тут не порадоваться: у нас есть еще один классный режиссер. Пока-пока, до встречи! Ваш Сергей Шолохов* (Аргументы недели, № 27, 2022).

Популярное выражение телеведущих (например, у Тиграна Кеосаяна) *берегите себя* — тоже калька с английского *take care*.

Ответственные деятели отечественной культуры всегда противостояли бездумному подражанию, см. строки из некролога, посвященного Александру Градскому: *Он учил своих воспитанников не манерничать, внедряя в русский текст англоязычные интонации...* (Литературная газета, № 48, 2021).

Влияние культурно-языковых контактов XXI века (Копоть 2020) на состояние современного русского языка оценивалось по-разному: как явный ущерб русскому миру либо же как естественный процесс эпохи глобализации, в котором много позитива. Чаще всего отрицательное отношение вызывало то обстоятельство, что «элементы русского языка разных уровней и разной сложности без видимых причин вытесняются английскими аналогами» (Кравченко 2021: 264). В современной публицистике по-прежнему немало эмоциональных протестов против неоправданного иноязычия:

(2) *...донимают и дырявят нас чужеземные слова-короеды: лакшери, митан, харассмент, чил, коворкинг* (Литературная газета, № 26, 2022). Особую остроту дискуссия приобретала, когда речь шла об искусственной ономастике — о городских топонимах, эргонимах и маркировках с использованием латиницы (см. анализ этой проблемы, а также исчерпывающую библиографию в работе [Велиев 2021]; о «лингвистическом ландшафте» см. также: [Backhaus 2007; Barni, Bagna 2010; Солнышкина, Исмагилова, Шигапова 2015; Crețan, Matthews 2016; Neethling 2016; Исмагилова, Солнышкина, Палутин 2020 и др.]).

Имея в виду масштабность процесса и его влияние на все языковые уровни, лингвисты говорят о «наблюдаемой сегодня англизации русского языка», для которой характерны масштабность, интенсивность и лавинообразность, причем лежащие в ее основе когнитивные процессы носят специфичный характер и мало связаны с объективной необходимостью пополнения словарного состава русского языка в связи с приходом в жизнь русского общества новых реалий, как это обычно имело место (Бойко 2020: 177). Сходное мнение см. в работах: (Захватаева 2013; Kravchenko, Voiko 2013; Фахрутдинова 2019; Бондаренко 2020; Киреева, Казютина, Сурова 2020; Пономаренко 2021; Попова, Саушева 2019).

Полагаем, однако, что дело обстоит иначе. Если даже «нет объективной необходимости в наименовании новых реалий», то очень часто англицизмы обогащают синонимические ряды как прагмемы — например, как слова с «прагматикой глобализма», слова оценочные, нередко очень тонко нюансирующие современный дискурс. *Хейт* — не реальная, а именно интернет-ненависть, *фейк* — не просто ложь, а вброшенная в интернет (Комсомольская правда, 2 ноября 2021). Или см. невозможность равноценной замены на «свое» англицизма *троллинг*, который прекрасно «работает» в таком контексте:

(3) *Вот если вы хотите, почему наша либеральная «интеллигенция» считает русских биомусором, посмотрите на ее учителей. Для них мы все — папуасы, русские Ваньки со щами в бороде. «Ваньки», кстати, взяли на вооружение западный опыт троллинга, и посольству США в Москве придется привыкать к новому адресу — площадь Донецкой Народной Республики (Московский комсомолец, 16 июня 2022).*

Словообразовательная активность «бесполезных», на первый взгляд, заимствований чрезвычайно велика, и нередко именно производные от англицизмов позволяют точно передать мысль. Так, писатель Ю. Поляков, известный своей подчеркнуто прорусской позицией (см., например, его публицистическую книгу «Желание быть русским»), для прояснения своей очень важной мысли использует слово *тинейджеризация* в 2004 г. и не находит ему замены в 2020 г.:

(4) *К сожалению, произошло то, что Семен Франк называл послереволюционной варваризацией общества, когда к власти, в том числе информационной, прорвались люди в большинстве своем малообразованные и тенденциозные, сориентированные в основном на личное обогащение. И они в соответствии со своим уровнем осуществляют тинэйджеризацию общества (Тверская 13, 05 июня 2004);*

(5) *И вот эта халтура формирует вкусы молодежи, которая все это читает и принимает за литературу, потому что о настоящей литературе им не рассказывают. Происходит тинэйджеризация общества (Стюарт 2020: 599).*

Очевидно, что исконные синонимы — *подросток*, *юноша*, *молодой человек* — не годятся как производящая основа для наименования нового и чрезвычайно важного понятия. Именно словообразовательная активность англицизмов, по мысли Т. Б. Радбиля, сохраняет зоны синтетизма в русском языке. Аналитизм, как считает Т. Б. Радбиль, соответствует «первой стадии апроприации заимствований», когда они еще не освоены русским миром. Если же приобщение к русскому миру осуществлено, «иноязычные явления на формально-структурном уровне демонстрируют “дрейф” в сто-

рону повышенного синтетизма» (Радбиль 2019: 218–219). Заметим, что англицизмы способствуют аналитизации русской грамматической системы только в одном секторе — в сфере адъективов: неизменяемые атрибуты стали чрезвычайно популярны в русском языке именно благодаря англоязычному влиянию, и это уже неотменимо (вряд ли когда-то выражение *бизнес-план* заменят чем-то вроде **бизнесовый план*).

«Ненужный» вроде бы *хот-дог* оказывается важен языку благодаря сформировавшейся четкой прагматике, которая позволяет использовать его в таком контексте:

(6) *В качестве «Анны Карениной» для чайников» книга Басинского безупречна, только не надо её выдавать за специальное расследование мудрым детективом несуществующих загадок. <...> Так что подлинную историю Анны Карениной написал Лев Толстой. А Павел Басинский поделился некоторыми о том сведениями, что, естественно, порицаемо быть не может, если, конечно, не выдавать хот-дог за фуа-гра* (Аргументы недели, № 15, 2022). Как видим, метафорическое использование обыденного англицизма из бытовой сферы позволяет тонкому стилисту Татьяне Москвиной дать убийственную по сути, но вполне «политкорректную» по форме характеристику претенциозной книге П. Басинского под названием «Подлинная история Анны Карениной».

Трудно переоценить возможности иноязычной лексики для формирования медийной языковой игры, в том числе – в современных условиях и в сегодняшних текстах, посвященных языковому «импортозамещению», например:

(7) Заголовок: *Кольные годы проходят* (производное от *кола*).

В мае на полках московских супермаркетов появилась газировка, которую разливают на заводах «Очаково». Вкусы и импортозамещения? Nate! Как тут не закосить под Маяковского:

Не нужна нам Cola буржуйская!

Дашь самостийную, нашу, родную —

Cool, Fancy и Street

Любой гастрит победит! (Комсомольская правда, 25 мая 2022); см. также заголовки статей — о перспективах АвтоВАЗа: (8) *Восставшие из Lada* (Комсомольская правда, 4 мая 2022) и об отечественном животноводстве: (9) *Вместо их meat — свое miaso* (Собеседник, № 18, 2022).

Всегда порицаемо было подражательное, униженное использование иноязычных единиц:

(10) *Зеленский, придя к власти, переименовал свою администрацию в «офис», подобно папуасу, верящему в волшебную силу слов белых людей. <...> Его мотивация ясна: белые господа в лондонах и вашиINGTONах*

называют свои учреждения «офисами» — если мы будем им слепо следовать, то и у нас будет так же хорошо, как у них (Московский комсомолец, 16 декабря 2020). Использование иноязычных единиц исключительно в качестве демонстрации престижа и социального статуса отправителя речи, что не связано с разумной функциональностью, усугубляет непростую лингвокультурную ситуацию с русским языком (Киреева, Казютина, Сурова 2020).

В федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» обосновано и зафиксировано отношение органов власти по вопросам выбора и использования заимствованных единиц терминологического характера в официальной коммуникации: в ч. 6 ст. 1 закон определяет, что «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке» (№ 53-ФЗ от 01.06.2005). Как известно, соблюдение закона может быть обеспечено только при наличии четких дефиниций, базовых для того или иного закона понятий. При определении возможности и меры использования заимствований таким является понятие «аналог», которое до сих пор практически лишено точных и четких дефиниций. Причем, как было показано, зачастую нет аналогии не собственно в семантическом, а в прагматическом содержании «своего» и английского синонимов. С началом специальной военной операции на Украине утратили актуальность споры, как обозначать многие бренды — кириллицей или латиницей (*Macdonald's* или Макдональдс). Надо полагать, уйдут как побудительные причины к использованию англицизмов интенции типа престижности, повышения значимости, соответствия языковой моде и т. п. В недавнем прошлом множество российских торговых марок было запатентовано с использованием английского языка, надо полагать, что такая практика уйдет в прошлое.

Весной 2022 г. глава комитета Госдумы по культуре Е. А. Ямпольская внесла законопроект об ужесточении борьбы с иноязычными заимствованиями, где речь идет не только о торговых вывесках, но и об использовании любых слов, которые просто заменяются английским эквивалентом, что является неуважением к русскому языку и родной стране. Прежде всего, считает Е. А. Ямпольская, необходимо создание *национально-ориентированной среды*, чтобы, когда идешь по городу, было ясно, в какой стране живешь, какой язык здесь является государственным. И если в случае с торговыми марками англицизмы хоть как-то можно объяснить, то в случае, если русские слова с непонятными провинциальными понтами

пишутся латиницей, то это является дурновкусной модой (РИА Новости, 24 апреля 2022)

Медиа отреагировали на инициативу с иронией:

(11) Глава думского комитета по культуре Елена Ямпольская с содроганием поведала, что на улицах крупных городов на латинице оформлено на 20–50 % процентов вывесок больше, чем на кириллице. <...> Неужели в стране нет более важных дел, чем вывески? <...> Москвичи, видимо, больше всего озабочены тем, что в московском метро все надписи с названиями станций продублированы в английской транскрипции. Это полное безобразие! С какого переляку ущемлять национальную гордость великороссов и помогать засланным диверсантам узнавать, в какую сторону им ехать (Собеседник, № 21, 2022);

(12) На минувшей неделе спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко вывела противостояние России с Западом на новый уровень: прямо с трибуны сената объявила войну англицизмам. Получилось довольно резонансно (Собеседник, № 23, 2022).

См. также интересный пример реализации намерений об импортозамещении в эргономике:

(13) А как мы будем восстанавливать в правах русский язык на Украине? Ведь у нас самих толком охраной и позитивным развитием родного языка почти не занимаются? Пример? Крупнейшая продовольственная площадка Москвы называется «Фудсити». И это сейчас-то, когда англо-саксы давят нас ложью и санкциями? Почему бы не переименовать, скажем, в «Пиццеград»? Чем хуже?хлопотно? А Санкт-Петербург во время германской войны переименовать в Петроград не хлопотно было? Русский язык, конечно, великий и могучий, но и он нуждается в заботе не только на Украине (Красная звезда, 27 апреля 2022).

С намерениями законодательной власти коррелирует и изменение трендов в поп-культуре, что ярче всего проявилось в молниеносной раскрутке певца Shaman'а (он же Ярослав Дронов) с песнями «Встанем!» и «Я русский». Почти десять лет певец ничем не отличался от собратьев по цеху, так что продюсер Алексей Остудин совершенно справедливо задается вопросом: что мешало ему раньше писать такие песни? Он называет это «грамотным продюсерским ходом»: сейчас показной патриотизм востребован, но старые исполнители «духоподъемной» музыки (Олег Газманов или Александр Маршал) не воспринимаются молодежью. Вывод продюсера: это качественный коммерческий патриотизм (Собеседник, № 32, 2022). Сходное мнение у музыкального критика Максима Кононенко:

(14) С музыкальной точки зрения у Шамана все сделано безупречно, и он чистой воды профессиональный продукт, в которого Дробыш вложил

много сил и денег. Но верить в его искренность я, тертый калач, увы, до конца не могу. Единственная причина моего неверия заключается в том, что он — продукт. Верить в искренность продюсерского проекта — странно. Проект — это голый расчет, а не вера и душа (Экспресс-газета, № 11, 2022).

Многие критики отмечают несоответствие главной песне «Я русский» сценического имени на латинице *Shaman* и облика (дреды, отсылающие, скорее, к Ямайке, чем к России). Но если иметь в виду, что все это — проект, и главная целевая аудитория проекта — молодежь, несоответствие становится вполне понятным.

Интересно, что тенденция возврата кириллических обозначений, отказ от бездумного копирования иностранного вполне уживается с тем, что символом специальной военной операции стала литера Z. Характерно, что не вполне внятно происхождение символа. Совсем недавно В. Новиков писал: «Латинское “Z” вместо русского “З” — обычный в наше время рекламный выпендрей» (Новиков 2007: 405). Сегодня у этого знака совсем иные функции и иная значимость: товары с буквой Z, включая футболки и толстовки, символизируют поддержку российских войск.

Ситуативно первичным (в феврале 2022 года) было использование военными буквы Z для маркировки российской военной техники (Глущенко 2022: 34).

(15) Z-символику связывают еще и с тем, что в 1960 году знак стал символом антифашизма в Греции, а также с возможностью литеры передавать смысл «он есть, он жив» (Литературная газета, № 20, 2022).

См. также:

(16) С литерой Z связывают «компьютерное» поколение. Этой же буквой стали помечать нашу боевую технику на Украине. Таким образом, все мы примкнули к поколению Z (Литературная газета, № 10, 2022). Как пишет О. А. Глущенко, «... буква Z стала использоваться для замещения текста в коммуникации, для которого не важен дословный состав, но значима интерпретанта: открытая поддержка российской операции по демилитаризации и денацификации Украины. Буква стала квазиидеограммой, за которой стоит не понятие или слово, а целый свернутый текст, то есть графема Z сейчас транслирует и репрезентативный, и эмоционально-экспрессивный, и апеллятивный посыл потенциального текста» (Глущенко 2022: 35). Литера пополнила разнородный класс современных аналит-прилагательных и стала в высшей степени частотной, см.:

(17) Не все вписались в Z-поворот (Литературная газета, № 26, 2022).

Естественно, что никакими постановлениями о всеобщем возвращении к кириллическим знакам эту ситуацию изменить невозможно.

4. Заключение

Итак, ценностный конфликт в современном российском обществе обусловлен расхождением представлений о путях развития и совершенствования русского языка и его соответствии новым общественным вызовам. Степень проникновения иноязычного материала сегодня такова, что вряд ли правомерны обобщенные суждения о пользе / вреде заимствований: речь может идти о пользе или отсутствии таковой у конкретной лексемы, грамматической формы и даже отдельной литеры. Думаем, что новые обстоятельства (санкции, уход из России многих иностранных компаний и т. д. и т. п.) будут способствовать и языковому «импортозамещению», под которым следует понимать не глобальный отказ от всего иноязычного, а более взвешенное, функционально оправданное использование этих ресурсов.

Список литературы / References

- Бойко С. А.* Когнитивный анализ англицизмов с точки зрения ориентирующей функции языка (на материале текстов современной российской рекламы). Монография. Ростов н/Д: ЮФУ, 2020. [Boiko, Svetlana A. (2020) Kognitivnyi analiz anglitsizmov s tochki zreniya orientiruyushchei funktsii yazyka (na materiale tekstov sovremennoi rossiiskoi reklamy). Monografiya (Cognitive Analysis of Anglicisms from the Point of View of the Orienting Function of Language (Based on the Texts of Modern Russian Advertising). Rostov-on-Don: SFU. (In Russian)]
- Бондаренко О. Р.* Современная дилемма: овладение английским языком и сохранение русскоязычной идентичности // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 6–12. [Bondarenko, Olga R. (2020) Sovremennaya dilemma: ovladenie angliiskim yazykom i sokhranenie russkoyazychnoi identichnosti (Modern Dilemma: Mastering English and Preserving Russian-Speaking Identity). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 6–12. (In Russian)].
- Велиев З. Б.* Онтология лингвоюридического конфликта (на материале онимов современного русского языка): Дис. ...канд. филол. наук. Ростов н/Д: РГЭУ (РИНХ), 2021. [Veliev, Zakhid B. (2021) *Ontologiya lingvoyuridicheskogo konflikta (na materiale onimov sovremennogo russkogo yazyka)*. (Ontology of the Linguistic and Legal Conflict (Based on the Material of the Onyms of the Modern Russian Language). PhD Thesis (in Philology). Rostov-on-Don: RSUE. (In Russian)].
- Глушченко О. А.* Расширение функционала графемы как проявление специфики семиотической природы языка (на примере Z-символизации в русском языке первой половины 2022 года) // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб. : Медиапир, 2022. С. 34–38. [Glushchenko, Olesya.A. (2022) *Rasshirenie funktsionala grafemy kak proyavlenie spetsifiki semioticheskoi prirody yazyka (na primere Z-simvolizatsii v russkom yazyke pervoi poloviny 2022 goda)* (The Expansion of the Grapheme Functionality as a Language Semiotic Essence Specifics Manifestation (Us-

- ing the Example of Z-symbolization in the Russian Language)]. In Duskaeva, Lilia R. (scie. ed.), Malyshev, Aleksandr A. (ed.). *Medialingvistika. Vyp. 9. Yazyk v koordinatakh massmedia : mat-ly VI Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iyunya–2 iyulya 2022 g.)* (Medialinguistics. Iss. 9. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of VI International Scientific Conference (Saint-Petersburg, June 30–July 02, 2022). Saint-Petersburg: Mediapapir, 34–38. (In Russian)].
- Захватаева К. С. Английские заимствования в современном русском языке: семантический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2013. [Zakhvataeva, Ksenia S. (2013) *Angliiskie zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyke: semanticheskii aspekt* (English Borrowings in Modern Russian: Semantic Aspect). PhD Thesis in Philology. Vladikavkaz. (In Russian)].
- Исмагилова А. Р., Солнышкина М. И., Палутина О. Г. Влияние глобализации на формирование лингвистического ландшафта // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 3. С. 361–366. [Ismagilova, Aliya R., Solnyshkina, Marina I., & Palutina, Olga G. (2020) *Vliyanie globalizatsii na formirovanie lingvisticheskogo landshafta* (The Globalization Influence on the Linguistic Landscape Formation). *Vestnik of the Mari State University*, Vol. 14, 3, 361–366. (In Russian)].
- Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 18–27. [Kara-Murza, Elena S. (2020) *Lingvokonfliktologiya i konflikty v russkom mediaprostranstve (analiz dvoynogo keisa)* (Linguoconflictology and Conflicts in the Russian Media Space (double case analysis). *Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 19 (1), 18–27. (In Russian)]
- Киреева Ю. Н., Казюткина Е. С., Сурова М. Н. Функционирование иноязычных вкраплений в современном русском языке [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020 № 1. Т. 11. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK120.pdf>. (дата обращения: 15.10.2022) [Kireeva, Yuliya N., Kazyutina, Evgenia S., & Surova, Mariya N. (2020) (2022, October 15) *Funktsionirovanie inoyazychnykh vkraplenii v sovremennom russkom yazyke* (Functioning of Foreign Language Inclusions in Modern Russian). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 1, Vol. 11. Retrieved from <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK120.pdf>. (In Russian)].
- Копоть Л. В. Экспликация гендерных стереотипов в художественном дискурсе Е. Г. Водолазкина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 4 (52). С. 38–48. [Kopot', Lilia V. (2020) *Ehksplikatsiya gendernykh stereotipov v khudozhestvennom diskurse E. G. Vodolazkina* (Explication of Gender Stereotypes in the Artistic Discourse of E. G. Vodolazkin). *LUNN Bulletin*, 4 (52), 38–48. (In Russian)].
- Кравченко А. В. Открывая язык заново: от нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. Монография. М: ЛЕНАРД. 2021. [Kravchenko, Aleksandr V. (2021) *Otkryvaya yazyk zanovo: ot nerealistichnoi lingvistiki k real'noi nauke o yazyke. Monografiya* (Rediscovering Language: from Unrealistic Linguistics to the Real Science of language. Monograph). Moscow: LENARD. (In Russian)].
- Литвин В. Л. Ценностный конфликт в современном обществе (социально-философский аспект): Дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2004. [Litvin, Vyacheslav L. (2004)

- Tsennostnyi konflikt v sovremennom obshchestve (sotsial'no-filosofskii aspekt)* (Value Conflict in Modern Society (Socio-philosophical Aspect)): PhD Thesis in Philosophy. Irkutsk. (In Russian)].
- Нагайцев В. В. К вопросу определения понятия «конфликтность в обществе» // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 15–16 ноября 2019 г. СПб.: Фонд развития конфликтологии, 2019. С. 242–244. [Nagaitsev, Viktor V. (2019) K voprosu opredeleniya ponyatiya «konfliktnost' v obshchestve» (On the Issue of Defining the Concept of “Conflict in Society”). In *Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira: materialy Tret'ego Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kongressa konfliktologov. Sankt-Peterburg (15–16 noyabrya 2019)* (Conflictology of XXI Century. Ways and Methods of Consolidating the Peace: Proceedings of the Third Saint-Petersburg International Congress of Conflictologists. Saint-Petersburg (2019, November 15–16)). Saint-Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii, 242–244. (In Russian)].
- Новиков Вл. Роман с языком. М.: Зебра Е; АСТ, 2007. [Novikov, Vladimir. (2007) *Roman s yazykom* (Romance with Language). Moscow: Zebra E; AST. (In Russian)].
- Пономаренко Е. П. Развитие языковой личности студентов технического университета в процессе рефлексивного обучения иностранному языку // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 137–148. [Ponomarenko, Ekaterina P. (2021) Razvitie yazykovoi lichnosti studentov tekhnicheskogo universiteta v protsesse reflektivnogo obucheniya inostrannomu yazyku (Development of the Linguistic Personality of Technical University Students in the Process of Reflexive Foreign Language Teaching). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 137–148. (In Russian)].
- Попова Т. Г., Саушева Е. В. Факторы, влияющие на формирование национального характера // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 45. С. 57–66. [Popova, Tatiana G., Sausheva, Elena V. (2019) Faktory, vliyayushchie na formirovanie natsional'nogo kharaktera (Factors Influencing the Formation of National Character). *LUNN Bulletin*, 45, 57–66. (In Russian)].
- Радбиль Т. Б. Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова: Взаимодействие лексики и грамматики. 2019. Вып. 20. С. 218–226. [Radbil', Timur B. (2019) Aktivnye leksiko-grammaticheskie protsessy v russkom yazyke nachala XX veka: problema lingvokul'turologicheskoi interpretatsii (Active Lexical and Grammatical Processes in the Russian Language of the Beginning of the XXI Century: the Problem of Linguistic and Cultural Interpretation). In *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova: Vzaimodeistvie leksiki i grammatiki* (Works of the Insitute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov: Interaction of Lexis and Grammar), 20, 218–226. (In Russian)].
- Саркисянц В. Р., Дышекова О. В. Иноязычные слова как фактор возникновения лингвоюридического конфликта // Гуманитарные и социальные науки 2019. № 6. С. 199–208. [Sarkisyants, Vladimir R., Dyshekova, Oksana V. (2019) Inoyazychnye slova kak faktor vzniknoveniya lingvoyuridicheskogo konflikta (Foreign Language

- Words as a Factor in the Linguistic and Legal Conflict). *Humanities and Social Sciences*, 6, 199–208. (In Russian)].
- Солнышкина М. И., Исмаилова А. Р., Шигапова Ф. Ф. Либерализм эргонимикона как угроза национальной идентичности (на примере современной Казани) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 5 (29). С. 34–39. [Solnyshkina, Marina I., Ismagilova, Aliya R., & Shigapova, Farida F. (2015) Liberalizm ehrgonimikona kak ugroza natsional'noi identichnosti (na primere sovremennoi Kazani) (Ergonymicon Liberalism as a Threat to National Identity (on the Example of Modern Kazan). *Science Journal of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 5 (29), 34–39. (In Russian)].
- Трошченкова Е. В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2 (18). С. 24–34. [Troshchenkova, Ekaterina V. (2012) Tsennostnyi konflikt v kommunikativnykh situatsiyakh razlichnogo tipa: vliyanie tsennostnykh mental'nykh reprezentatsii na strategii obshcheniya (Value Conflict in Various Types of Communicative Situations: the Influence of Value Mental Representations on Communication Strategies). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2 (18), 24–34. (In Russian)].
- Фахрутдинова М. Т. Особенности процесса англизации современного русского языка // Современные исследования социальных проблем. 2019. Том 11. № 5. С. 247–254. [Fakhrutdinova, Mimoza T. (2019) Osobennosti protsessa anglizatsii sovremennogo russkogo yazyka (Features of the Modern Russian Language Anglicization). *Modern Studies of Social Problems*, Iss. 5, Vol. 12, 247–254. (In Russian)].
- Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ. [*Federal'ny zakon «O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii»* ot 01.06.2005 № 53-FZ (Federal Law “On the State Language of the Russian Federation” dated 01.06.2005 № 53-FZ). (In Russian)].
- Хроменков П. Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа. Дис. ... д-ра. филол. наук. Москва, 2016. [Khromenkov, Pavel N. (2016) *Lingvopragmatika konflikta (issledovanie metodom kolichestvennogo kontent-analiza)* (Linguopragmatics of Conflict: Research by the Quantitative Content Analysis Method). PhD (Advanced Doctorate) Thesis in Philology. Moscow. (In Russian)].
- Backhaus, Peter. (2007) Linguistic Landscape. A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. *Multilingual Matters*. New York; Ontario: Clevalon, 103–121.
- Barni, Monica, & Bagna, Carla. (2010) Linguistic Landscape and Language Vitality. *Linguistic Landscape in the City*. Bristol; North York : Multilingual Matters, 13–19.
- Crețan, Remus, & Matthews, Philip W. (2016) Popular Responses to City-text Changes: Street Naming and the Politics of Practicality in a Post-socialist Martyr City. *Area*, Vol. 48, 1, 92–102.
- Kravchenko, Alexander V., & Boiko, Svetlana A. (2013) Anglicisms in Russian in the Context of the Orientational Function of Language. *Book of Proceedings: International Symposium on Language and Communication. 17–19 June, 2013. Izmir, Turkey*. Izmir: Ege University Atatürk Culture Center, 233–246.

Neethling, Bertie. (2016) Street Names: a Changing Urban Landscape. In Hough, Carole, & Izdebska, Daria. (eds.) *The Oxford Handbook of Names and Naming*. Oxford: Oxford Univ. Press, 145–157.

Источники языкового материала / Language material resources

- Абрамов А. Кольные годы проходят // Комсомольская правда. 2022. 25 мая. С. 13. [Abramov, Andrey. (2022) Kol'nye gody prokhodyat (Cola Years Are Passing). *Komsomol'skaya pravda*. May 25, 13 (In Russian)].
- Амелин Р. Нарушая правила // Литературная газета. 2022. № 26. С. 5 [Amelin, Rostislav. (2022) Narushaya pravila (Breaking the Rules). *Literaturnaya gazeta*, 26, 5. (In Russian)].
- Артемьев М. Великий и немощный // Московский комсомолец. 2020. 16 декабря. С. 4. [Artem'ev, Maksim. (2020) Velikii i nemoshchnyi (The Great and the Weak). *Moskovsky komsomolets*. December 16, 4. (In Russian)].
- В Госдуме разработали законопроект о борьбе с англицизмами [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2022. 26 апреля. URL: <https://ria.ru/20220426/zakonoproekt-1785595918.html>. (дата обращения: 15.10.2022). [V Gosdume razrabotali zakonoproekt o bor'be s anglitsizmami (2022, Oktober 15) (The State Duma Has Developed a Bill on Combating Anglicisms). *RIA Novosti*. April 26. Retrieved from <https://ria.ru/20220426/zakonoproekt-1785595918.html>. (In Russian)].
- Евсеев Б. Детоотступники // Литературная газета. 2022. № 26. С. 7. [Evseev, Boris. (2022) Detootsupniki (Child Offenders). *Literaturnaya gazeta*, 26, 7. (In Russian)].
- Грозный О. Суровая правда солдат // Красная звезда. 2022. 27 апреля. [Grozny, Oleg. (2022) Surovaya pravda soldat (The Harsh Truth of Soldiers). *Krasnaya zvezda*, April 27. (In Russian)].
- Гужева Н. Что лучше — галоши или мокроступы? // Собеседник. 2022. № 23. С. 6. [Guzheva, Nadezhda. (2022) Chto luchshe — galoshi ili mokrostupy? (Which is Better — Galoshes or Wet-shoes?). *Sobesednik*, 23, 6. (In Russian)].
- Джанибекий В. Цензор жил, цензор жив... Будет дальше жить? // Тверская, 13. 2004. 5 июня. [Dzanibekyan, Viktor. (2004) Tsenzor zhil, tsenzor zhiv... Budet dal'she zhit'? (The Censor Lived, the Censor Is Alive ... Will He Continue to Live?). *Tverskaya*, 13. June 05. (In Russian)].
- Жукова А. Скажи мне что-нибудь на новом русском // Комсомольская правда. 2021. 2 ноября. С. 7. [Zhukova, Asya (2021) Skazhi mne chto-nibud' na novom russkom (Tell Me Something in New Russian). *Komsomol'skaya pravda*. November 2, 7. (In Russian)].
- Крашенинникова В. Z как «живой» // Литературная газета. 2022. № 20. С. 2. [Krashenninnikova, Veronika. (2022) Z kak «zhivoi» (Z as “Alive”). *Literaturnaya gazeta*, 20, 2. (In Russian)].
- Кузнецова О. Нашаманил по полной // Собеседник. 2022. № 32. С. 14. [Kuznetsova, Olga. (2022) Nashamanil po polnoi (Well Done Like Shaman in Full). *Sobesednik*, 32, 14. (In Russian)].
- Москвина Т. Народ так и не узнает «подлинную историю Анны Карениной» // Аргументы недели. 2022. № 15. С. 15. [Moskvina, Tatyana. (2022) Narod tak i ne узнаet «podlinnuyu istoriyu Anny Kareninoi» (The People Will Never Know the “True Story of Anna Karenina”). *Argumenty nedeli*, 15, 15. (In Russian)].

- Перекрест В.* Восставшие из Lada // Комсомольская правда. 2022. 4 мая. С. 11. [Perekrest, Vladimir (2022) Vosstavshie iz Lada (Rebels from Lada). *Komsomol'skaya Pravda*, May 4, 11. (In Russian)].
- Подопригора Б.* Размышляя о времени Z // Литературная газета. 2022. № 10. С. 18 [Podoprigora, Boris. (2022) Razmyshlyaya o vremeni Z (Thinking about Z Time). *Literaturnaya gazeta*, 10, 18. (In Russian)].
- Попов Д.* Путин закрыл торгсин // Московский комсомолец. 2022. 14 июня. С. 2. [Popov, Dmitry. (2022) Putin zakryl torgsin (Putin Closed the Auction). *Moskovsky komсомоlets*. June 14, 2. (In Russian)].
- Прилепин З.* Мы эту обстановку накричали // Аргументы и факты. 2022. № 28. С. 19. [Prilepin, Zakhar. (2022) My etu obstanovku nakrichali (We Shouted This Situation). *Argumenty i fakty*, 28, 19. (In Russian)].
- Пухнавцев О.* Наследство Градского. За что народ полюбил его песни // Литературная газета. 2021. № 48. С. 22. [Pukhnavtsev, Oleg. (2021) Nasledstvo Gradskogo. Za chto narod polyubil ego pesni (Gradsky's Legacy. What Did People Love His Songs for). *Literaturnaya gazeta*, 48, 22. (In Russian)].
- Семенова П.* Бубен Shaman'a // Экспресс-газета (спецвыпуск). 2022. № 11. С. 24. [Semenova, Polina. (2022) Buben Shaman'a (Shaman's Tambourine). *Express-gazeta* (special issue), 11, 24. (In Russian)].
- Скворцова Е.* Вместо их meat — свое miaso // Собеседник. 2022. № 18. С. 7. [Skvortsova, Elena (2022) Vmesto ikh meat — svoe miaso (Instead of Their Meat — Our miaso). *Sobedesednik*, 18, 7. (In Russian)].
- Стюарт М.* Поляков Ю.: «Я никогда не бываю доволен собой» // Поляков Ю. От империи лжи — к республике вранья. Интервью 1986–2005. М.: Аргументы недели, 2020. [Stewart, M. (2020) Polyakov, Yu: "Ya nikogda ne byvayu доволен собой" ("I Am Never Satisfied"). *Polyakov, Yury. Ot imperii lzhi — k respublike vranya. Intervyu 1986–2005* (From Empire of Lie to Republic of Bullshit. Interviews 1986–2005). Moscow: Argumenty nedeli. (In Russia)].
- Шаповалов О.* Поработать языком // Собеседник. 2022. № 21. С. 3. [Shapovalov, Oleg. (2022) Porabotat' yazykom (Work with the Language). *Sobesednik*, 21, 3. (In Russian)].
- Шолохов С.* Дебют прошел проверку // Аргументы недели. 2022. № 27. С. 20. [Sholokhov, Sergey. (2022) Debyut proshel proverku (The Debut Has Passed the Test). *Argumenty nedeli*, 27, 20. (In Russian)].

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-39-50

МЕДИАДИСКУРС КАК ИСТОЧНИК ГРАММАТИЧЕСКИХ СДВИГОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Х. Г. Кодалаева¹, О. М. Акай^{2,3}

¹Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

³Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Известно, что художественная литература на рубеже XX–XXI вв. утратила нормотворческую функцию и уступила эту роль медиа. В XXI в. этот процесс только углубляется. Современный медиадискурс наглядно свидетельствует о высоких возможностях адаптивности грамматической системы языка в освоении концептуального содержания. Важнейшая для гуманитарной сферы идея толерантности распространилась и на область самой строгой грамматической нормы, где появились признаки «эластичной», «рекомендательной» (а не жесткой командной) нормативности. По многим причинам, в частности потому, что на смену собственно литературе пришли, по выражению писателя Юрия Полякова, ПИПы — персонифицированные издательские проекты, влияние на становление нормативности в большей мере стали оказывать медиа, а не художественно-беллетристические тексты. Цель статьи — проследить грамматические сдвиги, фиксируемые в медиа, определить причины и условия корректировки грамматической нормы в контексте идей экологической лингвистики. Анализ медийного дискурса дает отчетливое представление о глобальной направленности изменений грамматической системы, в частности — о соотношении аналитизма и флективности. Анализировать грамматические трансформации в медиа продуктивно с опорой на положение о диалектическом единстве формы и содержания, а также о противоречии как основном стимуле любого развития, применяя концептуальный арсенал современной экологической лингвистики, метод прагматической интерпретации нетривиальных грамматических форм, используемых в современных медиа. Текстуальное расширение границ парадигмы в медиа во многом обеспечивается элиминированием лакун. Многие грамматические изменения оказываются производными от социальных трансформаций. Это касается и широкого распространения в медиа феминитивов. Словоизменительная категория числа и словообразовательный именной род идут по пути усиления грамматической регулярности. Градуальность в сфере имен и глагольная переходность также наращивают возможности расширения. Этот процесс демонстрирует творческое начало грамматики, соответствует экологическому мышлению, которое отвечает за сохранение

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

многообразия форм выражения при соблюдении параметров семантической точности и прагматической уместности.

Ключевые слова: грамматика; морфологическая форма; грамматические категории; медиадискурс; лингвистическая экология.

Цитирование: Кодалаева Х. Г., Акай О. М. Медиадискурс как источник грамматических сдвигов в русском языке: лингвоэкологический аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 39–50. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-39-50.

Media Discourse as a Source of Grammatical Changes in the Russian Language: Linguoecological Aspect

Khansiyat G. Kodalaeva¹, Oksana M. Akay^{2,3}

¹ A. A. Tibilov South Ossetian State University, Beslan, South Ossetia

² People's Friendship University (RUDN University), Moscow, Russia

³ St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

It has been known for a long time that at the turn of the 20–21 centuries fiction lost its normative function, passing this role onto popular media. In the 21st century, this process has only deepened. Modern media discourse clearly demonstrates the high adaptability of the grammatical system of the language in appropriating new conceptual content. The all-important modern idea of tolerance has spread even to the area of the strictest grammatical standards, leading to signs of “elastic”, “recommendatory” (and not rigid) normativity. For a number of reasons — including that of literature itself being replaced, in the words of writer Yuri Polyakov, by PIPs, personalized publishing projects — it's no longer fiction but the media that now influences the formation of normativity. The purpose of the article is to trace grammatical changes introduced by the media and to determine the reasons and conditions for correcting the grammatical standard in the context of ecological linguistics. Our analysis of the media discourse clearly demonstrates the general direction of the changes in the grammatical system, expressed, in particular, in the ratio of analyticism and inflectivity. We used the method of pragmatic interpretation of non-trivial grammatical forms used in modern media, analyzing grammatical transformations in the media based on the theses about the dialectical unity of form and content and about contradiction being the main motivation for any development in the conceptual arsenal of modern ecological linguistics. Textual expansion of paradigm boundaries in the media is largely achieved by the elimination of lacunae, and many grammatical changes follow social transformations, including, for instance, the current widespread use of feminitives in the media. The inflectional category of number and the word-forming gender forms in nouns seem to be strengthening their grammatical regularity; graduality in nouns as well as verbal transitivity also seem to be increasing. This process demonstrates the creative essence of grammar and corresponds to ecological thinking, which is responsible for preserving the diversity of expression while keeping the parameters of semantic accuracy and pragmatic relevance.

Key words: grammar; morphological form; grammatical categories; media discourse; linguoecology.

Citation: Kodalaeva, Khansiyat G., Akay, Oksana M. (2022) Media Discourse as a Source of Grammatical Changes in the Russian Language: Linguoecological Aspect. *LUNN Bulletin*, 4 (60), 39–50. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-39-50.

1. Введение

О том, что художественная литература на рубеже XX–XXI вв. утратила нормотворческую функцию и уступила эту роль медиа, известно давно. В XXI в. этот процесс только углубляется. Как пишет Ю. Поляков, традиционное место писателей, властителей дум, заняли ПИПы — персонифицированные издательские проекты, серийные изготовители книжной продукции (Поляков 2019: 99). Влияние их на массовое сознание ничтожно: несмотря на внушительные рекламные кампании, никто не знает и не читает вчерашних лауреатов «Нацбеста» или «Большой книги». Между тем с каждым годом нарастает конкуренция между медиа за внимание читателей. И в современной медийной практике формируются новые модели коммуникации, разрушающие разнообразные каноны, в том числе и грамматические.

2. Материалы и методы

Анализировать грамматические трансформации в медиа продуктивно с опорой на положение о диалектическом единстве формы и содержания, а также о противоречии как основном стимуле любого развития. В статье применяется концептуальный арсенал современной экологической лингвистики, метод прагматической интерпретации нетривиальных грамматических форм, используемых в современных медиа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, экологическую лингвистику интересуют не только глобальные проблемы сохранения языков, но и частные вопросы, связанные с оптимизацией различных дискурсов (Stibbe 2015; 36–77; Егорова 2018; Fill, Penz 2018; Finke 2018). Чаше ее объектом становятся негативные деградационные процессы, из которых самым деструктивным считается снижение порога нормативности. Однако трансформация нормы далеко не всегда связана с ущербом для языка: напротив, она может свидетельствовать о закономерном элиминировании системных лакун, о реализации новых потенциалов, а значит — в полной мере соответствовать экологическому мышлению.

Анализ медийного дискурса дает отчетливое представление о глобальной направленности изменений грамматической системы, в частности — о соотношении аналитизма и флективности. Зонами именного аналитизма выступают несклоняемые существительные и аналит-прилагательные — особая часть речи, выделенная еще в 70-х гг. XX в. М. В. Пановым. Если несклоняемые существительные представляют собой, иначе говоря, нулевое склонение с омонимичными формами падежей,

то аналит-прилагательные — это не разряд внутри традиционных прилагательных, а особый грамматический класс, особая часть речи. Такая точка зрения базируется на том, что главным категориальным признаком обычных прилагательных является согласование, без которого нет и прилагательного. М. В. Панов наметил полтора десятка весьма немногочисленных разрядов аналит-прилагательных, иногда насчитывающих до десятка слов (Панов 1999). Сегодня утратилась сама возможность выделять какие-либо семантические разряды аналит-прилагательных, поскольку любое имя, в том числе аббревиатурное или нетранслитерированное, может быть употреблено в качестве препозитивного или постпозитивного аналит-прилагательного: *бизнес-проект, ковид-диссиденты, QR-код, ЛГБТ-активисты, йогурт малина, Face-контроль, кэшбэк-сервис, онлайн-покупки* и т. д. Грань между существительным и аналит-прилагательным стала текучей и подвижной — фактически все определяется только синтаксической ролью: *онлайн-площадка* (прилагательное), *ушли в онлайн* (существительное).

Вряд ли правомерно видеть в этом только влияние английской грамматики, потому что «с помощью аналитических образований оказывается возможным выразить такие тончайшие оттенки смысла, которые нельзя передать синтетическими языковыми средствами» (Родионова 2021: 8). Ср.:

(1) *Депутат Журавлев и супруги Скабеевы — безусловно, комбо! Как некоторые граждане могут это созерцать больше 15 секунд – загадка...* (Собеседник, № 32, 2022). Википедия дает: *комбо* (от англ. *combo* — комбинация, сочетание) – в играх: несколько сложных действий, выполненных подряд и без ошибок; в жизни: удачное сочетание (часто иронично или с сарказмом). То есть несклоняемое имя приобретает прагматические нюансы, которых лишено склоняемое *комбинация*. Распространение аналит-прилагательного *лайт* обусловлено тоже особой прагматикой, делающей возможными и частотными сочетания типа следующего:

(2) *Гораздо хуже, что люди, «темное царство», они слышат ино-агент, им кажется, что это шпион. Ну только такой шпион-лайт* (Эхо Москвы, 19 ноября 2021).

Несклоняемые имена нужны как обозначения новых реалий:

(3) *В Москве появились мадоннари* (Собеседник, № 36, 2022).

Мадоннари (итал. *madonnari*) — рисунки на асфальте, произведения городской живописи, одно из направлений стрит-арта.

Актуальны и заимствования еще XIX в.:

(4) заголовок: *Инкогнито-принц. К 135-летию со дня рождения И. Северянина* (Литературная газета, № 19, 2022).

Не следует, однако, делать вывод о глобальной анализации русской грамматической системы. «...Русский язык в ходе исторического развития сохранил и существенно расширил свои синтетические возможности и арсенал синтетических средств» (Шульга 2017: 239), и можно указать на группу заимствований с финалью *-а*, которые обычно перечислялись в ряду несклоняемых, однако см. ставшее обычным изменение по падежам слова *Шри-Ланка*:

(5) *Бежавший из собственной страны опальный президент Готабая Раджапакса — представитель крупного политического клана, державшего в своих руках власть над Шри-Ланкой в течение двадцати лет. За прошедший месяц в Шри-Ланке проезд в транспорте подорожал на 120 % (Завтра, № 28, 2022).*

Многие грамматические изменения оказываются производными от социальных трансформаций. Это касается, например, широкого распространения в медиа феминитивов. О намерении авторов медиа сделать женщин более заметными в общественной жизни с помощью феминитивов пишут многие исследователи (см., например: [Ван Яньбин 2018; Иванова 2018; Кобяков 2022; Пугачева 2019; Копоть 2020; Пономаренко 2021]). Однако феминизм «как система взглядов, направленная на гуманизацию социального положения женщин, как некая цивилизационная норма, в России пока не стал реальностью» (Беленко, Вьюн 2019: 15). С этим, очевидно, связано стремление активизировать такую специфическую лексико-грамматическую категорию, как феминитивы. А. А. Зауэр пишет, что «...стихийно образующиеся феминитивы не входят не только в политический, административный и образовательный дискурсы, но и практически отсутствуют в массмедийном дискурсе» (Зауэр 2020: 2). Наши наблюдения резко контрастируют с приведенным замечанием, феминитивы не просто частотны в медийном дискурсе, но являются его важной характеристикой:

(6) *Две недели назад мы писали о том, как потомственная евробюрократка рядится в одежды французской националистки для консолидации правых протестных настроений...<...>Итог выборов показал не только верность председательницы «Национального объединения» этому нехитрому плану, но и куда более занятные вещи. <...> С одной стороны, причиной этой умеренности на внутрифранцузском фронте стала беззубость Ле Пен — о том, что кандидатка не представляет серьезной угрозы для Макрона говорили еще перед первым туром. <...> Не будем всерьез считать Марин маргинальной оппозиционеркой и искренней противницей НАТО и Евросоюза... (Завтра, № 16, 2022);*

(7) *Собрание «пробужденных» дошло до такого белого каления, что его участники не впустили в зал Джойс Битти — коллегу-демократку и председательницу Черного кокуса (Завтра, № 15, 2022);*

(8) *Так вот: без художника Россия проживет спокойно. Без авторок и блогерок. Без рэперов и модельеров (Комсомольская правда, 20–27 апреля 2022);*

(9) *Понятно, что эту беспомощную книгу разрекламировали те, кто согласен с «черным мифом» о России, тюрьме народов, истязавшей племена, имевшие несчастье оказаться в «красном Египте». Понятно, что в основе сочинения лежит чья-то нелегкая судьба, и реальные черты этой конкретной жизни — единственное, что оживляет текст. В остальном же это просто злобное антисоветское фэнтези. Есть у нас такой популярный жанр. Чувствуется, **авторесса** не читала ни «Канунов» Белова, ни «Драчунов» Алексеева, а возможно, и «Поднятой целины» и просто не поняла, на каком высочайшем уровне эта тема поднималась в нашей литературе. Зачем? Она же **писатель!** (Бизнес ОНЛАЙН, 25 июля 2020).*

Как видим, феминитивы в медийном дискурсе прежде всего нацелены на выражение пейоративности, иронии, иногда — сарказма, и в этой роли они незаменимы.

Медийные тексты свидетельствуют еще об одной тенденции, связанной с категорией рода личных существительных, — об изменении норм согласования слов мужского рода, называющих женщин. Как известно, в грамматиках зафиксировано правило, согласно которому прилагательные согласуются с такими именами по формальному признаку, то есть по мужскому роду, а координация глаголов прошедшего времени происходит по женскому роду, однако ср.:

(10) *Затем в течение дня в правительстве Бориса в отставку ушли еще 34 человека, а на следующий день за ними последовало еще 60 депутатов и некоторые другие министры, в числе которых **была новоназначенная позавчера министр** образования (Завтра, № 27, 2022).*

Норма, связанная с координацией глагола-сказуемого, тоже сложилась недавно — всего 50–60 лет назад. Хорошо известно, как в штыки принимали такое согласование А. А. Ахматова, Л. К. Чуковская: согласование *врач пришла* представлялось вопиющей безграмотностью. Думаем, что согласование по смыслу (то есть по женскому роду, коррелирующему с женским полом) сделает правило более логичным, единообразным, а главное — семантически более информативным.

Остается актуальной медийная персонификация на основе категории рода:

(11) *Русофобия — дама модная и всегда драпируется в идеологические тряпки из последней сезонной коллекции* (Поляков 2019: 45).

Сдвиги, связанные с категорией числа, направлены прежде всего на расширение числовой парадигмы имен неконкретной семантики:

(12) *Анализ рейтингов крупных западных телекомпаний... показывает неуклонное падение зрительского интереса, лишь слегка вспыхивающего пиками на фоне очередных еженедельных «геноцидов» и выступлений президента Зеленского...* (Завтра, № 15, 2022);

(13) *Русский индивидуализм принципиально отличается от других индивидуализмов тем, что он не эгоистичен* (Культура, № 6, 2022);

(14) *Многие бизнесы, добившиеся в разное время льготных кредитов, прокручивали их через валютную биржу* (Комсомольская правда, 5 апреля 2022);

(15) *Сергей Переслегин: Риски — это ситуация, когда мы не знаем, что будет дальше — хорошо или плохо?* (Завтра, 7 апреля 2022);

(16) *Но хочу сказать, что «Золотому веку» и «Мелодии рассвета» в этом смысле повезло: было несколько хороших и полезных «критик»* (Литературная газета, № 28, 2022);

(17) *Закончу словами Николая Лескова, написанными полтора века назад: «Сегодня я говорил слово к убеждению в необходимости всегдашнего себя преображения, дабы силу иметь во всех **борьбах** коваться как металл некий крепкий и ковкий, а не плющиться как низменная глина, иссыхая, сохраняющая отпечаток последней ноки, которая на нее ступала»* (Завтра, № 13, 2022).

Интересно, что последние два существительных имели обычное множественное число в XIX в., затем их плюральность стала восприниматься как грамматический архаизм (что даже было зафиксировано лексикографией, например Толковым словарем русского языка под ред. Д. Н. Ушакова), а в наше время такие формы — одно из средств, позволяющих раздвинуть нормативные рамки и передать с помощью множественного числа идею разнородности, гетерогенности. «Рearхаизация» грамматических архаизмов в медиа — одно из проявлений элиминирования системных лакун в современном русском языке, которое в полной мере соответствует представлениям об экологичной коммуникации, поддерживающей многообразие средств языкового воплощения мысли.

По данным массмедиа, грамматико-словообразовательные парадигмы расширяются не только за счет плюральных форм и феминитивов, но также за счет компаративов, которые в современной речевой практике связываются отнюдь не только с качественными прилагательными и даже не ограничиваются прилагательными как частью речи. Есть основания гово-

речь о снятии ограничений на градуируемость имен, что в известном смысле возвращает их к стадии недифференцированности:

(18) *Мы на все вопросы ответили членораздельно и положительно. Частная собственность — да. И никогда за последние годы не прозвучало, что это будет отменено. Олигархи? Так они у нас **самые олигархистые в мире!*** (Союзное Вече, 13 мая 2022);

(19) *Ну **очень ленивый голубец** (рецепт капустной запеканки)* (Собеседник, № 9, 2022).

См. также многочисленные примеры ненормативных степеней сравнения (типа *лимоннее лимонов, самый сумчатый магазин* и т. п.), выполняющих разнообразные прагматические функции, в работе (Акай 2020).

Элиминирование системных лакун проявляется и в сфере категории переходности, которая существенно расширяет свои границы. Это характерно прежде всего для разговорной речи (*надо загорать ноги, прогуливать собаку, нас отпросили с лекции* и пр.), черты которой активно фиксируются в медиа:

(20) *К концу июня, судя по циркулирующим в британской прессе слухам, стало видно, что **Бориса пытаются «уйти»** и тщательно ищут для этого повод* (Завтра, № 27, 2022);

(21) заголовок: *За что **«ушили»** дирижера Михаила Плетнева* (Собеседник, № 27, 2022).

Как известно, «грамматическая специфика медиаречи образуется не какими-то монополярными особенностями, а статистическим накоплением целого комплекса языковых характеристик» (Норман 2021: 60). Думаем, что одно из направлений формирования этой специфики состоит в активном элиминировании морфологических и грамматико-словообразовательных лакун.

4. Заключение

Итак, текстуальное расширение границ парадигмы в медиа во многом обеспечивается элиминированием лакун. Словоизменительная категория числа и словообразовательный именной род идут по пути усиления грамматической регулярности. Градуальность в сфере имен и глагольная переходность также наращивают возможности расширения. Этот процесс демонстрирует творческое начало грамматики, соответствует экологическому мышлению, которое отвечает за сохранение многообразия форм выражения при соблюдении параметров семантической точности и прагматической уместности. Современный медиадискурс наглядно свидетельствует о высоких возможностях адаптивности грамматической системы языка в освоении концептуального содержания.

Список литературы / References

- Акай О. М. Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты. Монография. Ростов н/Д: ЮФУ. 2020. [Akay, Oksana M. (2020) *Fenomen grammaticheskoi lakunarnosti: kognitivnyi i lingvopragsmaticheskii aspekty. Monografiya* (The Phenomenon of Grammatical Lacunarity: Cognitive and Linguopragmatic Aspects. Monograph). Rostov-on-Don: SFedU. (In Russian)].
- Беленко В. Е., Вьюн М. А. Содержательное наполнение концепта «феминизм» в российской общественно-политической периодике // Экология языка: южно-российский опыт межкультурной коммуникации: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (31 октября 2019 г.). Краснодар: Краснодар. гос. ин-т культуры, 2019. С. 8–18. [Belenko, Viktoria E., V'yun, Maria A. (2019) *Soderzhatel'noe napolnenie kontsepta «feminizm» v rossiiskoi obshchestvenno-politicheskoi periodike* (The Content of the Concept “feminism” in the Russian Socio-political Periodicals). In *Ekologia yazyka: yuzhno-rossiyskiy opyt mezhkul'turnoy kommunikatsii: sbornik statey Vserossiyskoy naucho-prakticheskoy konferentsii (31 oktyabrya 2019 g.)* (Linguoecology: South-Russian Experience of Intercultural Communication: Collection of Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 31, 2019)). Krasnodar: Krasnod. gos. in-t kul'tury, 8–18. (In Russian)].
- Ван Яньбин. Новейшие феминитивы и их отражение в Викисловаре и в языке Интернета // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: Материалы III международной научно-практической конференции / Под. ред.: В. П. Абрамова и др. Краснодар: КубГУ, 2018. С. 68–70. [Van, Yan'bin. (2018) *Noveishie feminitivy i ikh otrazhenie v Vikislovare i v yazyke Interneta* (The Latest Feminitives and Their Reflection in Wiktionary and in the Language of the Internet). In Abramov, Valery P. et al. (eds.) *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya: Materialy III mezhdunarodnoy naucho-prakticheskoy konferentsii* (Topical Issues of Modern Philology: Theory, Practice, Prospects of Development: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference). Krasnodar: KubGU, 68–70. (In Russian)].
- Егорова Л. Г. Приемы речевого воздействия в современном региональном медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. № 43. С. 30–38. [Egorova, Lyudmila G. (2018) *Priemy rechevogo vozdeistviya v sovremennom regional'nom mediadiskurse* (Techniques of Speech Influence in Modern Regional Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 43, 30–38. (In Russian)].
- Зауэр А. А. Феминитивы в русскоязычном интернет-пространстве // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 2 (27). С. 2–12. [Zauehr, Anzhelika A. (2020) *Feminitivy v russkoyazychnom internet-prostranstve* (Feminitives in the Russian-speaking Internet space). *Memoirs of NovSu*, 2 (27), 2–12. (In Russian)].
- Иванова О. В. Ассоциативные связи лексических единиц в тексте // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 44. С. 50–59. [Ivanova, Olga V. (2018) *Assotsiativnye svyazi leksicheskikh edinit v tekste* (Associative Links of Lexical Units in the Text). *LUNN Bulletin*, 44, 50–59. (In Russian)].

- Кобяков А. В. Журналистские жанры и феминитивы: влияние на языковую практику // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: Мат-лы VI Междуна- р. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2022 г.) / Науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапепир, 2022. С. 45–48. [Kobyakov, Aleksandr V. (2022) Zhurnalistskie zhanry i feminitivy: vliyanie na yazykovuyu praktiku) (Journalistic Genres and Feminitives: Influences on Language Practice). In Duskaeva, Lilia R. (scie. ed.), Malyshev, Aleksandr A. (ed.). *Medialingvistika. Vyp. 9. Yazyk v koordinatakh massmedia : mat-ly VI Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iyunya–2 iyulya 2022 g.)* (Medialinguistics. Iss. 9. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of VI International Scientific Conference (Saint-Petersburg, June 30–July 02, 2022). Saint-Petersburg: Mediapapir, 45–48. (In Russian)].
- Копоть Л. В. Экспликация гендерных стереотипов в художественном дискурсе Е. Г. Водолазкина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 4 (52). С. 38–48. [Kopot, Lilia V. (2020) Ehksplikatsiya gendernykh stereotipov v khudozhestvennom diskurse E. G. Vodolazkina (Explication of Gender Stereotypes in the Artistic Discourse of E. G. Vodolazkin). *LUNN Bulletin*, 4 (52), 38–48. (In Russian)].
- Норман Б. Ю. Есть ли у медиатекстов своя грамматика? // Медиалингвистика. Вып. 8. Язык в координатах массмедиа: Мат-лы V Междуна- р. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2021 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапепир, 2021. С. 59–61. [Norman, Boris Yu. (2021) Est' li u mediatekstov svoya grammatika? (Do Media Texts Have Their Own Grammar?). In In Duskaeva, Lilia R. (scie. ed.), Malyshev, Aleksandr A. (ed.). *Medialingvistika. Vyp. 8. Yazyk v koordinatakh massmedia : mat-ly V Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iyunya–2 iyulya 2021 g.)* (Medialinguistics. Iss. 8. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of V International Scientific Conference (Saint-Petersburg, June 30–July 02, 2021). Saint-Petersburg: Mediapapir, 59–61. (In Russian)].
- Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. [Panov, Mikhail V. (1999) *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* (Positional Morphology of the Russian Language). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Пономаренко Е. П. Развитие языковой личности студентов технического университета в процессе рефлексивного обучения иностранному языку // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 137–148. [Ponomarenko, Ekaterina P. (2021) Razvitie yazykovoi lichnosti studentov tekhnicheskogo universiteta v protsesse reflektivnogo obucheniya inostrannomu yazyku (Development of the Linguistic Personality of Technical University Students in the Process of Reflexive Foreign Language Teaching). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 137–148. (In Russian)].
- Пугачева Е. В. Феминитивы: неологическая картина (по данным словарей) // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, 20–23 марта 2019 г.). Труды и материалы. М.: МГУ, 2019. С. 88–89. [Pugacheva, Elena V. (2019) Feminitivy: neologicheskaya kartina (po dannym slovarei) (Feminitives: Geological Picture (According to Dictionaries). In *Russky yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': VI Mezhdunarodny congress issledovateley russkogo yazyka* (Moskva, 20–23 marta

- 2019 g.). *Trudy i materialy* (The Russian Language: Historical Destinies and Modernity: VI International Congress of Researchers of the Russian Language (Moscow, March 20–23, 2019). Proceedings and Materials). Moscow: MSU, 88–89. (In Russian)].
- Родионова И. Г. Развитие аналитических форм и аналитических конструкций в грамматическом строе современного русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2021. [Rodionova, Inessa G. (2021) *Razvitie analiticheskikh form i analiticheskikh konstruktssii v grammaticheskom stroe sovremennogo russkogo yazyka* (The Development of Analytical Forms and Analytical Constructions in the Grammatical Structure of the Modern Russian Language). Extended abstract of PhD (Advanced Doctorate) Thesis in Philology. Tambov. (In Russian)].
- Шульга М. В. О векторе развития русской морфологической системы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 4. С. 232–242. [Shul'ga, Maria V. (2017) O vektore razvitiya russkoi morfologicheskoi sistemy (On the Vector of Development of the Russian Morphological System). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 16 (4), 232–242. (In Russian)].
- Fill, Alwin F., Penz, Hermine. (2018) Ecolinguistics in the 21st Century: New Orientations and perspective. In Fill, Alwin, & Penz, Hermine. (eds.) *The Routledge Handbook of Ecolinguistics*. New York, London: Routledge, 437–443.
- Finke, Peter. (2018) Transdisciplinary Linguistics. Ecolinguistics as a Pacemaker into a New Scientific Age perspective. In Fill, Alwin, & Penz, Hermine. (eds.) *The Routledge Handbook of Ecolinguistics*. New York, London: Routledge, 406–419.
- Stibbe, Arran. (2015) *Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live by*. London, New York: Routledge.

Источники языкового материала / Language material resources

- Александр Карелин: Чем ответить на унижение наших спортсменов // Союзное Вече. 2022. № 21. 13 мая. [Aleksandr Karelin: SChem otvetit' na unizhenie nashih sportsmenov. (2022) (How to Respond to the Humiliation of Our Athletes). *Soyuznoe Veche*. May 13, 21. (In Russian)].
- Батчиков С. Преображение себя // Завтра. 2022. № 13. С. 5. [Batchikov, Sergey. (2022) *Preobrazhenie sebya* (Transforming Yourself). *Zavtra*, 13, 5. (In Russian)].
- В Москве появились мадоннари // Собеседник. 2022. № 36. С. 22. [V Moskve poyavilis' madonnari (In Moscow Madonnari Have Appeared) (2022) *Sobesednik*, 36, 22. (In Russian)].
- Воробьев В. Укроскепсис // Завтра. 2022. № 15. С. 2. [Vorob'ev, Valery. (2022) *Ukroskepsis* (Ukroskepsis). *Zavtra*, 15, 2. (In Russian)].
- Ворсобин В. Анатолий Вассерман: А как чинили Украину после 1945-го? Неплохо же получилось. Так же будет! // Комсомольская правда. 2022. 5 апреля. [Vorsobin, Vladimir. (2022) Anatolij Vasserman: A kak chinili Ukrainu posle 1945-go? Neploho zhe poluchilos'. Tak zhe budet! (Anatoly Wasserman: And how was Ukraine repaired after 1945? It turned out pretty well. It will also be!). *Komsomol'skaya Pravda*, April 5. (In Russian)].
- Глебов Д. И слово в музыку вернись // Литературная газета. 2022. № 28. С. 24. [Glebov, Dmitry. (2022) I slovo v muzyku vernis' (And the Word to the Music Come Back). *Literaturnata gazeta*, 28, 24. (In Russian)].

- Гужева Н. Пропганда и Рэмбо // Собеседник. 2022. № 32. С. 3. [Guzheva, Nadezhda. (2022) Propaganda i Rembo (Propaganda and Rambo). *Sobesednik*, 32, 3. (In Russian)].
- Зайцев К. Итоги борьбы нанайских девочек // Завтра. 2022. № 16. С. 2. [Zaitsev, Kirill. (2022) Itogi bor'by nanaiskikh devochek (The Results of the Struggle of the Nanai Girls). *Zavtra*, 16, 2. (In Russian)].
- Интервью с Т. Москвиной [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 2021. 19 ноября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=93xIUhyogss>. (дата обращения: 15.10.2022). [Interv'yu s T. Moskvinoi (Interview with T. Moskvina) (2021) (2022, October 15). *Ekho Moskvu*. November 19. Retrieved from <https://www.youtube.com/watch?v=93xIUhyogss>. (In Russian)].
- Латов А. Цейлонское варево // Завтра. 2022. № 28. С. 2. [Latov, Arseny. (2022) Tseilonskoe varevo (Ceylon Brew). *Zavtra*, 28, 2. (In Russian)].
- Мараховский В. Русский индивидуализм против шкурности // Культура. 2022. № 6. С. 3. [Marakhovskii, Viktor. (2022) Russkii individualizm protiv shkurnosti (Russian Individualism Against Shkurnost'). *Kul'tura*, 6, 3. (In Russian)].
- Ноздряков Д. За что «ушли» дирижёра Михаила Плетнёва // Собеседник. 2022. № 27. С. 2. [Nozdryakov, Danila. (2022) Za cho "ushli" dirizhera Mikhaila Pletneva (What Was Conductor Mikhail Pletnev Forced to Resign for). *Sobesednik*, 27, 2. (In Russian)].
- Ну очень ленивый голубец (рецепт капустной запеканки) // Собеседник. 2022. № 9. С. 23. [Nu ochen' lenivyi golubets (retsept kapustnoi zapekanki) (Well, Very Lazy Cabbage Rolls (Cabbage Casserole Recipe)). *Sobesednik*, 9, 2. (In Russian)].
- Переслегин С. Ход конем. Путин и закат империи доллара // Завтра. 2022. 7 апреля. С. 6. [Pereslegin, Sergey. (2022) Khod konem. Putin i zakat imperii dollara (Tricky move. Putin and Decline of Dollar Empire). *Zavtra*, April 7, 6. (In Russian)].
- Поляков Ю. Перелетная элита. М.: Книжный мир, 2019. [Polyakov, Yury. (2019) *Pereletnaya ehlita* (Migratory Elite). Moscow: Knizhny mir. (In Russian)].
- Поляков Ю. Курс Путина спас страну, в Казани это лучше понимают, чем в Москве [Электронный ресурс] // Бизнес ONLINE. 2020. 25 июля. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/475905>. (дата обращения: 15.10.2022). [Polyakov Yury. (2020) (2022, October 15) Kurs Putina spas stranu, v Kazani ehto luchshe ponimayut, chem v Moskve (Putin's Course Saved the Country, Kazan Understands This Better Than Moscow). *Business ONLINE*. July 25. Retrieved from <https://www.business-gazeta.ru/article/475905>. (In Russian)].
- Скрылева Ю. Инкогнито-принц. К 135-летию со дня рождения И. Северянина // Литературная газета. 2022. № 19. С. 23. [Skryleva, Yulia. (2022) Inkognito-prints. K 135-letiyu so dnya rozhdeniya I. Severyanina (Incognito-Prince. To the 135th Anniversary of the Birth of I. Severyanin). *Literaturnaya gazeta*, 19, 23. (In Russian)].
- Титов И. Прощай, Борис // Завтра. 2022. № 27. С. 2. [Titov, Ilya. (2022) Proshchay, Boris (Goodbye, Boris). *Zavtra*, 27, 2. (In Russian)].
- Туханина О. Держите свою фигу в кармане. Но не вынимайте! // Комсомольская правда. 2022. 20–27 апреля. С. 5. [Tukhanina, Olga. (2022) Derzhite svoyu figu v karmane. No ne vynimaite! (Keep Your Fig in Your Pocket. But Don't Take It out!). *Komso-mol'skaya pravda*. April 20–27, 5. (In Russian)].
- Черемных К. Эко невидаль // Завтра. 2022. № 15. С. 5. [Cheremnykh, Konstantin. (2022) Ehko nevidal' (No One Was Surprised by This). *Zavtra*, 15, 5. (In Russian)].

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-51-62

АББРЕВИАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НЮАНСИРОВАНИЯ НОВЫХ СМЫСЛОВ*

Э. Г. Куликова¹, З. К. Тедеева²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

²Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

Возрастающий объем передаваемой информации и стремление к компрессии единиц информационного обмена обуславливают особую значимость аббревиатур в современной медийной коммуникации. Аббревиация традиционно исследовалась как один из продуктивных способов словообразования, соответствующий принципу языковой экономии и обеспечивающий лаконичность речи (иногда, конечно, в ущерб ясности). В русистике хорошо описана таксономия аббревиатур. Внимание, как правило, уделялось, и ортологическим проблемам аббревиации — нормам произношения и грамматическим характеристикам (прежде всего таким, как род и склоняемость). Гораздо реже исследовались прагматические свойства аббревиатур и их возможности в формировании типов дискурса. В лингвистической литературе существуют различные точки зрения по вопросу о том, какие знаки следует относить к аббревиатурам, — существует, например, разграничение аббревиатур и сокращений и т. д. В данной статье принято широкое понимание аббревиации как любого процесса сокращения единиц, поскольку главным признается именно процесс редукции исходного наименования. Аббревиатура — это отдельный знак, который в процессе функционирования в различных типах дискурса видоизменяет свою семантику, формирует новое (в отличие от исходного словосочетания) прагматическое содержание и приобретает способность особым образом нюансировать мысль. Есть такие аббревиатуры, которые производят комическое впечатление вследствие семантической абсурдности и неблагозвучия. Степень известности аббревиатуры иногда может не соответствовать ее номинативной значимости. Помимо собственно номинативной функции, аббревиатуры в современных медиа играют многие собственно дискурсивные роли. Будучи знаками вторичной номинации, аббревиатуры, особенно те, которые функционируют на протяжении длительного времени, могут приобретать коннотации, отсутствующие у исходного словосочетания. Полное наименование и его аббревиатурный вариант нередко различаются прагматическими оттенками. Экологический подход к языковым ресурсам состоит в поддержании многообразия средств воплощения мысли, и аббревиатуры современных медиа, при должном их использовании (исключая агномию), в полной мере соответствуют экологическому мышлению. На материале современных медийных текстов проанализированы когнитивные и лингвопрагматические параметры аббревиатур с позиций современной лингвистической экологии.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001.

Ключевые слова: словообразование; аббревиация; ясность; уместность речи; ирония; лингвоэкология.

Цитирование: Куликова Э. Г., Тедеева З. К. Аббревиация в контексте нюансирования новых смыслов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 51–62. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-51-62.

Abbreviation in the Context of New Meaning Nuances

Ella G. Kulikova¹, Zaira K. Tedeeva²

¹ People's Friendship University (RUDN University), Moscow, Russia

² A. A. Tibilov South Ossetian State University, Beslan, South Ossetia

The increasing volume of transmitted information and the tendency to compress information exchange units determine the special importance of abbreviations in modern media communication. Abbreviation has traditionally been studied as a productive way of word formation, connected with the principle of linguistic economy and providing conciseness of speech (sometimes, of course, to the detriment of clarity). The taxonomy of abbreviations is well described in Russian studies, and, typically, there is also emphasis on orthological problems of abbreviation, including pronunciation standards and grammatical characteristics (primarily relating to gender and declension). The pragmatic properties of abbreviations and their potential in the formation of discourse types, however, have been studied much less frequently. In the linguistic studies, there are different points of view on which signs should be classified as abbreviations: for instance, some linguists make a distinction between shortenings and abbreviations, etc. In this article, a broad understanding of abbreviation is accepted, and abbreviation is considered to be any process of reducing units, since it's the process of reducing the original name that seems to be essential. An abbreviation is a separate sign, whose functioning in different types of discourse modifies its semantics, forms a new (i.e. different from original phrase) pragmatic content, and acquires the ability to nuance thought in a special way. There are abbreviations that produce a comic impression due to their semantic absurdity coupled with diaphony. For some abbreviations, the degree of their prominence may not ontologically correspond to their nominative significance. In addition to their nominative function, abbreviations in modern media play many discursive roles. Being signs of secondary nomination, abbreviations (especially those that have been in use for a long time) can get new connotations in comparison with the original phrase; thus the full nomination and its abbreviation often differ in the shades of their pragmatic meaning. This research analyzes the cognitive and linguopragmatic parameters of abbreviations from the standpoint of modern linguistic ecology, using the material of modern media texts. Since the ecological approach to language resources is connected with maintaining a variety of means of embodying thought, the authors conclude that abbreviations of modern media, in their proper use (excluding agnonymy), fully correspond to ecological thinking.

Key words: word formation; abbreviation; clarity; relevance of speech; irony; linguoecology.

Citation: Kulikova, Ella G., Tedeeva, Zaira K. (2022) Abbreviation in the Context of New Meaning Nuances. *LUNN Bulletin*, 4 (60), 51–62. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-51-62.

1. Введение

Прелюдией к современным лингвоэкологическим идеям Г. Г. Хазагеров справедливо считает идею культивирования языка, которая зародилась в античной риторике (Хазагеров 2022: 232). Под культивированием понималось прежде всего поддержание всех полезных явлений и противодействие вредным («сорнякам»). Аббревиация, бум которой пришелся на первые годы советской власти, соответствовала качествам хорошей речи в понимании классической риторики – красоте, лаконичности, уместности (ср. многочисленные оценочные суждения о «революционных» аббревиатурах, которые приведены в работе [Куликова, Светличная 2015]). Аббревиатура считается языковым способом компрессии существующих номинативных средств (словосочетаний) (Чернейко 2020), и семантическое содержание аббревиатуры раскрывается, на первый взгляд, простой расшифровкой (восполнением) сокращенных элементов. Однако аббревиатура — это отдельный знак, который в процессе функционирования в различных типах дискурса видоизменяет свою семантику (как в случаях типа *колхоз*), формирует новое (в отличие от исходного словосочетания) прагматическое содержание и приобретает способность особым образом нюансировать мысль.

2. Материалы и методы

На материале современных медийных текстов с использованием методов социолингвистического, лингвопрагматического и когнитивного анализа исследованы возможности аббревиатур формировать экологичную коммуникацию.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В лингвистической литературе есть различные точки зрения по вопросу о том, какие знаки следует относить к аббревиатурам, существует, например, разграничение аббревиатур и сокращений и т. д. В данной статье принято широкое понимание аббревиации как любого процесса сокращения единиц, поскольку главным признается именно процесс редукции исходного наименования.

Аббревиатуры, как и другие знаки языка, имеют прагматические значения:

(1) *Об этом моя новая книга. Я писал ее с трепетом, погружаясь сердцем в живую воду памяти, извлекая из глубины сознания милые мелочи минувшего, перебирая забытые словечки ушедшей эпохи, стараясь воплотить в языке тот далекий утраченный мир, который исчез навсегда вместе с Советским Союзом — со страной, где, устремляясь в будущее, так*

любили для скорости сокращать: «ликбез», «колхоз», «комсомол», «райком», «спортзал», «детсад», «совдетство»... (Завтра, № 33, 2021).

В полном соответствии со своими представлениями о советском прошлом Ю. Поляков назвал свою автобиографическую книгу именно с помощью аббревиатуры — «Совдетство», совершенно точно уловив, что вариант «Советское детство» был бы излишне пафосным и менее личностным. Это пример тонкой нюансировки мысли, которая осуществлена с помощью аббревиатурного обозначения. См. мнение Ю. А. Хуснуллиной о том, что «аббревиатура уже с этапа своего зарождения обладает определённой эмоциональной окраской», поскольку еще «на этапе ее порождения автор пытается реализовать в значении определённые прагматические установки» (Хуснулина 2012: 21), а также положение о том, что в «своём становлении аббревиатура проходит через когнитивное, эмоционально-оценочное и образное измерения» (Жолтикова 2017: 28). В контексте того, как аббревиатуры воспринимаются, можно говорить о словах-агнонимах. Аббревиатура не нуждается в расшифровке, если адресат знает ее значение.

(2) Лид: *Этим летом в Перми ожидается неожиданное мероприятие — БДСМ-фестиваль.*

Текст: *Организаторы обещают всем любителям «пожестче» «незабываемый отдых и мастер-классы от приглашенных профессионалов». А также все виды связываний, воск, плейтисинг и мумификацию, что бы это ни значило. <...> Прослышавший об этом депутат Госдумы Виталий Милонов немедленно возбудился. «Участников БДСМ-фестиваля предлагаю отправить на расчистку завалов, которые образованы другими БДСМ-вредителями с Западной Украины, — заявил он. <...> Кажется, г-н Милонов смыслит в БДСМ гораздо больше, чем организаторы БДСМ-фестиваля* (Собеседник, № 19, 2022).

Часто авторы расшифровывают аббревиатуры:

(3) *Страшнее колонии для пожизненно осужденных многие считают только ПБСТИН (психиатрическая больница специального типа с интенсивным наблюдением). <...> В Санкт-Петербургскую ПБСТИН доставляют на принудительное лечение по решению суда людей из 12 регионов...* (Аргументы недели, № 17, 2022а);

(4) *Неужели не ясно, что нынешние выступления выкормленных бюджетной грудью ЛОМов (лидеров общественного мнения) — всего лишь фальшарт. Всё это готовилось к моменту «транзита власти». Так понятнее?* (Завтра, 12 марта 2022);

(5) *Любому школьнику известна аббревиатура ГДЗ — готовые домашние задания. Основные сайты ГДЗ набирают до полумиллиона посе-*

щений в день. В 2010 году Роспотребнадзор ввел новые требования по СанПиН (Аргументы недели, № 17, 2022б);

(6) *А вот в поездке в среднеазиатские республики мне отказали — **ОВИР** заблокировал. Сейчас не все поймут аббревиатуру, а тогда без разрешения Отдела виз и регистраций иностранцы имели право лишь на свободное передвижение лишь в пятидесятикилометровой зоны вокруг Москвы; все, что дальше, — только по спецразрешению* (Архангельский 2020: 87).

Не экологичны аббревиатуры, несущие в себе неуважительный посыл, тем более, если это касается темы Великой Отечественной войны:

(7) *Вспомните попытку полководцев Великой Отечественной (ее как раз стали тогда **именовать пренебрежительно — ВОВ**) представить такими бездарными кровопроливцами!* (Поляков 2019а: 483).

Как и раньше, сегодня появляются новые аббревиатуры, понятные читателю (Абрамичева, Ключева 2019; Колесова 2019; Ступина 2021), поэтому не требующие расшифровки:

(8) *А еще Путин очень аккуратно начал подламывать пятую колонну. Снизу ее и так сносят — у народа система опознавания «свой-чужой» работает на все сто (как свежий пример — группу «Би-2» освистали и проклинали на Суперкубке в Санкт-Петербурге из-за их позиции по **СВО**)* (Московский комсомолец, 13–19 июля 2022);

(9) заголовок: *Зачем Шойгу ездил по местам **СВО**?* (Аргументы и факты, № 29, 2022).

То, что эта аббревиатура становится «орудием социального воздействия, захватывающим эмоциональную сферу читателя» (Чернейко 2017; Чернейко, Ли 2020), определяется, конечно, экстралингвистическими обстоятельствами. Часто аббревиатуры выполняют свою основную функцию — функцию компрессии. Например, образования типа «нацпроекты»:

(10) ***Нацпроекты** интересны тем, что доходят до глубинки* (Культура, № 5, 2022);

(11) *Уверяю вас, после нашей победы и демилитаризации Украины, коллективный Запад, замерзнув без нашего газа, прозреет и воскликнет: «Ах, мы и не знали про зверства **нацбатов**! Какой ужас! Нельзя ли нам газку со скидкой?...»* (Красная звезда, 27 апреля 2022).

Чередование в тексте полного и сокращенного наименований позволяет избежать тавтологии:

(12) заголовок: ***Соцработники** в Южной Осетии помогают сотням пожилых граждан*

Текст: *В Южной Осетии на попечении **социальных работников** находятся около 500 человек, сообщила Sputnik руководитель Центра социальной поддержки населения Зарина Джисоева.*

*В зоне внимания **соцработников** — пожилые люди пенсионного возраста. **Социальные работники** дважды в неделю посещают на дому пожилых людей в возрасте от 70 лет. Помогают им, приносят лекарства, продукты питания, обзванивают (Sputnik, 8 июня 2022).*

Интересно, что степень известности аббревиатуры иногда может не соответствовать ее номинативной значимости:

(13) ... с 1930 года, когда округ поделили на районы, Минусинск стал **райгородом** (встретил это точное слово в одном из произведений **Шукина**) (Литературная газета, №18, 2022). Как известно, широко распространенной является номинация **райцентр**, а слово **райгород** действительно осталось только в текстах В. Шукшина.

Помимо собственно номинативной функции, аббревиатуры в современных медиа играют многие собственно дискурсивные роли. Рассмотрим подробнее возможности сложносокращенных слов участвовать в формировании текстообразующих концептов контекстной иронии.

«Аббревиации как способу словообразования сопутствует семантический процесс формирования раскодированных, дешифрованных аббревиатур с модифицированным сигнификатом» (Куликова, Светличная 2015: 31). Наиболее привычный способ создания иронического контекста, где осуществляется смысловой сдвиг, рождающий насмешку или сарказм как результат негативной установки отправителя речи (Заврумов 2017: 6–11; Заврумов 2019), это людическая (игровая) дезаббревиация:

(14) *Недавно выяснилось: глава государственного унитарного предприятия «Антидопинговый центр» Г. Родченков, не рядовой, кстати, клерк, уничтожив допинг-пробы, смылся в Америку, где его, вероятно, ждали и было где вещички бросить. А мы руками разводим: ушел, гад, ищи ветра в Манхеттене. Но я что-то не пойму: у нас **ФСБ** теперь **расшифровывается** как **Федеральная служба безмятежности**?* (Поляков 2019б: 9).

Нередко авторские аббревиатуры формируют иронию, создавая имплицитную отрицательную оценку:

(15) *Разумеется, «Зулейха» — это не «исторический фильм», а мелодрама типа «**тсж**» (трудная /тяжелая / трагическая судьба женичины) в историческом антураже почти столетней давности* (Москвина 2022: 129);

(16) *Я бы не сказал, что после ковида как-то смотришь по-другому на мир. Хотя, конечно, понимаешь, что человек легко устраним из активной жизни, иногда необратимо устраним... Лежишь, думаешь: «Вот это надо сделать, вот это надо сделать...»* (Завтра, № 46, 2020);

(17) *А их, патриотов, сторонники либерального реванша, живущие в пазах государственного механизма, последовательно оттесняют и мар-*

гинализируют в преддверии будущих схваток за шапку Мономаха. Ох, не хотел бы я закончить свои дни гражданином **НМДР. Независимой Московской Демократической Республики** (Поляков, 2019а: 196).

Последний пример прекрасно иллюстрирует, как имплицитная информация, преобладающая над эксплицитной, формирует авторскую иронию. Естественно, что адекватное понимание последней опирается на presupпозиции — сведения из новейшей мировой истории, знания о современных тенденциях к сепаратизму и т. д., которые позволяют оценить текстовый концепт **НМДР**. См. также фрагмент рецензии на сатирическую повесть Д. Данилова «Привет, Саша!»:

(18) *Однако в этом опрятном сверкающем мире Сереже достался несчастливый билет: он направляется в большое красивое здание суда, где ему быстро, без волокиты выдают направление на **СК**. Читатель узнает, что под этой мирной аббревиатурой скрывается понятие «смертная казнь» <...> Впрочем, грядущая **СК** облечена в наигуманнейшие формы...<...> Это логично, в дивной Москве будущего, где в судах выдают талоны на Комбинат по **СК**, люди и должны упрощаться...* (Аргументы недели, № 17, 2022).

Авторы могут обыгрывать омонимию аббревиатуры со словом (часто со словом, имеющим пейоративную окраску).

Так, Е. А. Ямбург писал: «Не пугайтесь, это не оскорбительные клички на грани фола, а официальные аббревиатуры. **МУДО** — муниципальное учреждение дополнительного образования (в девичестве Дом пионеров)». А. Иванов обыграл двусмысленность аббревиатуры в названии своего романа «Блуда и МУДО» (см. подробнее: [Чернейко, Ли 2020: 237; Муzychuk 2016]). Ю. Поляков обратил внимание на аббревиатуру **ХЛАМ**: «театр, созданный на Соловках с благословения просвещенного начальства, назвали **ХЛАМ**: художники, литераторы, актеры, музыканты» (Поляков, 2019а: 265).

Есть аббревиатуры, которые сами по себе производят комическое впечатление вследствие семантической абсурдности и неблагозвучия, например:

(19) *Но повесть не напечатали, против резко выступил генерал Волкогонов. Мол, она нанесет удар по «**полморсосу**» — политическому и моральному состоянию личного состава...* (Поляков 2020: 682);

(20) *В апреле мы две недели прожили в Москве. Были на театральном фестивале. Я как **муждра** — муж драматурга* (Сенчин 2020: 230);

(21) ***Ширнармассы** фактически смирились с неизменностью государственного управления, невозможностью «прорыва» и кардинального изменения общественной жизни и, в принципе, требовали только одного: не трогайте*

нас, дайте жить хоть так, но спокойно (Московский комсомолец, 16–22 марта 2022).

Последний пример в высшей степени показателен как возможность кардинального расхождения прагматики исходного словосочетания (пафосный советизм *широкие народные массы*) и аббревиатурного иронизма (*ширнармассы*).

Аббревиатуры на базе исконных корней предлагаются и в качестве актуального импортозамещения:

(22) *А как мы будем восстанавливать в правах русский язык на Украине? Ведь у нас самих толком охраной и позитивным развитием родного языка почти не занимаются? Пример? Крупнейшая продовольственная площадка Москвы называется «Фудсити». И это сейчас-то, когда англосаксы давят нас ложью и санкциями? Почему бы не переименовать, скажем, в «Пищеград»? Чем хуже?хлопотно? А Санкт-Петербург во время германской войны переименовать в Петроград не хлопотно было? Русский язык, конечно, великий и могучий, но и он нуждается в заботе не только на Украине* (Красная звезда, 27 апреля 2022).

Можно указать на такие аббревиатуры, которые сначала стали выражением кардинальных общественно значимых идей в дискурсе отдельного автора, а затем сделались достоянием широкой общественности. Так, Ю. Поляков еще в 2005 году ввел понятие **ПИП** — персонифицированный издательский проект, внедрил аббревиатурное обозначение и убедительно показал, что в современных условиях коммерциализации литературы **ПИПы** вытесняют настоящих писателей:

(23) *...традиционное место писателей, властителей дум, заняли ПИПы — персонифицированные издательские проекты. Именно они наполнили телеэкран, их сажённые портреты появились в витринах магазинов, они начали произносить речи на общенациональных торжествах, балагурить насчёт реформ и выборов, им стали посвящать подножные звёзды на тротуарах, новая власть, лаская их, принялась демонстрировать миру заботу об отечественной культуре... Поначалу **пины** слегка ошалели от этой предложенной им роли, на которую они не смели надеяться даже в своих самых интимных грёзах. Но потом быстро вошли во вкус: какой же Лейкин не хочет слыть Чеховым! Повторюсь для ясности: возникновение **пинов** — явление рыночное, стихийное. А вот вытеснение с помощью **пинов** писателей — продуманная акция, исполненная по всем правилам манипуляции общественным сознанием* (Виперсон, 9 декабря 2005);

(24) *На первый план выдвинули ПИПов — персонифицированные издательские проекты, серийных изготовителей книжной продукции* (Поляков 2019б: 99);

(25) *У нас сейчас рядом с действительно серьезными авторами гомонит туча ПИПов...* (там же: 213). По мысли Ю. Полякова, отличие писателя от ПИПа в том, что

(26) *... писатель, даже самый плохонький, он все равно пытается разобраться в мире и в себе. Это его задача. А потом он уже думает про гонорар и проч. А ПИП сразу думает о том, что книга должна продаться и принести доход* (Поляков 2015).

Таким образом, важная общественно значимая идея, проясняющая суть современного литературного процесса, объясняющая многие социальные явления (такие, как утрата нами позиции самой читающей страны, катастрофическое падение авторитета печатного слова и, как следствие, — массовая коммуникативная неграмотность), была сформулирована известным автором с использованием аббревиатурного наименования, которое стало широко известным.

5. Заключение

Возрастающий объем передаваемой информации и стремление к компрессии единиц информационного обмена обуславливают особую значимость аббревиатур в современной медийной коммуникации. Будучи знаками вторичной номинации, аббревиатуры, особенно те, которые функционируют на протяжении длительного времени, могут приобретать коннотации, отсутствующие у исходного словосочетания. Полное наименование и его аббревиатурный вариант нередко различаются прагматическими оттенками, поэтому аббревиатуры нередко способствуют формированию новых оттенков для нюансирования новых смыслов. Экологический подход к языковым ресурсам состоит в поддержании многообразия средств воплощения мысли, и аббревиатуры современных медиа, при должном их использовании (исключаящем агнонимию), в полной мере соответствуют экологическому мышлению.

Список литературы / References

- Абрамичева Е. Н., Ключева М. Д. Средства вербализации стратегии эвфемизации в современном политическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 31–39. [Abramicheva, Elena N., Klyueva, Maria D. (2019) Sredstva verbalizatsii strategii ehvfemizatsii v sovremennom politicheskom diskurse (Means of Verbalization Strategies of Euphemization in Modern Political Discourse). *LUNN Bulletin*, 4, 12–30. (In Russian)].
- Жолтикова М. А. Стратегии идентификации аббревем (на материале аббревем компьютерной сферы): Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2017. [Zholtikova, Maria A. (2017) *Strategii identifikatsii abbrevem (na materiale abbrevem komp'yuternoi sfery)*

- (Strategies for Identifying Abbreviations (Based on the Abbreviations of the Computer Sphere)). PhD Thesis in Philology. Tver. (In Russian)].
- Заврумов З. А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантические и лингвокультурологические аспекты: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Пятигорск, 2017. [Zavrumov, Zaur A. (2017) *Fenomen ironii v khudozhestvennom tekste: pragmasemanticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* (The Phenomenon of Irony in a Literary Text: Pragmasemantic and Linguoculturological Aspects). Extended Abstract of PhD (Advanced Doctorate) Thesis in Philology. Pyatigorsk. (In Russian)].
- Заврумов З. А. Языковая ситуация в аспекте реализации языковой политики на Северном Кавказе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 31–39. [Zavrumov, Zaur A. (2019) *Yazykovaya situatsiya v aspekte realizatsii yazykovoi politiki na Severnom Kavkaze* (The Language Situation in the Aspect of the Implementation of Language Policy in the North Caucasus). *LUNN Bulletin*, 4, 31–39. (In Russian)].
- Колесова К. В. О профессиональном словаре специализированного языка робототехники (на материале английского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 40–45. [Kolesova, Kira V. (2019) *O professional'nom slovare spetsializirovannogo yazyka robototekhniki (na materiale angliiskogo yazyka)* (On the Professional Dictionary of the Specialized Language of Robotics (Based on the Material of the English Language)). *LUNN Bulletin*, 4, 40–45. (In Russian)].
- Куликова Э. Г., Светличная Н. О. Лингвопрагматика современного русского словообразования. Аббревиация и деаббревиация. Монография. М.: Флинта, 2015. [Kulikova, Ella G., & Svetlichnaya, Natalia O. (2015) *Lingvopragmatika sovremennogo russkogo slovoobrazovaniya. Abbreviatsiya i dezabbreviatsiya. Monografiya* (Linguopragmatics of Modern Russian Word Formation. Abbreviation and Disabbreviation. Monograph). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Музычук Т. Л. Шкрабы из МУДО: аббревиатурные слова в информационном топонимическом пространстве сибирского города // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 665–672. [Muzychuk, Tatyana L. (2016) *Shkraby iz MUDO: abbreviaturnye slova v informatsionnom toponimicheskom prostranstve sibirskogo goroda* (Shkrabs from MUDO: Abbreviated Words in the Information Toponymic Space of the Siberian City). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, V. 5, 4, 665–672. (In Russian)].
- Ступина Е. С. Риторические коды политического дискурса: реализация стратегического потенциала акротезы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 77–88. [Stupina, Ekaterina S. (2021) *Ritoricheskie kody politicheskogo diskursa: realizatsiya strategicheskogo potentsiala akrotezy* (Rhetorical Codes of Political Discourse: Realization of the Strategic Potential of Acrothesis). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 77–88. (In Russian)].
- Хазагеров Г. Г. Четыре взгляда на троп: Монография. М.: Флинта, 2022. [Khazagerov, Georgy G. (2022) *Chetyre vzglyada na trop*. Monografiya (Four Views on Trope: Monograph). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Хуснуллина Ю. А. Структурно-семантическая и функциональная специфика аббревиатур компьютерного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. [Khusnullina, Yulia A. (2012) *Strukturno-semanticheskaya i funktsional'naya spetsifika abbreviatur komp'yuternogo diskursa* (Structural, Semantic and Functional Specif-

ics of Computer Discourse Abbreviations). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Moscow. (In Russian)].

Чернейко Л. О. Аксиологический потенциал аббревиатуры в свете общих проблем оценочной лексики // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ / Под. ред. В. В. Славкина. М.: Фак. журн. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. С. 118–119. [Cherneiko, Lyudmila O. (2017) Aksiologicheskii potentsial abbreviatury v svete obshchikh problem otsenochnoi leksiki (Axiological Potential of an Abbreviation in the Light of General Problems of Evaluative Vocabulary). In Slavkin, Vladimir V. (ed.) *Uchimsya govorit' po-russki. Problemy sovremennogo russkogo yazyka v elektronnykh SMI* (We Are Learning to Speak Russian. Problems of the Modern Language in Electronic Mass Media). Moscow: Fak. zhurn. MGU im. M. V. Lomonosova, 118–119. (In Russian)].

Чернейко Л. О., Ли Я. Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 229–246. [Cherneiko, Lyudmila O., & Li, Yanyan. Abbreviatura kak nominativnyi i ehkspressivnyi znak v tekstakh rossiiskikh SMI (Abbreviation as a Nominative and Expressive Sign in the Texts of the Russian Mass Media). *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series. 2: Humanities and Arts*, V. 22, 3 (200), 229–246. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

Антонов Ю. Списать бы рад // Аргументы недели. 2022а. № 17. С. 7. [Antonov, Yury. (2022) Spisat' by rad (I Would Be Glad to Write It off). *Argumenty nedeli*, 17, 7. (In Russian)].

Архангельский А. Русофил. История жизни Жоржа Нива, рассказанная им самим. М: Изд-во «АСТ», Редакция Елены Шубиной, 2020. [Arkhangel'sky, Aleksandr. (2020) *Rusofil. Istoriya zhizni Zhorzha Niva, rasskazannaya im samim* (Russophile. Life Story of George Neeva Told by Himself). Moscow: Izd-vo "AST", Redaktsiya Eleny Shubinoy. (In Russian)].

Глушик Е., Поляков Ю. Желание быть русским наказуемо // Завтра. 2020. 27 ноября. № 46. [Glushik, Ekaterina, & Polyakov, Yury. (2020) Zhelanie byt' russkim nakazuemo (The Desire to Be Russian Is Punishable). *Zavtra*, November 27, 46. (In Russian)].

Грозный О. Суровая правда солдат // Красная звезда. 2022. 27 апреля. [Grozny, Oleg. (2022) Surovaya pravda soldat (The Harsh Truth of Soldiers). *Krasnaya zvezda*, April 27. (In Russian)].

Меркачева Е. Заповедник монстров // Аргументы недели. 2022а. № 17. С. 15. [Merkacheva, Eva. (2022a) Zapovednik monstrov (Monsters' Sanctuary). *Argumenty nedeli*, 17, 15. (In Russian)].

Москвина Т. Судьба гуманизма: версия Дмитрия Данилова // Аргументы недели. 2022б. № 17. С. 15. [Moskvina, Tatyana. (2022b) Sud'ba gumanizma: versiya Dmitriya Danilova (The Fate of Humanism: Dmitry Danilov's Version). *Argumenty nedeli*, 17, 15. (In Russian)].

Москвина Т. Разберемся! Главное о новом в кино, театре и литературе. М.: Изд-во «АСТ», Редакция Елены Шубиной, 2022. [Moskvina, Tatyana. (2022) *Razberem'sya! Glavnoe o novom v kino, teatre i literature* (Let's Figure It out! The Main Things about Novelties in Cinema, Theatre and Literature). Moscow: Izd-vo "AST", Redaktsiya Eleny Shubinoy. (In Russian)].

Осипов С. Зачем Шойгу ездил по местам СВО? // Аргументы и факты. 2022. № 29. С. 2. [Osipov, Sergey. (2022) Zachem Shoigu ezdil po mestam SVO? (Why Did Shoigu Go to SWO Places?). *Argumenty i fakty*, 29, 2. (In Russian)].

- Плиева Ф. Соцработники в Южной Осетии помогают сотням пожилых граждан [Электронный ресурс] // Sputnik. 2022. 08 июня. URL: <https://sputnik-ossetia.ru/20220608/sotsrabotniki-v-yuzhnoy-osetii-pomogayut-sotnyam-pozhilykh-grazhdan-17036249.html>. (дата обращения: 15.10.2022) [Plieva, Fatima. (2022) (2022, October 15) Sotsrabotniki v Yuzhnoy Osetii pomagayut sotnyam pozhilykh grazhdan (Social Workers of South Ossetia Help Hundreds of Old People). *Sputnik*, June 08. Retrieved from <https://sputnik-ossetia.ru/20220608/sotsrabotniki-v-yuzhnoy-osetii-pomogayut-sotnyam-pozhilykh-grazhdan-17036249.html>. (In Russian)].
- Поляков Ю. Писатели и пипы [Электронный ресурс] // Виперсон. 2005. 09 декабря. URL: <http://viperson.ru/articles/yuriy-polyakov-pisateli-i-pipy>. (дата обращения: 15.10.2022) [Polyakov, Yury. (2005) (2022, October 15) Pisateli i pipy (Writers and Pips). *Viperson*, December 09. Retrieved from <http://viperson.ru/articles/yuriy-polyakov-pisateli-i-pipy>. (In Russian)].
- Поляков Ю. Созидательный реванш. М.: АСТ, 2015. [Polyakov, Yury. (2015) *Sozidatel'ny revansh* (Contrastive Revenge). Moscow: AST. (In Russian)].
- Поляков Ю. Босх в помощь! О гормональных либералах и безродных патриотах. М.: Книжный мир, 2019а. [Polyakov, Yury. (2019а) *Boskh v pomoshch'! O gormonal'nykh liberalakh i bezrodnykh patriotakh* (Bosch help! On Hormonal Liberals and Rootless Patriots). Moscow: Knizhny mir. (In Russian)].
- Поляков Ю. Перелетная элита. М.: Книжный мир, 2019б. [Polyakov, Yury. (2019b) *Pereletnaya ehлита* (Migratory Elite). Moscow: Knizhny mir. (In Russian)].
- Поляков Ю. В зоне риска. М.: Аргументы недели, 2020. [Polyakov, Yury. (2020) *V zone riska* (In the Zone of Risk). Moscow: Argumenty nedeli. (In Russian)].
- Поляков Ю. Совдетство // Завтра. 2021. № 33. С. 7. [Polyakov, Yury. (2021) *Sovdetstvo* (Sovchieldhood). *Zavtra*, 33, 7. (In Russian)].
- Поляков Ю. Ура-пацифисты и увы-патриоты // Завтра. 2022. 12 марта. [Polyakov, Yury. (2022) *Ura-patsifisty i uvyy-patrioty* (Hooray-pacifists and Alas-patriots). *Zavtra*, March 12. (In Russian)].
- Попов Д. Путин не оставил другого выхода: мы здесь власть // Московский комсомолец. 2022. 16–22 марта. С. 6. [Popov, Dmitry. (2022) *Putin ne ostavil drugogo vykhoda: my zdes' vlast'* (Putin Has Left No Way out: We Are the Power Here). *Moskovsky komsomolets*, March 16–22, 6. (In Russian)].
- Попов Д. Последнее русское предупреждение // Московский комсомолец. 2022. 13–19 июля. С. 6. [Popov, Dmitry. (2022) *Poslednee russkoe preduprezhdenie* (The Last Russian Warning). *Moskovsky komsomolets*, July 13–19, 6. (In Russian)].
- Сенчин Р. Петля. М.: Редакция Елены Шубиной, 2020. [Senchin, Roman. (2020) *Petlya* (Knot). Moscow: Redaktsiya Eleny Shubinoy. (In Russian)].
- Сенчин Р. Традиции и авангард // Литературная газета. 2022. № 18. С. 9. [Senchin, Roman. (2022) *Traditsii i avangard* (Traditions and Avant-garde). *Literaturnaya gazeta*, 18, 6. (In Russian)].
- Сердечнова Е. Минкультуры строит форпост на Дальем Востоке // Культура. 2022. № 5. С. 26–27. [Serdechnova, Elena. (2022) *Minkul'tury stroit forpost na Dal'nem Vostoke* (Ministry of Culture Builds an Outpost in the Far East). *Kultura*, 5, 26–27. (In Russian)].
- Этим летом в Перми ожидается неожиданное мероприятие — БДСМ-фестиваль // Собеседник. 2022. № 19. С. 21. [Etim letom v Permi ozhidaetsya neozhidannoe mero-priyatye — BDSM-festival' (2022) (An unexpected event is expected in Perm this summer — a BDSM festival). *Sobesednik*, 19, 21 (In Russian)].

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-63-74

КОНФЛИКТОГЕННАЯ ГРАММАТИКА (на материале современных медийных текстов)*

Л. В. Кулумбегова¹, И. В. Беляева²

¹Юго-Осетинский государственный университет им. А. А. Тибилова,
Беслан, Южная Осетия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

В публикациях, посвященных вербальному конфликту, как правило, анализируется лексико-семантический уровень языка, единицы которого наиболее отчетливо передают инвективные смыслы, и иногда — категории текста. Морфологические формы и лексико-грамматические классы привлекаются к рассмотрению неизмеримо реже. Ставшее традиционным рассмотрение морфологических единиц в коммуникативно-функциональном аспекте предполагает выявление особенностей семантики морфологических форм, тогда как их текстовые возможности оказываются намного шире. Наиболее очевидным пейоративным, а следовательно, и конфликтогенным потенциалом обладают антономасии. Как известно, плюрализация онима редко бывает без примеси прагматических созначений, и чаще всего они имеют именно негативный характер. Могут использоваться плюральные прецедентные имена, отсылающие к классическим произведениям. Но гораздо чаще переосмыслению и плюрализации подвергаются имена современных политических деятелей или персонажей шоу-бизнеса. Собирательные имена (тем более имеющие морфемный показатель собирательности) справедливо считаются прагмемами на том основании, что совокупность отдельных объектов в них представлена так, как будто эти объекты не имеют сущностных различительных черт. Этот субъективный взгляд номинатора чаще всего связан с отрицательной экспрессией. Пейоративность содержат некоторые аббревиатурные обозначения. Будучи отдельным знаком по отношению к мотивирующему словосочетанию, аббревиатура нередко видоизменяет и исходную семантику, и прагматическое звучание. И чаще всего прагматические модификации связаны с дрейфом в сторону пейоративности, что становится понятным, если вспомнить, что максимальная степень проявления вежливости предполагает структурную сложность единицы, а следовательно, формируются предпочтительные для коммуникантов неоднословные, в том числе этикетно обусловленные, номинации. Конфликтогеном, воздействующим на психоэмоциональную сферу реципиента, может быть не только лексическая единица, но и грамматическая (морфологическая) форма. Выбор такой единицы обусловлен как свойствами морфологического уровня языка, который тесно связан со всеми другими, так и особенностями интенционального употребления с целью формирования определенного типа текста с учетом двух его аспектов — текстопорождения и текстовосприятия. На материале современных медиа

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002.

анализируется возможность именных категорий становиться средством пейоративной оценки и, следовательно, конфликтогеном.

Ключевые слова: коммуникация; вербальный конфликт; грамматические категории, лексико-грамматические классы, морфологические формы.

Цитирование: Кулумбегова Л. В., Беляева И. В. Конфликтогенная грамматика (на материале современных медийных текстов) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 63–74. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-63-74.

Conflictogenic Grammar (Based on the Material of Modern Media Texts)

Lyudmila V. Kulumbegova¹, Irina V. Belyaeva²

¹A. A. Tibilov South Ossetian State University, Beslan, South Ossetia

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Studies devoted to verbal conflict tend to focus on the lexical and semantic level of the language, since it's these units that most clearly express invective meanings — although sometimes scholars also look at categories of the text. In this context, morphological forms and lexico-grammatical classes are investigated much less frequently. The traditional study of morphological units in the communicative and functional aspect is connected with identifying the features of the semantics of morphological forms, while their textual capabilities are much broader. Antonomasias are the most pejorative and conflictogenic language units. Onym pluralization is rare without an admixture of pragmatic co-meanings, and more often than not these plural onyms are negative in nature. In this context, plural precedent names referring to classic works of literature can be used, but much more often names of modern politicians or show business figures are reinterpreted and pluralized. Collective nouns (especially with a morphemic index of collectivity) are considered to be pragmams, because the totality of individual objects in them is presented in such a way as if these objects did not have essential distinguishing features. This subjective view of the nominator is most often connected with negative expression. Some abbreviations also display a pejorative connotation. Being a separate sign in comparison with the abbreviated phrase, the abbreviation itself often modifies the original semantics and pragmatic co-meaning. It is clear that pragmatic modifications are most often connected with a drift towards pejorativeness, because the maximum degree of politeness implies structural complexity of the unit and translates into units that consist of more than one word, including etiquette-conditioned nominations preferred by communicants. Not only lexical units, but also grammatical (morphological) forms can become conflictogenic and thus affect the psycho-emotional sphere of the recipient. The choice of such units is made due to both the properties of the morphological level of the language (closely connected to all other language levels) and their intentional use with a purpose to form a certain type of text, from the perspective of both text generation and text perception. Based on the material of modern media, the paper reflects on and analyzes the possibility of nominal categories to be used as a means of pejorative evaluation and, consequently, as conflictogens.

Key words: communication; verbal conflict; grammatical categories; lexico-grammatical classes; morphological forms.

Citation: Kulumbegova, Lyudmila V., Belyaeva, Irina I. (2022) Conflictogenic Grammar (Based on the Material of Modern Media Texts). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 63–74. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-63-74.

1. Введение

Давно и прочно укоренившееся мнение о том, что морфологические формы имеют зависимое и второстепенное значение для общего смысла высказывания и текста, как будто исключает саму возможность говорить о грамматических формах как конфликтогенах. Традиционно морфологические категории детально исследовались с точки зрения формы, а не семантического содержания (об этом свидетельствует содержание всех академических грамматик русского языка). Давно составлены самые полные списки морфологических парадигм со всеми формальными модификациями, в то время как семантическое, а тем более прагматическое содержание этих форм в условиях контекста остается малоизученным. И хотя появились работы, в которых показана лингвокультурологическая значимость морфологических категорий (Архипкина 2005; Лазарев 2009; Акай 2020 и др.), осталось не проясненным, как трансформируются смыслы, заложенные в потенции грамматических словоформ, каким путем происходит обретение новых семантических и прагматических приращений, тем более таких, которые связаны с конфликтогенностью. Одна из актуальных задач междисциплинарной науки состоит в том, чтобы сформировать у коммуникантов конфликтогенную компетентность (Голев, Обелюнас 2014; Абрамичева, Ключева 2019; Дубовицкая 2019; Заврумов 2019; Кара-Мурза 2020; Велиев 2021; Никитин, Устьянцева, Бородин 2021; Ступина 2021; Старостина, Леонович 2022 и др.), то есть максимально полную осведомленность о тех единицах языка, которые могут быть отнесены к конфликтогенам. Если с инвективными лексическими единицами все более или менее ясно, то грамматические формы оказываются не исследованными в этом отношении. В дальнейшем изложении будут прослежены обстоятельства и условия формирования у грамматических форм пейоративных значений и конфликтогенности.

2. Материалы и методы

С помощью лингвопрагматического и когнитивно-дискурсивного анализа материалов современных медиа (главным образом — 2022 года) выявляется конфликтогенный потенциал грамматических и лексикограмматических форм в медийном дискурсе.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее очевидным пейоративным, а следовательно, и конфликтогенным потенциалом обладают антономасии. Как известно, плурализация онама редко бывает без примеси прагматических созначений, и чаще всего

они имеют именно негативный характер. Могут использоваться плюральные прецедентные имена, отсылающие к классическим произведениям:

(1) *В свете нынешнего закона об образовании мы не можем современным митрофанушкам поставить заслуженные двойки* (Аргументы и факты, № 35, 2022);

(2) *Жизнь страны оказалась в руках Манилова, окончившего высшую партийную школу и прочитавшего под одеялом пару диссидентских книжек* (Поляков 2019: 71).

Но гораздо чаще переосмыслению и плюрализации подвергаются имена современных политических деятелей или персонажей шоу-бизнеса:

(3) *А потому еще какое-то время «золотые маски» так и будут получать хаматовы и им подобные* (Московский комсомолец, № 73, 2022);

(4) *Многочисленные стены плача всевозможных Бернаров Анри-Леви, Орханов Памуков, Светлан Алексиевич и Салманов Рушди скорбели по судьбам Единой Европы...* (Завтра, № 32, 2022);

(5) *Сенатор от Крыма предложила сократить список болезней, которые дают отсрочку от армии. Отметим, что список и так уже изрядно потрепан, оттуда исчез ряд диагнозов, ранее несовместимых с военной службой. Тенденция ставить в строй всех подряд, кроме разве что паралитиков, прослеживается уже давно. Ну а дети всевозможных ковидиди решают вопросы «на другом уровне»* (Собеседник, № 35, 2022).

Чрезвычайно популярна формула «коллективный + оним в ед. ч.», передающая, помимо собственно идеи плюральности, ироническое отношение к объекту номинации:

(6) *Очередная антироссийская банальщина по итогам саммита G7 не вышла за пределы нерешительного бормотания коллективного Макрона...* (Завтра, № 25, 2022);

(7) *Если не Путин, то условная коллективная Набиуллина прекрасно это понимает. И поэтому не дает перевести экономику на мобилизационные рельсы* (Собеседник, 5 сентября 2022).

Эти случаи можно рассматривать как реализацию так называемой ассоциативной множественности, при которой оним обозначает множество, включающее референт имени и ряд связанных с ним объектов (см. об этом типе множества [Corbett 2000]).

Одно из средств создания иронического контекста с помощью онимов состоит в сравнении знаковых фигур прошлого с современными политиками, не сопоставимыми по калибру:

(8) *У Запада не получилось «слепить» Черчилля из Зеленского. Как говорится, где Зеленский, а где Черчилль* (Аргументы недели, № 16, 2022).

Традиционным средством передачи отрицательной экспрессии выступает суффикс *-щин* собирательных имен. По нашим наблюдениям, это средство пейоративности, печально известное в нашей истории по таким номинациям, как *ахматовщина*, *чуковщина* и пр., остается в арсенале и современной публицистики:

(9) *Сегодняшняя власовщина зримо утрачивает свою маргинальность, становится если не нормой, то модой* (Литературная газета, № 35, 2022);

(10) *Мои способности отчетливо проявились в девятом классе, когда в школе создали команду КВН. Тогда это было всеобщее увлечение, искреннее, дерзкое, без признаков «маслюковщины»* (Поляков 2020: 679).

Если в первом случае собирательное существительное образовано от имени исторического персонажа, чья деятельность давно получила резко негативную оценку, то во втором примере это дериват от фамилии известного человека, имеющего немало заслуг. Однако отрицательное содержание номинации *маслюковщина* вполне понятно читателям, которые имели возможность наблюдать деградацию популярной игры. Ср. также окказиональные образования такого типа:

(11) *Объяснений «прельстительному» чайлдфризму, или, если ввести новое слово, детонетовщине, — тьма. Тут и женская карьера, и желание быть равными с мужчинами даже в вопросах деторождения. Мужики не рожают? И мы не будем!* (Литературная газета, № 26, 2022).

(12) заголовок: *Либерда. Как оздоровить РАНХиГС* (Завтра, № 20, 2022) — речь идет о либеральной позиции руководства и преподавателей известного вуза.

Собирательные имена (тем более имеющие морфемный показатель собирательности) вообще справедливо считаются прагмемами на том основании, что совокупность отдельных объектов в них представлена так, как будто эти объекты не имеют сущностных различительных черт. Этот субъективный взгляд номинатора чаще всего связан с отрицательной экспрессией.

Пейоративность и, следовательно, потенциальную конфликтогенность содержат некоторые аббревиатурные обозначения. Будучи отдельным знаком по отношению к мотивирующему словосочетанию, аббревиатура нередко видоизменяет и исходную семантику, и прагматическое звучание. И чаще всего прагматические модификации связаны с дрейфом в сторону пейоративности, что, в общем, понятно, если вспомнить, что максимальная степень проявления вежливости предполагает структурную сложность единицы, а следовательно, формируются предпочтительные для коммуникантов неоднословные, в том числе этикетно обусловленные, номинации. Выбор других элементов кода, менее протяженных или сокращенных, свидетельствует об уменьшении степени вежливости (достаточно

вспомнить дискуссии о возможности использования аббревиатуры РПЦ вместо «Русская православная церковь»), однако речевая практика сложилась таким образом, что эта проблема перестала быть актуальной. Сами иерархи церкви охотно используют это обозначение, оно частотно в медиа и, очевидно, стало прагматически нейтральным. Иное дело — аббревиатура ВОВ применительно к Великой Отечественной войне: исследователи признают эту единицу «самой обидной аббревиатурой», которая воспринимается как оскорбление участниками тех священных и трагических событий, а у их потомков появляется стыд и неловкость вследствие использования такого названия для Великой Отечественной войны; подобная номинация «неуважительна по отношению к ветеранам, к Победе», она «дикая» и «варварская» (Еськова 2000); она нарушает этико-речевые нормы современного языка.

Аббревиатуры, несущие в себе неуважительный посыл, зафиксированы в одном из первых словарей политкорректной лексики — (Бобылева 2021), где сказано, что *БОМЖ* — это некорректно, лучше употребить слово «бездомный», а комментарий гласит: «Во-первых, *БОМЖ* — аббревиатура, а называть аббревиатурой человека нехорошо. А во-вторых, это слово еще с советских времен имеет яркую негативную окраску, стигматизирует, ставит клеймо и давно превратилось в ругательство, применимое не только к бездомным людям» (Бобылева 2021: 128). Столь же некорректны сокращения *зэк, зэка, зэчка*: «Заклученный — нормальное слово. А вот производные от него — *зэк, зэка, зэчка* — это, конечно, уничижительно» (там же: 134).

Окказиональная аббревиация в медиа нередко служит именно пейоративизации наименования, ср.:

(13) *Ширнармассы фактически смирились с неизменностью государственного управления, невозможностью «прорыва» и кардинального изменения общественной жизни и, в принципе, требовали только одного: не трогайте нас, дайте жить хоть так, но спокойно* (Московский комсомолец, 14 марта 2022). Ширнармассы — сокращение от «широкие народные массы», намеренно создающее ироническое звучание, насмешку, даже сарказм.

Аббревиатуры могут вызвать отторжение неэстетичностью:

(14) *Терзают душу и неистребимые сокращения: ВСЕГЕИ, ВНИПИЗИ, «Беляш с мясом гов-на. 70 р.», пер. Дачный, 3 и т. д.* (Литературная газета, 7 сентября, 2022).

Кроме того, аббревиатуры, никак не проясненные в тексте, порождают такое отрицательное явление, как агнонимия:

(15) *Кто же все эти интеллигентные, талантливые, русскоязычные ЛОМы?* (Литературная газета, 7 сентября 2022).

Пейоративность лежит в основе использования многочисленных феминитивов, которые способны передавать все типы негативной оценки — осуждение, пренебрежение, иронию, прямую насмешку:

(16) *А уж Элеоноре Филиной (третья жена) вообще лучше бы помолчать — кто из дамы, не блещущей ни умом, ни обаянием, сделал ненапроком телезвезду? Не Успенский Эдуард, взяв ее соведущей в программе «В нашу гавань заходили корабли»? Вынул зачем-то эту кассиришу из небытия — и вот она опять вылезла на телеэкран, и опять с помощью Успенского, только на этот раз сплясав на его костях (Аргументы недели, 02 июня 2020);*

(17) *Нарастает тяга к римейкам, компиляшкам и проч. Зачем создавать свое, если можно взять роман Достоевского, переделать в «Идиотку» и насладиться бешеным восторгом нью-критикесс? (Литературная газета, № 26, 2022);*

(18) *А тут еще одна оппозиционерка, протеже «Умного голосования», депутатка районного масштаба Хельга Пирогова грязно оскорбила погибших русских воинов, вроде как свалила из России после возбуждения против нее уголовного дела (Московский комсомолец, 25 июля 2022);*

Понятно, что нейтральные обозначения с помощью немаркированного мужского рода (кассир, критик, демократ и т. п.) во всех приведенных случаях были бы невыразительными. Феминитивы с суффиксом *-и(а)* — *кассириша, кондукториша* и т. п., — в соответствии с современными этико-речевыми нормами используются только применительно к тем, кто не участвует в диалоге. Наиболее сильной пейоративностью обладает феминитив, примененный к лицам мужского пола, ср.:

(19) *Вместо этого за пределы нашей Родины выплеснулся небольшой табун айтишников, напуганных слухами же о мобилизации, немного пенсионеров-предпринимателей, вышедших давным-давно в кэши и кипрское гражданство, пожилые музыканты и, наконец, чемпионы неудачи — нервные хипстерки обоего пола, привыкшие устраивать в Москве, Екатеринбурге и Петербурге обнимательные вечеринки и важные квесты по Гарри Поттеру (и обнаружившие, что в Риге и Тбилиси рынок не тот) (Культура, 30 июня 2022).*

Конечно, существует точка зрения, согласно которой феминитивы типа *авторка, блогерка, режиссерка* изменили свою прагматику, стремятся к мейнстриму и потому дистанцируются от конфликтогенности (Мазикина 2020; Бобылева 2021; Кобяков 2022), однако ясно, что этот процесс далек от своего завершения, и пока они в полной мере способны передавать контекстную пейоративность.

Итак, источником пейоративности на морфологическом уровне оказываются прежде всего грамматические категории рода и числа. Интересная полемика относительно правомерности формы множественного числа содержится в статье Ю. Полякова «Песней — по жизни». Анализируя слова песни «Офицеры» Олега Газманова, Ю. Поляков пишет, что Газманов практически один на нашей современной эстраде работает в патриотическом «духоподъемном» жанре, и поскольку «песня претендует на определённую государственную патетику и идеологическую установку», этот текст требует профессионального, вдумчивого анализа семантики с учетом разноуровневости единиц (лексема, предложение, текст). Но этот анализ указывает, что в тексте Газманова «достаточно пугающей невнятицы». Наряду с совершенно справедливыми замечаниями, Ю. Поляков высказывает и такое суждение относительно следующего фрагмента:

...Тем, кто выжил в Афгане,
свою честь не изгадив,
кто карьеры не делал
от солдатских кровей...

(20) *Совсем уж непонятно, почему «от солдатских кровей»? Правильно ведь «на солдатской крови». «Кровь» во множественном числе — «крови» — в русском языке означает ежемесячные дамские недомогания. При чём тут воины-интернационалисты, состоявшие в основном из мужчин? А вот при чём: через строчку появляется слово «сыновей». Рифма. <...> Ещё герой Мольера сокрушался, что необходимость постоянно подыскивать рифмы заставляет некоторых сочинителей нести полную околесицу. У Олега Газманова содержание тоже часто определяется не намерением, а близлежащей рифмой или заданным размером. Эта детская болезнь в стихосложении одна из самых распространённых, что-то вроде кори или свинки. Но страдать поэтической свинкой в зрелом, орденосно-лауреатском возрасте?! Очень редкий случай... (Поляков 2022).*

Думаем, однако, что в этом остроумном фрагменте Ю. Поляков не совсем прав именно относительно грамматической стороны: форма множественного числа вполне имеет право на функционирование в данном контексте. Значение ‘женские недомогания’ давно устарело, а вот способность множественного числа от любого имени, в том числе и неконкретной семантики, актуализировать идею большого количества никуда не делась. Например:

(21) ...не зря о Каине сказано господом: Голос кровей брата твоего Авеля вопиет во мне. Слышите? Кровей, а не крови! Кровей всего не родившегося потомства Авелева (Домбровский 2011).

Антитетическая конструкция актуализирует идею множества, которая в стандартных случаях передается с помощью неопределенно количественных числительных типа «много» или слов со значением меры. В форме множественного числа лексическая единица способна получить особую смысловую нагрузку в тексте и участвовать в формировании концептуально значимых понятий (тем более, что общая тенденция связана с расширением парадигмы категории числа и стандартизации плюральных форм, в том числе и от вещественных существительных).

Итак, конфликтогеном, воздействующим на психоэмоциональную сферу реципиента, может быть не только лексическая единица, но и грамматическая (морфологическая) форма. Выбор такой единицы обусловлен как свойствами морфологического уровня языка, который тесно связан со всеми другими, так и особенностями интенционального употребления с целью формирования определенного типа текста с учетом двух его аспектов — текстопорождения и текстовосприятия.

4. Заключение

Социально значимые ценностные противоречия, конфликтность и даже конфронтация манифестируются различными языковыми средствами, в том числе и грамматическими, хотя естественно, что грамматические сигналы пейоративных смыслов и конфликтогенности являются менее явными и яркими, чем собственно лексические. Деятельностный характер морфологических форм обнаруживается помимо всего прочего в том, что они участвуют в реализации текстовых категорий пейоративности, иронии, сарказма, а значит выступают как потенциально конфликтогенные единицы.

Список литературы / References

- Акай О.М. Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты. Монография. Ростов н/Д: ЮФУ, 2020. [Akay, Oksana M. (2020) *Fenomen grammaticheskoi lakunarnosti: kognitivnyi i lingvopragsmaticheskii aspekty. Monografiya* (The Phenomenon of Grammatical Lacunarity: Cognitive and Linguopragmatic Aspects. Monograph). Rostov-on-Don: YuFU. (In Russian)].
- Абрамичева Е. Н., Ключева М. Д. Средства вербализации стратегии эвфемизации в современном политическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 12–30. [Abramicheva, Elena N., & Klyueva, Maria D. (2019) *Sredstva verbalizatsii strategii ehvfemizatsii v sovremennom politicheskom diskurse* (Means of Verbaliza-

- tion Strategies of Euphemization in Modern Political Discourse). *LUNN Bulletin*, 4, 12–30. (In Russian)].
- Архипкина Г. Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа. Монография. Ростов н/Д: РГУ, 2005. [Arkhipkina, Galina D. (2005) *Kognitivnye osnovaniya i antropotsentricheskie parametry grammaticheskoi kategorii chisla. Monografiya* (Cognitive Bases and Anthropocentric Parameters of the Grammatical Category of Number. Monograph). Rostov-on-Don: RGU. (In Russian)].
- Бобылева М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. М.: АСТ. 2021. [Bobileva, Maria. (2021) *My tak govorim. Obidnye slova i kak ikh izbezhat'* (That's What We Say. Offensive Words and How to Avoid Them). Moscow: AST. (In Russian)].
- Велиев З. Б. Онтология лингвоюридического конфликта (на материале онимов современного русского языка). Дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2021. [Veliev, Zakhid B. (2021) *Ontologiya lingvoyuridicheskogo konflikta (na materiale onimov sovremennogo russkogo yazyka)* (Ontology of the Linguistic and Legal Conflict (Based on the Material of the Onyms of the Modern Russian Language)). PhD Thesis in Philology. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Голев Н. Д., Обелюнас Н. В. Лингвоконфликтология. Красноярск: СФУ, 2014. [Golev Nikolay D., & Obelyunas, Nina V. (2014) *Lingvokonfliktologiya* (Linguoconflictology). Krasnoyarsk: SFU. (In Russian)].
- Дубовицкая М. А. Конфликт как форма межкультурной коммуникации: социолингвистический аспект // Вестник СГСЭУ. 2019. № 3 (77). С. 199–202. [Dubovitskaya, Maria A. (2019) *Konflikt kak forma mezhkul'turnoi kommunikatsii: sotsiolingvisticheskii aspekt* (Conflict as a Form of Intercultural Communication: Sociolinguistic Aspect). *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*, 3 (77), 199–202. (In Russian)].
- Еськова Н. Варварская аббревиатура // Наука и жизнь. 2000. № 5. С. 38. [Es'kova, Natalya. (2020) *Varvarskaya abbreviatura* (Barbaric Abbreviation). *Nauka i zhizn'* (Science and Life), 5, 38. (In Russian)].
- Заврумов З. А. Языковая ситуация в аспекте реализации языковой политики на Северном Кавказе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 4. С. 31–39. [Zavrumov, Zaur A. (2019) *Yazykovaya situatsiya v aspekte realizatsii yazykovoi politiki na Severnom Kavkaze* (The Language Situation in the Aspect of the Implementation of Language Policy in the North Caucasus). *LUNN Bulletin*, 4, 31–39. (In Russian)].
- Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2020. Т. 19. № 1. С. 18–27. [Kara-Murza, Elena S. (2020) *Lingvokonfliktologiya i konflikty v russkom mediaprostranstve (analiz dvoynogo keisa)* (Linguoconflictology and Conflicts in the Russian Media Space (Double Case Analysis)). *Science Journal of VolSU. Linguistics*, Vol. 19, 1, 18–27. (In Russian)].
- Кобяков А. В. Журналистские жанры и феминитивы: влияние на языковую практику // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: Мат-лы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня–2 июля 2022 г.) / Науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапир, 2022. С. 45–48. [Kobyakov, Aleksandr V. (2022) *Zhurnalistskie zhanry i feminitivy: vliyanie na yazy-*

- kovuyu praktiku) (Journalistic Genres and Femitives: Influences on Language Practice). In Duskaeva, Lilia R. (scie. ed.), Malyshev, Aleksandr A. (ed.). *Medialingvistika. Vyp. 9. Yazyk v koordinatakh massmedia : mat-ly VI Mezhdunar. nauchn. konferentsii (Sankt-Peterburg, 30 iyunya–2 iyulya 2022 g.)* (Medialinguistics. Iss. 9. Language in the Coordinates of Mass Media: Proceedings of VI International Scientific Conference (Saint-Petersburg, June 30–July 02, 2022)). Saint-Petersburg: Mediapapir, 45–48. (In Russian)].
- Лазарев В. А. Морфологические категории: антропоцентрический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Монография. Ростов н/Д: ЮФУ, 2009. [Lazarev, Valery A. (2009) *Morfologicheskie kategorii: antropotsentricheskii i lingvokulturologicheskii aspekty interpretatsii. Monografiya* (Morphological Categories: Anthropocentric and Linguocultural Aspects of Interpretation. Monograph). Rostov-on-Don: YuFU. (In Russian)].
- Мазикина Л. Малый справочник феминитивов. М.: Издательское решение, 2020. [Mazikina, Lilit. (2020) *Malyi spravochnik feminitivov* (Small Handbook of Femininitives). Moscow: Izdatel'skoe reshenie. (In Russian)].
- Никитин М. Ю., Устьянцева А. Д., Бородин Н. В. Лингвоконфликтность современного массмедийного дискурса России // Вестник Российского нового ун-та. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 4 (56). С. 81–90. [Nikitin, Maksim Yu., Ust'yantseva, Anna D., & Borodina, Nataliya V. (2021) Lingvokonfliktogennost' sovremennogo massmediinogo diskursa Rossii) (Linguo-conflictogenicity of Modern Mass Media Discourse in Russia). *Bulletin of the Russian New University. Series: Human in the Modern World*, 4 (56), 81–90. (In Russian)].
- Старостина Ю. С., Леонович Л. М. Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 63–75. [Starostina, Julia S., & Leonovich, Larissa M. (2022) Lingvoaksiologicheskie osnovy kommunikativnykh konfliktov v angloyazychnom dramaturgicheskom diskurse (Linguoaxiological Basis of Communicative Conflicts in English-language Dramatic Discourse). *LUNN Bulletin*, 2 (58), 63–75. (In Russian)].
- Ступина Е. С. Риторические коды политического дискурса: реализация стратегического потенциала акротезы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 77–88. [Stupina, Ekaterina S. (2021) Ritoricheskie kody politicheskogo diskursa: realizatsiya strategicheskogo potentsiala akrotezy (Rhetorical Codes of Political Discourse: Realization of the Strategic Potential of Acrothesis). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 77–88. (In Russian)].
- Corbett, Greville G. (2000) *Number*. Cambridge: Cambridge University Press.

Источники языкового материала / Language material resources

- Винник Д. Либерда // Завтра. 2022. № 20. С. 1. [Vinnik, Dmitry. (2022) Liberda (Liberda). *Zavtra*, 20, 1. (In Russian)].
- Давлятчин И. Как ПМЭФ, только без Путина. Лидеры российской оппозиции снова съехались в Вильнюс // Собеседник. 2022. 05 сентября. [Davlyatchin, Ilya. (2022) Как РМЭНФ, tol'ko bez Putina. Lidery rossiyskoy oppozitsii snova s'ekhali's' v Vilnius (Like SPIEF, but without Putin. The Leaders of Russian Opposition Have Rushed to Vilnius Again). *Sobesednik*, September 05. (In Russian)].

- Данилевич Е. Большая перемена // Аргументы и факты. 2022. № 35. С. 3 [Danilevich, Elena. (2022) Bol'shaya peremena (Big Change). *Argumenty i fakty*, 35, 3. (In Russian)].
- Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М.: АСТ: Астрель, 2011. [Dombrovsky, Yury. (2011) *Fakul'tet nenuzhnykh veshchey* (Faculty of Useless Things). Moscow: AST; Astrel. (In Russian)].
- Евсеев Б. Детоотступники // Литературная газета. 2022. № 26. С. 7. [Evseev, Boris. (2022) Detoostupniki (Child Offenders). *Literaturnaya gazeta*, 26, 7. (In Russian)].
- Евсеев Б. Лентробух и «Бухен хауз» // Литературная газета. 2022. № 36. 7 сентября. С. 17. [Evseev, Boris. (2022) Lentrobukh i «Bukhen khauz» (Lentrobukh and Buchen House). *Literaturnaya gazeta*, 36, September 7, 17. (In Russian)].
- Мараховский В. Русский индивидуализм против шкурности // Культура. 2022. 30 июня. № 6. С. 3. [Marakhovsky, Viktor. (2022) Russkii individualizm protiv shkurnosti (Russian Individualism against Shkurnost'). *Kultura*, June 30, 6, 3. (In Russian)].
- Москвина Т. Продолжаем любить Эдуарда Успенского // Аргументы недели. 2022. 02 июня. [Moskvina, Tatyana. (2022) Prodolzhaem lyubit' Ehduarda Uspenskogo (We Continue to Love Eduard Uspensky). *Argumenty nedeli*, June 02. (In Russian)].
- Подопригора Б. Чего же ты хочешь? // Литературная газета. 2022. № 35. С. 17. [Podoprigora, Boris. (2022) Chego zhe ty khochesh? (What the Hell Do You Want?). *Lite-raturnaya gazeta*, 35, 17. (In Russian)].
- Поляков Ю. Песней по жизни [Электронный ресурс]. URL: <http://yuripolyakov.ru/publicism/articles/cultura/pesney-po-zhizni/>. (дата обращения: 15.10.2022) [Polyakov, Yury. (2022, October 15) *Pesney po zhizhni* (Living by a Song). Retrieved from <http://yuripolyakov.ru/publicism/articles/cultura/pesney-po-zhizni/>. (In Russian)].
- Поляков Ю. Перелетная элита. М.: Книжный мир, 2019. [Polyakov, Yury. (2019) *Pereletnaya ehлита* (Migratory Elite). Moscow: Knizhny mir. (In Russian)].
- Поляков Ю. В зоне риска. М.: Аргументы недели, 2020. [Polyakov, Yury. (2020) *V zone riska* (In the Zone of Risk). Moscow: Argumenty nedeli. (In Russian)].
- Попов В. Жить в альтернативной России // Литературная газета. 2022. 07 сентября. № 36. С. 3. [Popov, Dmitry. (2022) Zhit' v al'ternativnoi Rossii (Live in an Alternative Russia). *Literaturnaya gazeta*, September 07, 36, 3. (In Russian)].
- Попов Д. Ложные страхи // Московский комсомолец. 2022. 25 апреля/ № 13. С. 2. [Popov, Dmitry. (2022) Lozhnye strakhi (False Fears). *Moskovsky komsomolets*, April 25, 13, 2. (In Russian)].
- Попов Д. Путин не оставил выхода // Московский комсомолец. 2022. 14 марта. № 43. С. 2. [Popov, D. (2022) Putin ne ostavil vykhoda (Putin Has Left No Way out). *Moskovsky komsomolets*, March 14, 43, 2. (In Russian)].
- Попов Д. Путинская зима посреди лета // Московский комсомолец. 2022. 25 июля. № 133. С. 2. [Popov, Dmitry. (2022) Putinskaya zima posredi leta (Putin's Winter in the Middle of Summer). *Moskovsky komsomolets*, July 25, 133, 2. (In Russian)].
- Ольга Ковитиди. За сокращения // Собеседник. 2022. № 35. С. 2. [Ol'ga Kovitidi. Za sokrashcheniya (2022) (Olga Kovitidi. For Abbreviations). *Sobesednik*, 2022, 35, 2 (In Russian)].
- Титов И. Отребье // Завтра. 2022. № 32. С. 2. [Titov, Ilya. (2022) Otreb'e (Scum). *Zavtra*, 32, 2. (In Russian)].
- Титов И. Семеро квелых // Завтра. 2022. № 25. С. 2. [Titov, Ilya. (2022) Semero kvelykh (Seven Quel). *Zavtra*, 25, 2. (In Russian)].
- Угланов А. У Запада не получилось «слепить» Черчилля из Зеленского // Аргументы недели. 2022. № 16. С. 2. [Uglanov, Andrey. (2022) U Zapada ne poluchilos' «slepit'» Cherkhillya iz Zelenskogo (The West Failed to “Mold” Churchill from Zelensky). *Argumenty nedeli*, 16, 2. (In Russian)].

УДК 811.111; 81'25; 81'255.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-75-91

АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ТЕКСТОВОГО МНОГОМИРИЯ В ПЕРЕВОДЕ

(на материале романа С. Кинга «Долгая прогулка»)

**Е. С. Курукалова¹, О. И. Баранова¹, Е. А. Войлокова¹,
А. А. Федюковский²**

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Цель исследования состоит в сопоставительном анализе переводов аллюзий С. Кинга двумя разными переводчиками и выявлении влияния аллюзий на понимание мира художественного произведения. В ходе работы использовались такие общие и специальные лингвистические методы и приемы, как синтез, анализ, описательный метод, метод текстового анализа, метод стилистического анализа и структурно-сопоставительный метод. В статье рассматриваются такие понятия, как мир художественного текста, многомирие, аллюзия. Определена связь этих понятий, и даны их определения и подход к их рассмотрению. Под многомирием понимается система взаимосвязанных миров и микромиров текста, формирующих целостное представление в сознании читателя. То, какую именно картину нарисует читатель в своем сознании, зависит от многих экономических, социальных, исторических и прочих факторов, воздействующих или воздействовавших на картину мира читателя в процессе его развития. Аллюзия — это отсылка к другому тексту (событию, концепту и пр.), а следовательно, к другому миру, который может быть не знаком читателю. В таком случае текст может быть воспринят неверно или фрагментарно верно. В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ перевода аллюзий С. Кинга и продемонстрировано влияние данных включений на понимание мира его художественного произведения «Долгая прогулка». Переводчики используют лексические трансформации, комментарии, прямой перевод и другие способы и приемы перевода. Одной из основных стратегий является поиск аналогов в культуре адресанта перевода или создание ассоциации с глобальными явлениями или источниками информации. Поскольку аллюзия — это сложное трехстороннее явление, зачастую комментарии и ссылки на прецедентные тексты необходимы для понимания мира художественного текста. Атмосфера, к которой отсылают аллюзии, может быть как реальной (игры в бейсбол или исторические факты), так и фантастической («Алиса в Стране чудес»). Более того, аллюзии могут «прорисовывать» как внешний мир (описание сцен, пейзажей, окружающей обстановки), так и внутренний мир героев текста (чувства, эмоции). Нераспознанные аллюзии в переводном тексте могут исказить восприятие художественного многомирия переводного текста читателем. Новизна исследования заключается в рассмотрении аллюзии как средства создания текстового многомирия в переводном тексте бестселлера американского писателя С. Кинга. Аллюзии

рассматриваются в сопоставительном аспекте на материале двух профессиональных переводов бестселлера (перевод издательства «АСТ» и перевод В. Вадимова).

Ключевые слова: многомирие; текстовое многомирие; текстовый анализ; аллюзия; интертекстуальность.

Цитирование: Курукалова Е. С., Баранова О. И., Войлокова Е. А., Федюковский А. А. Аллюзия как средство создания текстового многомирия в переводе (на материале произведения С. Кинга «Долгая прогулка») // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 75–91. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-75-91.

Allusion as a Method of Creating a Text Multiverse in Translation (Based on Stephen King's novel 'The Long Walk')

Ekaterina S. Kurukalova, Olga I. Baranova, Elena A. Voilokova, Aleksandr A. Fedyukovsky
Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

The study provides a comparative analysis of the translations of allusions in a novel by Steven King, done by two different translators, and examines the influence of allusions on understanding the world of a work of literary fiction. The authors use general and special linguistic methods and techniques such as analysis and synthesis, the descriptive and structural-comparative methods as well as the methods of textual and stylistic analysis. The article deals with such concepts as 'the world of a literary text,' 'multiworld' or 'multi-universe' ('multiverse'), and 'allusion.' The authors provide definitions of these concepts, determine the relationships between them, and offer an approach for their study and analysis. 'The multiworld' is understood as a system of interconnected worlds and microworlds within a text that form a holistic view in the mind of the reader. What kind of image the reader draws in their mind depends on many economic, social, historical, and other factors that influence or have influenced the reader's picture of the world. Allusions are references to other texts (events, concepts, etc.) and, therefore, to other worlds that may not be familiar to the reader – in which case the text may be perceived incorrectly or partially. In this paper, the authors provide a comparative analysis of translated allusions in two Russian translations of Stephen King's novel 'The Long Walk', (published respectively by the AST Publishing House and V. Vadimov), demonstrating the influence of these inclusions on understanding the world of the novel. In working with allusions, both translators use lexical transformations, comments, direct translation, and other methods and techniques of translation. Their main strategies seem to be either searching for analogues in the receiving (Russian) culture or creating associations with global phenomena or sources of information. Since allusion is a complex tripartite phenomenon, comments and references to precedent texts are often deemed necessary for understanding the world of this literary text. The settings to which the allusions in the novel refer can be either real (baseball games, historical facts, etc.) or fictional (e.g. 'Alice in Wonderland'). Moreover, allusions can picture both the external world (description of scenes, landscapes, or environments) and the inner world of the characters of the text (their feelings and emotions). Allusions that remain unrecognized in the translated text can distort the reader's perception of the fictional multiworld of the text. The novelty of the study lies in considering allusions as a means of creating a textual multiworld in the translated text of literary fiction.

Key words: multiworld; multiverse; textual multiworld; text analysis; allusion; intertextuality.

Citation: Kurukalova, Ekaterina S., Baranova, Olga I., Voilokova, Elena A., Fedyukovsky, Aleksandr A. (2022) Allusion as a Method of Creating a Text Multiverse in Translation (Based on Stephen King's novel *'The Long Walk'*). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 75–91. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-75-91.

1. Введение

Текстовое многомирие, или многомирие художественного произведения, включает в себя множество миров: мир героев (внешний и внутренний), мир читателя и мир автора, миры квазиреальные и миры фантастические. Аллюзия — это отсылка к другому тексту (событию, концепту и пр.), следовательно, к другому миру, который когда-то уже был создан и дополняет ту вселенную, которую рисует автор в своем произведении. Интертекстуальность романа С. Кинга «Долгая прогулка» расширяет поле для восприятия того авторского замысла, который заложен и в героев, и в окружающую атмосферу — словом, в каждую деталь произведения. Отсылки к другим мирам или их составляющим помогают читателю воспринимать мир художественного произведения ярко и глубоко, сопоставляя в своем сознании художественный мир и те прецедентные знания, на которые ссылается автор. Цель данной статьи состоит в сопоставительном анализе переводов аллюзий С. Кинга двумя разными переводчиками и выявлении влияния аллюзий на понимание мира художественного произведения.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили отрывки текста, представляющие собой аллюзии, выделенные нами методом текстового анализа в тексте оригинала произведения С. Кинга (*The Long Walk*). Сопоставительный анализ позволяет сравнить способы и особенности перевода данных аллюзий. То, как переводчики выявляют и переводят выбранные отрывки, влияет на восприятие текста читателем, на корректность понимания и построения текстового многомирия читателем, на функционирование аллюзивного текста в общем поле интертекстуальности. В качестве материала для сравнения используются отрывки из двух профессиональных переводов (перевод издательства «АСТ» «Долгая прогулка» и перевод В. Вадимова «Длинный путь»). В данной статье приведены лишь некоторые примеры аллюзий, наиболее интересные для достижения цели исследования.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Что такое многомирие

Многомирие — относительно новое понятие в теории текстового анализа. В широком смысле понятие многомирия подразумевает множе-

ство параллельных миров, или вселенных, связанных духовными и / или материальными связями.

Докторская диссертация физика Хью Эверетта, в 1957 г. первым предложившего многомировую интерпретацию квантовой механики, запустила научное исследование проблемы многомирия с другой стороны. Позднее эта концепция стала основной современной эвереттической фантастики.

Лингвисты и литературоведы также не обошли вниманием концепцию многомирия. Ю. С. Степанов расширяет концепт «мир» до совокупности реального и ментального (или воображаемого) миров (Новикова, Черемисина 2000: 41).

Вся вселенная — это множество миров, которые образуют систему взаимодействия, бесконечное многомирие (Игнатова 2002). Ученые выделяют и противопоставляют мир материи и мир духа, эмпирические и рациональные миры, реальные и фантастические, мир пишущего и мир читающего и пр. (Новикова, Черемисина 2000: 42–43). Мир — это «среда, в которой существует знание человека, в которой реализуется его деятельность, и развиваются возможности применения этой деятельности и ее результатов» (Андреева 2009: 28). «Полное исчисление ментальных репрезентаций событий, объектов, ситуаций окружающего мира невозможно» (Козлова 2009: 182). Многомирие «пронизывает всю реальность во всех ее аспектах, как в естественнонаучном, так и в языковом пространстве. Многомирие — это то, что составляет основу любого текста, ведь в художественном произведении всегда можно выделить такие миры, как мир автора, мир героя, исторический мир, географический, мир сна или фантазии, мир правящего класса или пролетариата и др., в зависимости от того, какой именно текст рассматривается» (Полянская 2013: 28).

«Под многомирием, относительно новым понятием в теории текстового анализа, мы понимаем систему миров и микромиров текста, связанных друг с другом самыми разными связями и составляющих целостное представление в сознании читателя» (Полянская 2013: 29). То, какую именно картину нарисует читатель в своем сознании, зависит от многих экономических, социальных, исторических и прочих факторов, воздействующих или воздействовавших на картину мира читателя в процессе его развития. Как уже было сказано, аллюзия — это отсылка к другому тексту, а следовательно, к другому миру, который может быть не знаком читателю. В таком случае текст может быть воспринят неверно или фрагментарно верно.

Таким образом, аллюзия как средство создания текстового многомирия имеет важное значение при восприятии текста читателем.

3.2. Аллюзия как средство создания текстового многомирия

В своем творчестве любой писатель так или иначе осуществляет диалог с предшественниками через цитирование или отсылки к другим текстам, превращая, таким образом, свой текстовый мир во взаимодействие оригинального мира с мирами уже созданными или известными читателю.

Аллюзия «признается одним из важнейших средств реализации категории интертекстуальности и создания межтекстовых связей» (Кабанова 2016: 31), эта форма интертекстуальности в литературе заключается во внесении текстов, фрагментов текста, отсылок и намеков на другие тексты в текст-реципиент. Такие включения и намеки называются аллюзиями и реминисценциями. С этой точки зрения, пара «автор — читатель» не ограничивает полилог текста, так как предполагается взаимосвязь целого ряда предшествующих текстов (Микешина 2006).

Одной из основных характеристик любых «вставок» в текст является ориентация на получателя текста. Вставки должны быть распознаны и правильно поняты читателем, иначе в них нет смысла, диалога не произойдет. Общеизвестность и узнаваемость материала, на который ссылается автор, является основным гарантом правильного восприятия текста читателем. Следовательно, текстовое включение должно соотноситься с материалом, известным широкому кругу читателей. К таким прецедентным текстам (включениям) относятся общечеловеческие культурные и литературные реалии, значимые произведения, Библия, мифы и пр. При этом отсылка происходит только к определенной части прототипного текста, в некоторых случаях достаточно имени собственного (Бахтин 1986).

По мнению Н. А. Фатеевой, «аллюзия — это заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация» (Фатеева 2000: 123). Аллюзия — это «весьма распространенная черта языка и речи, и в широком смысле она обычно трактуется просто как косвенная отсылка на какой-либо факт или, в широком смысле, текст» (Васильева 2011: 12–13). Н. А. Кузьмина понимает аллюзию как «референцию непосредственно к миру с его реалиями», цитату — как «референцию, опосредованную другим текстом» (Кузьмина 2007: 34).

Текстовые включения, являющиеся компонентом и авторского, и прецедентного текста, образуют диалог текстов, своеобразную систему связей между разными мирами. Принципиальное отличие аллюзии от других текстовых включений состоит в том, что она включена в два контекста

одновременно и является связью между первоначальным и принимающим текстами. Е. А. Васильева пишет следующее: «Аллюзия — это единственное текстовое включение, которое обусловлено наличием внутреннего сигнала, то есть сигнал присутствия в данном тексте другого, прецедентного текста, располагается внутри самого текстового включения. Аллюзию можно назвать трехсторонней единицей: она в одно и то же время часть нового текста, часть старого текста и сигнал присутствия прецедентного текста. Следовательно, если все текстовые включения являются двухфазными единицами, аллюзию можно назвать трехфазной единицей, с сигналом, находящимся внутри включения» (Васильева 2008: 12–13). Трехфазность аллюзии является ее принципиальным отличием от любых других включений.

Аллюзия помогает автору выразить свои идеи, создать атмосферу и перенести в образный мир, уже когда-то созданный другим автором, в более сжатой форме, не прибегая к созданию подобного мира дважды. Задача читателя — увидеть сигналы, которые перенесут его в этот мир, а для этого необходимы прецедентные знания, к которым отсылает автор текста.

Вывод о том, что аллюзия — это текст внутри текста (а в рамках данного понимания — мир внутри мира), основной маркер интертекстуальности, напрашивается сам собой. «В основе теории интертекстуальности лежат такие ключевые понятия, как общий культурный код и общая когнитивная база» (Павлина 2017: 48). Если данная общность отсутствует, то интертекст останется нераспознанным.

Ученые определяют аллюзию по-разному:

– аллюзия — это (лат. *Allusio* — намек, шутка) художественный прием: сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение (Словарь литературоведческих терминов 2012);

– аллюзия — это «характерная стилистическая фигура, или намек на известный как литературный, так и исторический факт, или риторическая фигура» (Владимирова 2001: 144);

– аллюзия — это «образ литературы в литературе» (Хализев 2002: 253).

Вслед за Е. А. Васильевой в данной работе под аллюзией понимается текстовая единица, набор единиц или отрезок текста, которые совпадают либо с лексическим составом прототипного текста, либо с его ритмико-структурной организацией. В широком смысле аллюзия — это отсылка к другому тексту (событию, концепту и пр.). Такие отсылки характеризуются наличием сигнала, текстового или внетекстового. Внетекстовый сигнал совпадает с прототипной фразой, основан на фоновых знаниях читателя и

принадлежит к области вертикального контекста, в то время как текстовый сигнал усложняет смысл текста, являясь конкретной точкой пересечения двух контекстов, лежит внутри самого конкретного текста. Без учета интертекстуальности и знания контекста прототипного текста восприятие авторской идеи представляется невозможным. Все эти составляющие образуют «механизм аллюзирования» (Васильева 2011: 15).

В данной статье важно отношение авторов к аллюзии как к категории интертекстуальности. Стоит привести описание использования аллюзий, представленное в словаре «Literary Terms and Definitions»: *Authors often use allusions to establish a tone, create an implied association, contrast two objects or people, make an unusual juxtaposition of references, or bring the reader into a world of experience outside the limitations of the story itself* (Wheeler 2011). Автор говорит о том, что аллюзия переносит читателя в мир, созданный за рамками описываемого сюжета. В русскоязычной научной литературе такой подход менее распространен.

Так или иначе, несмотря на множественность трактовок и описаний, можно говорить о диалогичности текста, которой уступает место текстовый монолог. Более того, диалог происходит не только в плоскости «автор — читатель», автор отправляет читателя к другим текстам, чтобы привнести атмосферу в свой текст. В этом случае речь идет уже о полилоге.

Как уже было сказано выше, текстовое многомирие — это сложная система взаимосвязей миров, создаваемых автором в процессе написания текста. Аллюзия, являясь трехсторонним сложным понятием, выступает лишь частью текстового многомирия. Тем не менее не понятая или не распознанная читателем аллюзия может изменить восприятие текста.

Использование аллюзии автором не только является следствием получения нового значения уже существующего текста, но и создает новое влияние на восприятие всего нового текста произведения, в итоге сказывается на общем уровне экспрессивности произведения. Рассмотрим на нескольких примерах из текста произведения С. Кинга «Долгая прогулка» то, как переводчики передают иноязычному читателю аллюзии и насколько распознанная или нераспознанная аллюзия может повлиять на понимание и восприятие оригинального текста.

3.3. Практические наблюдения и результаты

Действие «Долгой прогулки» происходит в далеком будущем в Америке, где на смену демократическому строю пришел тоталитаризм и военная диктатура. Долгая прогулка — это игра на выбывание, в которой участвуют сто молодых людей, для того чтобы заработать деньги и исполнить свои желания. За ходом игры наблюдает все общество с экранов телевизоров, делает ставки на предполагаемого победителя, остальные 99 че-

ловек должны умереть в ходе этой «прогулки». «Долгая прогулка» — это изображение социальной жестокости, желания общества получить «хлеба и зрелищ» ценой жизни других людей. В исторических рамках этот сюжет не нов, начиная с гладиаторских боев Древнего Рима до современных реалити-шоу, суть подобных зрелищ сводится к одному — развлечь и отвлечь общество. Идея и сюжет книги становятся все более актуальными с течением времени. Проще направить интерес общества в другую сторону, чем решить проблемы, которые это общество беспокоят. Это можно назвать первой и самой главной аллюзией в данном произведении. 99 молодых людей призваны отвлечь социум от социальных и прочих проблем своей медленной смертью. Вся эта «прогулка» широко освещается в прессе именно с этой целью. Число 99 очень символично само по себе, является двухуровневым ($99 = 9 + 9 = 18 = 1 + 8 = 9$) и означает также пробу, испытание, посвящение, смерть.

Одна из первых и наиболее встречающихся в романе интересных аллюзий, — это аллюзия на общеизвестную считалочку, которая связана с этим числом. Она появляется в начале второй главы, когда из игры выбывает первый участник, в этот момент главный герой, Геретти, вспоминает слова известной в США и Канаде песни:

99 now, Garraty thought sickly. 99 bottles of beer on the wall and if one of those bottles should happen to fall... oh Jesus... oh Jesus... (King 1979: 36).

Эта аллюзия в произведении очень важна, так как именно с нее начинается эволюция героев, в процессе которой им предстоит полностью изменить свой первоначальный взгляд на происходящее, именно с этого отрывка игра уже не воспринимается как нечто безобидное, начиная с этого момента проигрыш приравнивается к смерти.

Нужно отметить, что в переводах отрывка ситуация, в которой убивают первого участника, отражена хотя и по-разному, но с соблюдением эмоционального накала.

Аллюзия в данном случае представляет собой непрямую цитату, так как по форме соответствует прототипной фразе, к которой отсылает читателя автор. Но такое почти дословное цитирование запускает механизм аллюзирования, соприкосновения двух контекстов, что приводит к усложнению смысла текста. Ссылки на прецедентный текст или на автора этого текста нет, однако фоновые знания переводчика позволяют распознать в качестве объекта общеизвестную считалочку, смысл которой в различных культурах очень схож, несмотря на отличия формы. Прослеживается очевидная разница в переводе данной аллюзии, это своего рода песенный аналог английской считалочки «10 негритят», восходящей к песне *Ten Little*

Indians американца С. Виннера, которая легла в основу произведения Агаты Кристи как одна из символических линий.

Отметим на примере двух переводов этого фрагмента, что авторов отличает сам подход к раскрытию произведения. На наш взгляд, перевод издательства «АСТ», несмотря на все его очевидные достоинства, не совсем передает задумку С. Кинга и отсылку к известной считалочке: *Осталось 99, — с тоской подумал Гаррати. — 99 бутылок на полке, и если одной из них случится упасть... О Боже... Господи Боже...* (Кинг 2000). В переводе В. Вадимова ясно прослеживается аллюзия к детской считалочке, поскольку переводчик использовал похожий ритм и постарался перевести в рифму: *Теперь 99, — подумал Гэррети, борясь с тошнотой. 99 бутылок пива стояли на окне, и вот одна бутылка грохнулась вовне... о господи боже...* (Кинг 1995). Именно понимание и восприятие читателем этой отсылки дает ему более яркое осознание всей жестокости, циничности и бесчеловечности описываемого автором. Смерть одного участника воспринимается героями книги как игра, сравнивается со считалочкой, которая приходит на ум, когда один из ста выбывает (то есть умирает). Более того, если вспомнить эту считалочку или песню *99 Bottles of Beer*, то сразу же придет на ум и бесконечность, и повторяемость их сюжета. Эта песенка «бесконечна» и может повторяться снова и снова, пока поющий ее не устанет петь.

Перевод В. Вадимова тем не менее не передает философской подоплеки, которая в данной аллюзии есть в оригинале. Там действительно бутылки с пивом стоят на полке, но «одна не упала», в оригинале звучит вопрос: «Ну и что будет, если одна упадет?» — ответ в конце отрывка: «ничего» — «вот она есть, и вот её нет». На наш взгляд, не совсем четко передается связь начала аллюзии и ее финала, она не заканчивается там, где «упала бутылка», она заканчивается там, где персонаж задается вопросом. Перевод издательства «АСТ» в данном случае ближе к оригиналу: *и если одной из них случится упасть...*

В символическом контексте романа неоднократно используются библейские сюжеты (Исход, гл. 14.). Приведем отрывок текста: *Up ahead, a boy named Larson, 60, suddenly sat down on the road. He got a warning. The other boys split and passed around him, like the Red Sea around the Children of Israel* (King 1979: 74).

Перевод АСТ: *Впереди номер 60, парень по фамилии Ларсон, неожиданно сел на землю. Получил предупреждение. Группа разделилась, чтобы обойти его, как расступились воды Чермного моря перед сынами Израилевыми* (Кинг 2000).

Перевод В. Вадимова: *Впереди парень по имени Ларсон, номер 60, вдруг взял и сел на дорогу. Получил предупреждение. Другие Идущие разделились, обходя его, как Красное море разделилось, пропуская Сынов Израилевых* (Кинг 1995).

В данном случае переводчик издательства «АСТ» попытался найти эквивалент, более подходящий русскоязычному читателю — Чермное море, так как в английском тексте оно названо Красным морем (в буквальном переводе встречается Папирусное или Тростниковое), и В. Вадимов в своем переводе этот факт не учитывал. Сама аллюзия в этом случае помогает визуализировать сцену, расступившееся перед израильтянами море — общеизвестный сюжет, который не нуждается в дальнейших разъяснениях и описаниях. Такая яркая аллюзия мгновенно отсылает читателя к представлению этой картины, делает мир, который рисуется читателю, ярким и многоплановым.

Еще одна отсылка к библейскому сюжету — это крещение. Крещение (с греч. «погружение в воду») — таинство, посредством которого человек получает «членство» в клубе под названием Церковь или Вера, получает спасение. Приведем отрывок из текста:

Nine gone, and a third of them had gotten it right here on this hill. The Major had told Olson to give them hell, and if this wasn't hell, it was a pretty good approximation. A pretty good...

Oh boy —

Garraty was suddenly aware that he felt quite giddy, as if he might faint himself. He brought one hand up and slapped himself across the face, backward and forward, hard.

"You all right?" McVries asked.

"Feel faint."

"Pour your..." Quick, whistling breath, "... canteen over your head."

Garraty did it. I christen thee Raymond Davis Garraty, pax vobiscum. The water was very cold. He stopped feeling faint. Some of the water trickled down inside his shirt in freezing cold rivulets (King 1979: 77).

Перевод АСТ: *Девятерых уже нет, и ровно треть от этого числа легла здесь, на этом подъеме. Главный предложил Олсону устроить им ад, но это не ад, это нечто весьма похожее. Очень, очень похожее...*

О Господи Иисусе...

Гаррати вдруг понял, что у него кружится голова, и он тоже вполне может потерять сознание. Он поднял руку и несколько раз с силой ударил себя по лицу.

— Ты в порядке? — спросил его Макврайс.

— Теряю сознание.

— Вылей... — Натужный, свистящий вздох. — Флягу... на голову.

Гаррати последовал совету. Нарекаю тебя Реймондом Дейвисом Гаррати, *рах vobiscum*. Очень холодная вода. Но головокружение прошло. Вода пролилась за шиворот, и по телу побежали ледяные ручейки (Кинг 2000).

Перевод В. Вадимова:

Девять ушли, и треть из них — здесь, на этом холме. Мейджор наказал Олсону задать им жару, как будто сейчас их не жарит как в аду, вполне себе неплохое допущение. Вполне неплохое...

О боже...

У Гэррети вдруг закружилась голова, еще чуть-чуть и он вырубится. Он поднял руку и ударил себя по лицу, раз, другой, изо всех сил.

— Ты в порядке? — спросил МакФриз.

— Могу отключиться.

— Вылей себе флягу... — быстрое, с присвистом дыхание, — ...флягу на голову.

Гэррети так и сделал. И крещу тебя, Реймонд Дэвис Гэррети, да пребудет с тобой мир. Вода была очень холодной. Головокружение прошло. Часть воды пролилась ему за воротник и стекла по спине и груди ледяными струйками (Кинг 1995).

Это очень развернутая аллюзия, в которой переводчикам приходится каждому в силу оценки событий с личных позиций интерпретировать обряд с позиций героев романа. Последовательность ад — крещение — спасение просматривается в каждом переводе. В переводе В. Вадимова также просматривается противопоставление «жарко — холодно» (*жарит как в аду — Вода была очень холодной*).

Очень интересны не только аллюзии, которые способны передаваться из языка в язык с целью прорисовки художественного мира в сознании читателя, а также и та часть аллюзий, которая в романе активно используется с целью налаживания более глубокого диалога с американским читателем.

Эти аллюзии не всегда будут понятны русскому читателю и зачастую требуют пояснения в комментариях переводчика. В частности, к ним относятся те аллюзии, которые касаются включения в текст фраз и имен собственных, словом, элементов иной культуры. Так, С. Кинг на протяжении романа для усиления экспрессивности вспоминает в определенном контексте бейсболистов, чемпионаты и игры в бейсбол. Для усиления восприятия от протяженности гонки на выбывание он проносит через речь героев воспоминание о бейсболе и его чемпионах, хотя здесь имеется в виду достижение, рекордное для бейсбольных чемпионатов США. Большинство

этих аллюзий сопровождаются комментариями для читателей иной культуры. Приведем пример такой аллюзии:

Only six Long Walks in history had ended over the state line in New Hampshire, and only one had gotten into Massachusetts, and the experts said that was like Hank Aaron hitting seven hundred and thirty home runs, or whatever it was... a record that would never be equaled (King 1979: 41).

Перевод АСТ:

За всю историю Долгих Прогулок лишь шесть раз группа пересекала границу штата Нью-Хэмпшир и только одна группа добралась до Массачусетса. По мнению экспертов, эти результаты, подобно рекордному достижению Хэнка Аарона в семьсот тридцать, кажется, пробежек, никому не суждено превзойти (Кинг 2000).

Перевод В. Вадимова:

Только шесть Долгих Прогулок за всю историю дошли до границы Нью Хэпшира, и только одна из них добралась до Массачусеттса; специалисты говорили, что это примерно то же, что Хэнк Аарон, сделавший 730 хоумранов, или сколько там... рекорд, который никогда уже не побить (Кинг 1995).

К таким аллюзиям также можно отнести образы известных американских личностей, таких как Мэрилин Монро (американская киноактриса, певица и секс-символ), Элеонора Рузвельт (жена президента США Франклина Делано Рузвельта), Фред Астор (популярный в предвоенные годы американский эстрадный артист), Грант Вуд (американский художник, работавший в первой половине XX в. Изображал сцены из жизни американской провинции) и другие.

Хочется отметить еще один пример аллюзии С. Кинга. В самый разгар ругани вокруг гонки вспоминается как некая система с отрицательным значением Американская ассоциация родителей и преподавателей (the PTA):

“Hey, Garraty, where’s the parents?” someone yelled. “Back home making kids,” Garraty said, embarrassed. There could be no doubt that Maine was Garraty country, but he found the signs and cheers and the gibes of the others all a little mortifying. He had found among other things in the last fifteen hours that he didn’t much crave the limelight. The thought of a million people all over the state rooting for him and laying bets on him (at twelve to one, the highway worker had said... was that good or bad?) was a little scary.

“You’d think they would have left a few plump, juicy parents lying around somewhere,” Davidson said. “Poontang from the PTA?” Abraham asked. The ribbing was halfhearted and didn’t last very long (King 1979: 94).

В отличие от перевода АСТ, где переводчик использовал аббревиатуру ААРП со сноской *Американская ассоциация родителей и преподавателей*, во втором варианте перевода переводчик (В. Вадимов) решил не заострять внимание на этом (использована лексическая замена, так как такой ассоциации в картине мира русскоязычного читателя нет: *родительский комитет*). В оригинале же аллюзия была нацелена на то, чтобы характеризовать систему и системный подход к данному событию. Система, выстроенная ААРП, воспринимается как четкая, отлаженная, работающая и бескомпромиссная. В тексте романа с ней имплицитно сравнивается тоталитарная система, которая «работает» под управлением «взрослых» и во благо «детей», более слабых, не умеющих самостоятельно выбирать свой путь. Упустив эту аллюзию, перевод потерял целую линию, а точнее грань мира, описанного автором.

Также часто встречаются Белый Кролик и Гусеница — персонажи сказки «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла, как своего рода антиподы другого ирреального мира. Приведем яркое обращение к Белому Кролику и его часам из сказки Л. Кэрролла и знаменитую сцену чаепития, где главные герои вынуждены пить чай постоянно, так как у них остановилось время:

“I’m not the caterpillar, anyway,” Stebbins said with a small, somehow secretive smile. “I’m more the white rabbit type, don’t you think? Except I left my gold watch at home and no one has invited me to tea. At least, to the best of my knowledge, no one has. Maybe that’s what I’ll ask for when I win. When they ask me what I want for my Prize, I’ll say, ‘Why, I want to be invited home for tea (King 1979: 151).

Перевод АСТ:

— Во всяком случае, я не Гусеница, — сказал Стеббинс с едва заметной улыбкой. — Я больше похож на Белого Кролика. Правда, золотые часы я оставил дома и на чай меня никто не приглашал. По крайней мере насколько мне известно. Может, потом, когда стану победителем, то попрошу чтобы пригласили. Когда они спросят меня, какой Приз я желаю, я отвечу: «Хочу, чтобы кто-нибудь пригласил меня к себе на чай» (Кинг 2000).

Перевод В. Вадимова:

— В любом случае, я не гусеница, — сказал Стеббинс с легкой, почти незаметной улыбкой. — Я больше похож на белого кролика, тебе так не кажется? Вот только я свои золотые часы дома оставил, и на чай меня никто не приглашал. По крайней мере, насколько мне известно. Возможно, это я и попрошу, когда выиграю. Когда меня спросят, чего я хочу в Награду, я скажу: «А чё, пригласите меня на чай» (Кинг 1995).

В данном случае оба перевода похожи, так как произведение Л. Кэрролла является мировой классикой, не требующей особого пояснения. Мир, нарисованный однажды автором «Алисы в Стране чудес», известен широкому кругу читателей и не зависит от национальности читающего. Однако аллюзия является достаточно красочной, так как помогает понять внутренний мир одного из главных героев, который бы в качестве награды выбрал себе такое бесконечное «чаепитие».

4. Заключение

Рассмотрев некоторые особенности перевода аллюзий в романе С. Кинга «Долгая прогулка», можно говорить о том, что даже профессиональный перевод не всегда в полной мере передает интертекстуальность оригинала. Переводчики используют лексические трансформации, комментарии, прямой перевод и другие способы и приемы перевода для реализации коммуникативного намерения автора оригинального текста. В адекватности перевода мы не сомневаемся, так как именно «реализация коммуникативного намерения автора оригинала должна рассматриваться как условие достижения адекватности перевода» (Сдобников 2010: 140). Рассмотрев оба перевода произведения, нами были выделены некоторые особенности:

Одной из основных стратегией обоих переводчиков для передачи «намерений» автора является поиск аналогов в культуре адресанта перевода или создание ассоциации с глобальными явлениями или источниками информации. В романе С. Кинга мы обнаружили целый ряд подобных примеров.

Поскольку аллюзия — это сложное трехстороннее явление, зачастую комментарии и ссылки на прецедентные тексты необходимы для понимания мира художественного текста. Некоторые аллюзии нацелены на налаживание более глубокого диалога с американским читателем. Такие аллюзии, как правило, сопровождаются авторским комментарием, чтобы понимание смысла текста не исказилось разницей фоновых знаний читателей другой культуры.

Текстовое многомирие произведений С. Кинга становится настолько своеобразным и насыщенным, в том числе из-за включений в текст аллюзий, которые ведут диалог с другими, уже известными текстами.

Атмосфера, к которой отсылают аллюзии, может быть как реальной (игры в бейсбол или исторические факты), так и фантастической («Алиса в Стране чудес»).

Аллюзии могут «прорисовывать» как внешний мир (описание сцены, в которой участники гонки обходят номер 60), так и внутренний мир геро-

ев текста (чувства, эмоции героев, сопоставляющих себя с известными личностями).

Нераспознанные аллюзии в переводном тексте могут исказить восприятие художественного многомирия переводного текста читателем (так, вариант перевода издательства «АСТ» 2000 года представляется более удачным, так как переводчик использовал аббревиатуру ААРП со сноской *Американская ассоциация родителей и преподавателей*, что передает читателю переводного текста смысловое содержание данной аллюзии и помогает воспринять многогранность мира, представленного автором в оригинале).

Поднимая тему жестокости мира и поиска смысла жизни, Кинг не говорит открыто, не дает прямых решений или своего мнения, он направляет читателя к получению своих собственных выводов и мнений при помощи аллюзий и намеренных недомолвок.

Социальная проблематика, которая поднимается в романе благодаря аллюзиям, проецирует все происходящее сквозь пространство и время, тем самым расширяя поле для восприятия того замысла, который автор заложил и в своих героях, и в окружающую атмосферу — словом, в каждую деталь произведения.

В целом можно говорить о том, что присутствие включений в тексте романа обеспечивает функционирование аллюзивного текста в общем поле интертекстуальности, приводит к увеличению экспрессивности и усложнению смысла текста, обеспечивая таким образом диалог текста и автора с читателем и создавая многоуровневость смыслов.

В этом смысле роман является ярким примером того, как при помощи эффективного использования аллюзий создается многомирие текста, предмет повествования становится понятным и осмысленным на человеческом уровне, гораздо более глубоким, чем это требует литература бестселлера.

Список литературы / References

- Андреева К. А. Введение в когнитивную поэтику: Учебное пособие. Тюмень: Вектор Бук, 2009. [Andreeva, Kira A. (2009) *Vvedenie v kognitivnuyu poetiku* (Introduction to Cognitive Poetics). Tyumen: Vektor Buk. (In Russian)].
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. [Bahtin, Mikhail M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* (Aesthetics of Written Word). Moscow: Iskusstvo. (In Russian)].
- Васильева Е. А. Сигналы аллюзии в литературном тексте (на материале английского языка) // Лексикология и фразеология (романо-германский цикл): Материалы XXXVII Международной конференции, Санкт-Петербург, 11–15 марта 2008 г. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 12–16. [Vasil'eva, Elena A. (2008) *Signaly allyuzii v literaturnom tekste* (Signals of allusion in literary text) (on the material of English language) // Lexicology and Phraseology (Romano-Germanic cycle): Materials of XXXVII International Conference, Saint-Petersburg, 11–15 March 2008. St. Petersburg: SPbGU, 2008. P. 12–16.]

- turnom tekste (na materiale anglijskogo yazyka) (Signals of Allusion in Literary Texts (a Case Study of English)). In *Leksikologiya i frazeologiya (romano-germanskij cikl) Materialy XXXVII Mezhdunarodnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 11–15 marta 2008 g.* (Lexicology and Phraseology (Romano-Germanic Cycle): Proceedings of the XXXVII International Conference, Saint Petersburg, March, 11–15, 2008). Saint Petersburg: SPSU, 12–16. (In Russian)].
- Васильева Е. А. Функциональная специфика аллюзивных текстов (на материале пьес Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и «Травести»): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2011. [Vasil'eva, Elena A. (2011) *Funkcional'naya specifika allyuzivnyh tekstov (na materiale p'es T. Stopparda "Rozenkranc i Gil'denstern mertvy" i "Travesti")* (Functional Nature of Allusive Texts (Based on T. Stoppard's plays "Rosencrantz and Guildenstern are dead" and "Travesty"))]. Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Saint Petersburg. (In Russian)].
- Владимирова Н. Г. Условность, созидающая мир: Поэтика условных форм в современном романе Великобритании: Монография. Великий Новгород : Новгор. гос. ун-т, 2001. [Vladimirova, Natalya G. (2001) *Uslovnost', sozidayushchaya mir: Poetika uslov. form v sovrem. romane Velikobritanii: Monografiya* (Conditionality Creating the World: Poetics of Conditional Forms in the English Contemporary Novels: Monograph). Velikiy. Novgorod : Novgor. gos. un-t. (In Russian)].
- Игнатова В. А. Естествознание: Учебное пособие. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. [Ignatova, Valentina A. (2002) *Estestvoznaniye: Uchebnoye posobie* (Natural Science: Coursebook). Moscow: IKC "Akademkniga". (In Russian)].
- Кабанова И. Н. Интертекстуальный статус аллюзивных включений в медийном дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 31–39. [Kabanova, Irina N. (2016) *Intertekstual'nyj status allyuzivnyh vkluyuchenij v medijnom diskurse* (Intertextual Status of Allusion in Mass Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 33, 31–39. (In Russian)].
- Козлова Т. О. Архаичная модель мира: аналогия в объективации концептов-антиномий // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. Вып. 4. С. 181–189. [Kozlova, Tatiana O. (2009) *Arhaichnaya model' mira: analogiya v ob'ektivacii konceptov-antinomij* (Archaic Worldview: Antinomy Concepts and Analogies in their Representation). *LUNN Bulletin*, 4, 181–189. (In Russian)].
- Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2007. [Kuz'mina, Natalya A. (2007) *Intertekst i ego rol' v processah evolyucii poeticheskogo yazyka* (Intertextuality and Its Role in the Process of Poetic Language Evolution). 4th ed. Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Микешина Л. А. Трансцендентальное измерение гуманитарного знания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 49–66. [Mikeshina, Lyudmila A. (2006) *Transcendental'noe izmerenie gumanitarnogo znaniya* (Transcendental Dimensions of the Humanities). *Voprosy filosofii* (Issues of Philosophy), 1, 49–66. (In Russian)].
- Новикова Н. С., Черемисина И. В. Многомирие в реальности и общая типология языковых картин мира // Филологические науки. 2000. № 1. С. 40–49. [Novikova, Natalya S., & Cheremisina, Irina V. (2000) *Mnogomirye v realii i obshhaya tipologiya yazykovykh kartin mira* (Multiverse in Reality and General Typology of Linguistic World View). *Filologicheskie nauki* (Philological Sciences), 1, 40–49. (In Russian)].
- Павлина С. Ю. Интертекстуальные фрагменты в англоязычном политическом медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 39. С. 31–40. [Pavlina, Svetlana

- Yu. (2016) Intertekstual'nye fragmenty v angloyazychnom politicheskom mediadiskurse (Intertextual Units in the British and American Political Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 39, 48–58. (In Russian)].
- Полянская Е. С. Фантастическое многомирное (на материале сопоставительного текстового анализа произведений Дж. К. Роулинг и А. М. Волкова). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2013. [Polyanskaya, Ekaterina S. (2013) *Fantasticheskoe mnogomirnoe (na materiale sopostavitel'nogo tekstovogo analiza proizvedenij Dzh. K. Rouling i A.M. Volkova)* (Fantastic Multiuniverse (Based on Comparative Textual Analysis of J. K. Rowling and A. M. Volkov's Novels)). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Tyumen. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. Вып. 10. С. 132–144. [Sdobnikov, Vadim V. (2010) Tipologiya perevoda: kommunikativno-funkcional'nyj podhod (Communicative-Functional Approach to Translation Typology). *LUNN Bulletin*, 10, 132–144. (In Russian)].
- Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. [Fateeva, Natalya A. (2000) *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Inter-tekst v mire tekstov* (Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts). Moscow: Agar. (In Russian)].
- Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник. 3-е изд. испр. и доп. М.: Высш. шк., 2002. [Halizev, Valentin E. (2002) *Teoriya literatury: Uchebnik, 3-e izd. ispr. i dop.* (Literary Theory: Textbook, 3rd edition, updated and revised). Moscow: Vyssh. shk. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

- Аллюзия [Электронный ресурс] // Словарь литературоведческих терминов. 2012. Slovar.cc. URL: <https://slovar.cc/lit/term/2145041.html>. (дата обращения: 12.08.2022) [Alluziya (Allusion) (2012) (2022, August 12) In *Slovar' literaturovedcheskikh terminov*. Slovar.cc. (Literary Terms Dictionary. Slovar.cc.). Retrieved from <https://slovar.cc/lit/term/2145041.html>. (In Russian)].
- Wheeler, L. Kip. (2022, August 12) Allusion. In *Literary Terms and Definitions*. Retrieved from http://web.cn.edu/kwheeler/lit_terms_A.html.

Источники языкового материала / Language material resources

- Кинг С. Длинный путь [Электронный ресурс] / Пер. с англ. В. Вадимова, 1995. URL: <https://flibusta.club/b/67267/read>. (дата обращения: 12.08.2022) [King, Stephen (1995) (2022, August 12) *Dlinnyj put'* (Long Walk / translated by V. Vadimov). Retrieved from <https://flibusta.club/b/67267/read>. (In Russian)].
- Кинг С. Долгая прогулка [Электронный ресурс] / Пер. с англ. М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 2000. URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/uzhasy-i-mistika/22265-stiven-king-dolgaya-progulka.html>. (дата обращения: 12.08.2022) [King, Stephen. (2000) (2022, August 12) *Dolgaya progulka* (Long Walk / translated from English). Moscow: ООО “Firma Izdatel'stvo AST”. Retrieved from <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/uzhasy-i-mistika/22265-stiven-king-dolgaya-progulka.html>. (In Russian)].
- King, Stephen. (1979) (2022, August 12) *Long Walk*. Retrieved from file:///C:/Users/Asus%20VivoBook/Downloads/The%20Long%20Walk%20by%20Stephen%20King.pdf.

УДК 811.111

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-92-106

КОНСТРУИРОВАНИЕ ФЕМИНИННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

(на материале англоязычного сайта *Reddit*)

Н. В. Потапова, С. В. Коломиец

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

На сегодняшний день изучение лингвоперсонологических аспектов самопрезентации в виртуальном пространстве является одним из приоритетных направлений в лингвистике. Вследствие того, что социальные медиа (сети, чаты и форумы) стали не только глобальным инструментом общения, но и инструментом формирования, трансляции и трансформации определенных образов, мнений и стереотипов, актуальным становится описание специфики самопрезентации и функционирования языковой личности в них. Материалом исследования послужили 240 сообщений из тематических сообществ, адресованных женской части аудитории англоязычного сайта *Reddit*, сочетающего черты социальной сети и форума. Целью исследования является описание способов конструирования виртуальной фемининной идентичности с учетом ее актуализации на содержательном и языковом (графико-фонетическом, лексическом, синтаксическом) уровнях. Конструирование виртуальной фемининной идентичности англоязычного сайта *Reddit* было рассмотрено с двух позиций — экстралингвистической (аватар и никнейм) и лингвистической (текстовое наполнение профиля пользователя). Доказано, что при конструировании виртуальной фемининной идентичности дополнениям и трансформациям подвергается реальная идентичность пользователя социальных медиа посредством включения в женский виртуальный гендерлект черт маскулинной и андрогинной языковой личности. К маркерам фемининности в социальных медиа относятся «стереотипные» языковые средства — интенсификация положительной оценки, высокая эмоциональность и экспрессивность речи, стратегия коммуникативного сотрудничества и поддержки, а также «нестереотипные» языковые средства, такие как употребление сниженной лексики, выбор гендерно-нейтрального обращения к аудитории интернет-сообщества.

Ключевые слова: гендерная идентичность; фемининная идентичность; виртуальная языковая личность; виртуальный гендерлект; виртуальное пространство; социальные медиа.

Цитирование: Потапова Н. В., Коломиец С. В. Конструирование фемининной идентичности в социальных медиа (на материале англоязычного сайта *Reddit*) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 92–106. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-92-106.

**Construction of Feminine Identity in Social Media
(on the Material of the English-language Site *Reddit*)**

Natalya V. Potapova, Svetlana V. Kolomiets
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

In modern linguistics, the study of linguo-personological aspects of self-presentation in the virtual space is a high priority area. Since social media (networks, chats, and forums) have become not only a global tool for communication but also a tool for the formation, transfer, and transformation of certain images, opinions, and stereotypes, describing the specifics of a linguistic personality's self-presentation and behavior in these contexts has become especially relevant. The authors have examined 240 messages from thematic communities addressed to the female part of the audience of the English-language site *Reddit*, which combines the features of a social network and a forum. The aim of the study is to describe the ways of constructing a virtual feminine identity and its actualization in terms of both content and language (its graphic-phonetic, lexical, and syntactic levels). The construction of the virtual feminine identity on the English-language site *Reddit* was considered from two positions: extralinguistic (avatar and nickname) and linguistic (textual content of the user's profile). The authors demonstrate that, in the process of constructing a virtual feminine identity, the real identity of a social media user is subjected to transformations by incorporating in its language some features of a masculine and androgynous linguistic personality, namely: intensification of positive assessments, high emotiveness and expressiveness of speech, a strategy of communicative cooperation and support, as well as "non-stereotypical" language means, such as the use of obscene vocabulary and gender-neutral ways to address the audience of the Internet community.

Key words: gender identity; feminine identity; virtual language personality; virtual genderlect; virtual space; social media.

Citation: Potapova, Natalya V., Kolomiets, Svetlana V. (2022) Construction of Feminine Identity in Social Media (on the Material of the English-language Site *Reddit*). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 92–106. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-92-106.

1. Введение

Одним из популярных направлений развития лингвистики сегодня является изучение реализации виртуальной языковой личности в медиапространстве. Важным становится анализ влияния, которое социальные медиа оказывают на традиционные процессы взаимодействия людей и способы идентификации. Вопросами идентичности пользователей сети интернет занимаются отечественные и зарубежные ученые (Turkle 1994; Talamo, Ligorio 2001; Hardey 2002; Suler 2004; Горошко 2009; Мартынов 2013, 2015; Жаде, Ляужева 2016; Солдатова, Погорелов 2018; Фомин, Чоботар 2022) и др. Исследователи сходятся во мнении, что пользователь интернета свободен в наделении себя чертами, дающими возможность управлять впечатлением о себе, создавать идентичность по своему выбору и усмотрению (Жичкина, Белинская 2004). Вследствие этого идентичность

в виртуальном пространстве множественна, изменчива, текуча и фрагментарна (Turkle 1994: 164).

Также в поле интересов ученых входят вопросы гендерной идентичности в условиях виртуального пространства (Остапенко 2004; Koch 2005; Диасамидзе 2009; Doorn 2010; Щекотуров 2013) и др. Исследователи пишут о возможностях виртуального пространства в трансформации гендерных стереотипов, о возникновении новых гендерных идентичностей, о стирании границ маскулинности / фемининности. Участники общения, которые, следуя своим целям и интересам, могут скрывать свою личность, делая ее анонимной, или, наоборот, создавать желаемую версию себя, актуализируя те или иные особенности своей личности, в т. ч. гендерную идентичность (Алтухова 2021: 55). Исследователи полагают, что интернет-пространство не является гендерно-нейтральным и допускает эксперименты с гендером как с маской. Виртуальная гендерная идентичность изменчива и динамична и отличается от более стабильной реальной гендерной идентичности (Горошко 2009). Для женщин изменение гендера менее характерно, чем для мужчин, и в основном связано с желанием избежать доминантного отношения со стороны мужчин или нежелательных предложений сексуального характера (Войскунский 2004).

Немалое количество исследователей придерживаются идеи о виртуальной идентичности как продолжении и отражении реальной (Курчакова 2006; Епанова 2009) и др. При помощи текстовой личной информации, фотографий и пр., размещенных на страничке в интернете, пользователь Сети «конструирует не идентичность, а создает “виртуальную презентацию” для нее» (Никитина, Попова 2015: 405).

Многочисленные исследования посвящены вопросам конструирования маскулинности в интернете (Kendall 2002; Siibak 2010; Manago 2013; Асатурова 2015; Глазырина 2015) и др. Согласно проведенным исследованиям, виртуальный образ мужчины представляет собой мозаичный конструкт, построенный на противоречиях. Смешивая компоненты разных стратегий поведения в рамках виртуальной коммуникации, мужчины могут выступать как в роли эксперта, интеллектуала, моралиста, так и в роли ребенка, проявляя инфантилизм, чувствительность и мягкость.

Исследования же, сосредоточенные на описании фемининной идентичности в Глобальной сети, на сегодняшний день единичны. Так, в контексте киберпространства говорят о киберфеминизме, который рассматривается как инструмент развития женской субъективности в Сети. Задача киберфеминизма заключается в том, чтобы разрушить гендерные стереотипы и предрассудки и предоставить новые возможности для развития феминистской культуры, где женщины-пользователи интернета смогут не

отказываться от своей феминной сути и не игнорировать свою «отличность» от мужчин-пользователей (Милякина 2012: 105). Критики киберфеминизма (который так и не стал однородным течением) называют его техноутопическим. По их утверждению, приверженцы данного направления выступают с позиций инструменталистского, а не ценностного подхода к Сети (Мартьянов 2013).

Отдельные работы посвящены изменению политического сознания и поведения женщин в условиях цифровизации, обсуждается активизация женщинами своих гражданских позиций при помощи социальных сетей, где возможен сбор подписей, деклараций, распространение обращений (Кранзеева 2021).

Л. Р. Диасамидзе сопоставлению подвергает способы конструирования маскулинной и фемининной идентичности в интернет-дискурсе в английском и русском языках на материале политических блогов. Ученый доказывает, что женщины-авторы англоязычных блогов следуют своему гендеру, редко принимают правила «мужской» речи. В русскоязычных блогах женщины часто «маскируются» под мужчин, желая таким образом добавить авторитетности своим высказываниям (Диасамидзе 2009).

Однако комплексных работ лингвистического характера на тему конструирования фемининной идентичности в виртуальном пространстве на сегодняшний день нет. Данное обстоятельство обеспечивает новизну предпринятого исследования.

2. Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили 240 сообщений, отобранные приемом сплошной выборки на англоязычном сайте *Reddit*, сочетающем черты социальной сети и форума. Выбор сайта был определен следующими факторами: 1) широкая пользовательская аудитория, 2) свободный доступ для русскоязычных пользователей, 3) англоязычный контент. По состоянию на 2017 год сайт стал пятым крупнейшим сайтом в США с аудиторией 274 млн пользователей. Сам сайт определяет себя «главной страницей интернета» и входит в двадцатку самых популярных сайтов мира.

Исследование осуществлялось посредством использования общенаучных методов индуктивного и дедуктивного анализа, метода контент-анализа, метода лексико-семантического анализа, метода контекстуального анализа, метода лингвостилистического анализа, метода структурно-синтаксического анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Сайт *Reddit* состоит из тысяч сабреддитов (тематических сообществ), охватывающих самый широкий круг интересов: игры, хобби, политика, экономика, стиль, модные советы, жилье, животные, юмор и пр. Аудитория *Reddit* выглядит следующим образом: жители США — 54 %, жители других государств (Великобритания, Канада, Австралия, Германия и др.) — 46 %, средний возраст пользователей сайта — от 18 до 35 лет.

Следуя цели исследования, для анализа были отобраны три самые популярные тематические сообщества, адресованные женской части аудитории: *TwoXChromosomes* (13,4 млн пользователей), *AskWomen* (3,9 млн), *femalefashionadvice* (2,5 млн). Анализ материала проводился с мая по август 2022 г. Ядро пользователей указанных сообществ составляют женщины в возрасте от 18 до 35 лет.

Зарегистрированные пользователи могут вступать в любой понравившийся сабреддит, общаться в комментариях или публиковать собственные записи. Структурными элементами сабреддитов являются посты, ссылки на материалы аналогичной тематической направленности, ведущие на внешние ресурсы, комментарии пользователей, визуальные изображения, видеофайлы.

Конструирование виртуальной идентичности пользователя социальных медиа может осуществляться двумя способами — экстралингвистическим (аватар и никнейм) и лингвистическим (текстовое наполнение профиля пользователя) (Вакурова 2010: 294).

Создание виртуальной личности в сообществе *Reddit* начинается для пользователя с создания аватара и никнейма. *Reddit* предлагает первоначальный шаблонный аватар, не обладающий визуальными признаками гендера, расы, возраста и т. д., который можно изменить согласно предпочтениям пользователя. Пользователь может изменить цвет глаз и кожи, цвет и длину волос, добавить бороду или усы (рис. 1) или выбрать различные костюмы мультяшных персонажей.

Рис. 1. Аватар сайта *Reddit*

Данная вариативность дает возможность «играть» со своим гендером: скрыть или подчеркнуть его, выбрать противоположный гендер. Так-

же при регистрации участникам сообщества предлагается на выбор пять возможных вариантов указать свой гендер: *woman, man, non-binary, I refer to myself as..., I prefer not to say*. При идентификации гендерной принадлежности рядом с никнеймом пользователя появляется соответствующий символ, например, *Qwsdxcbjking ♂, LillyPeu2♀*.

Анализ аватаров сабреддитов *TwoXChromosomes, AskWomen, Femalefashionadvice*, ориентированных на женскую аудиторию, показал, что большая часть аватаров репрезентируют женский гендер (70 %), но в то же время присутствуют гендерно-нейтральные аватары (не указывающие на гендер пользователя). Аватаров, репрезентирующих мужской гендер, выявлено не было. При этом небольшая часть аудитории данных сообществ (20 %) останавливает свой выбор на первоначально предложенном сайтом аватаре, тем самым не отождествляя свою виртуальную личность ни с фемининным, ни с маскулинным гендером.

Никнейм в виртуальной среде общения также является средством самопрезентации, так как каждый пользователь вправе создать любое имя для своей виртуальной личности. При создании никнейма пользователи редко пользуются своим настоящим именем (5 %), а используя творческий подход при конструировании своей виртуальной личности, отдают предпочтение псевдониму.

Проведенный анализ никнеймов сабреддитов *TwoXChromosomes, AskWomen, Femalefashionadvice* позволяет выделить следующие его функции:

1. Функция самопрезентации. Именно виртуальное имя, которое является обязательным условием участия в чатах, блогах, форумах и пр., создает первое впечатление о коммуниканте. Оно способно как актуализировать качества личности реальной, так и полностью скрыть ее (*Dr_Julian_Helisent, Lilyanne*).

2. Контактустанавливающая функция. Структура, графическое оформление, семантика никнейма способны вызвать интерес у участников того или иного сабреддита и тем самым позволяют установить контакт (*Flower_girl2, Paulina_03*).

3. Дискурсивная функция. Создав виртуальное имя, выбрав ту или иную маску, пользователь в дальнейшем придерживается определенного поведения в общении с другими коммуникантами (*Cautious_Climate_267, BanjoZone*).

4. Эмоционально-экспрессивная функция. Поскольку никнейм является главным средством самопрезентации, пользователи стараются сделать его ярким, запоминающимся, не похожим на остальные. Подобное имя

способно оказать определенное воздействие на участников коммуникации (*Imjustthereforaminute, Inner_Art482*).

5. Игровая функция. Имя пользователя «вводится в игровое пространство», позволяющее представить его в лучшем или худшем свете. Имена можно менять, создавая новый имидж, играя в новом качестве (Чабаненко 2007: 14–15) (*tomatopotatotomato, adventurebody*).

Итак, пользователи сайта *Reddit* используют аватар и никнейм с целью создать новую виртуальную личность, которая, согласно проведенному анализу, тем не менее, является продолжением личности реальной, так как большинство пользователей заявляют о своей гендерной принадлежности. Репрезентация гендера осуществляется в большей степени визуально посредством аватара, изображающего женский персонаж, или символа, обозначающего женский гендер. Никнеймы пользователей также номинируют женский гендер, но в меньшей степени. Усложнение гендерной идентификации происходит, когда автор выбирает гендерно-нейтральный аватар и никнейм, не обладающие признаками гендерной идентичности. Таким образом, виртуальная языковая личность характеризуется полиидентичностью, совмещая компоненты нейтрального и феминного гендеров или презентуя себя как полностью гендерно-нейтрального индивидуума в сфере интернет-коммуникации.

На экстралингвистическом уровне пользователи сообщества *Reddit* транслируют принадлежность к женскому гендеру посредством визуальной репрезентации гендерной идентичности. Отказ от фемининной идентичности реализуется в большей степени при выборе никнейма, свидетельствуя о том, что для женской аудитории, предположительно, именно внешность занимает ведущую роль в процессе гендерной идентификации.

Тематика сабреддитов, адресованных женской аудитории, отличается своим многообразием, но не выходит за рамки традиционных и стереотипных представлений о женском гендере. Все темы создаются пользователями, триггером для начала виртуальной дискуссии выступает вопрос, обращенный к аудитории. Эмоциональность и социальная активность женщин отражаются в обсуждении тем, посвященных отношениям, неравенству полов, и актуальных социальных проблем (тема аборт, насилия и жестокого обращения). Элегантность и эстетичность находятся на втором месте по количеству обсуждений на женских форумах сайта *Reddit*. Основными обсуждаемыми темами являются тренды *модной индустрии*, темы *красоты* и *ухода за собой*.

Проведенное исследование речевого поведения пользователей сабреддитов *TwoXChromosomes, AskWomen, Femalefashionadvice* позволяет говорить о высокой экспрессивности и эмотивности женской речи. Просоди-

ческие черты женского гендерлекта в письменной виртуальной коммуникации передаются с помощью графических и графико-пунктуационных средств. **На графико-фонетическом уровне** эмотивность женской аудитории пользователей *Reddit* реализуется посредством использования многоточия, означающего паузу, восклицательных знаков, звукоподражания, повторения звуков / букв и написания слов заглавными буквами:

(1) *Burntoastedbutter* It **REALLY** depends on their tone and how they put themselves out. Most of the time I just say thanks and move on lol. <...> **WORST** thing you can do is ask them for their number and then try calling it to 'confirm' it's validity. Seriously. **DON'T DO THIS!**

Использование эмотиконов, эмодзи, символов и изображений придает виртуальной коммуникации характеристики «живой и эмоциональной» речи. Подобные элементы, включенные в текст сообщения, способны передать эмоции автора сообщения и его отношение к теме обсуждения. Следовательно, они выполняют ориентирующую функцию, указывая другим коммуникантам, как следует интерпретировать сообщение. Наблюдение за обменом сообщениями в сабреддитах для женщин позволяет утверждать, что они используют типографический шрифт как средство создания эмотикона, например :). Примечательно, что эмотиконы используются более частотно для передачи положительных эмоций — улыбки и радости, чем грусти или печали. Для выражения смеха женщины-участники интернет-сообщества прибегают к аббревиатуре-акрониму *lol* (от англ. *laughing out loud*):

(2) *MidnightFireHuntress* ♀ <...> I kept trying for a looong time, kept bugging and bugging her because I thought it was fun and her reactions were cute until one day out of completely nowhere she comes up to me in the lobby and says "Hey, want to go for drinks?" I was surprised I thought maybe I was dreaming **LOL**.

Экспрессивность и оценочность речи женщин в сфере виртуальной коммуникации реализуется также **на лексическом уровне** — как правило, посредством междометий, выражающих эмоции, и наречий, транслирующих субъективно-оценочное отношение. Так, наречия степени и образа действия усиливают и дополняют отношение к действию или ситуации (например, *I truly love it; I was genuinely terrified; its absolutely hilarious; Those are insanely cool*):

(3) *MidnightFireHuntress* ♀ The receptionist in the office I work in **absolutely** hated me, I have **NO** idea why but I think it's because she enjoyed being one of the only women in the office and I disrupted that.

BanjoZone **Geez**. That bad?

Значимым языковым проявлением эмоциональности женщин также выступают абстрактные существительные, глаголы чувств, прилагательные и причастия, номинирующие эмоции. В проанализированных текстах сообщений, указанных сабреддитов преобладают следующие лексемы, отражающие эмоции и чувства: *frustrating, frustrated, flattered, smile, laugh, enjoy, feel, overreact, hate, confused, love, horrify*. Отметим также, что в конструировании фемининного гендера в виртуальной реальности задействованы прилагательные чувств, настроения и эмоций: *nervous, hilarious, terrifying, happy, funny, disappointing* и т. д.:

(4) GreenLabyrinthQuinn *I think it's more of a feeling than a choice for me, because I feel like I can't help **loving** him. He just makes me so **happy**.*

Характеристикой женского гендерлекта в виртуальной коммуникации служат образные средства выражения — эпитеты, метафоры и сравнения, что дополнительно свидетельствует о повышенной экспрессивности речи женщин в виртуальной коммуникации:

(5) toastythetoaster1 ***Comparison is the thief of joy;***

(6) Dr Julian Helisent *Confusion since I look **like a swamp goblin**. Also polite denial but mainly confusion;*

(7) u/skylark_night *A couple months ago I (22F) made a post here complaining about my (24M) housemate who thinks **I'm the Magical Cleaning Elf;***

(8) ntvan12 *Meeting a **beautiful wonderful amazing** girlie: big hug*

В общении участников женских сабреддитов зафиксировано большое количество слов и предложений-реакций на сообщение пользователя со словами поддержки в адрес автора. Р. Лакофф установил, что женщины стремятся к установлению контакта, налаживанию диалога, то есть для них характерно стремление к коммуникативному сотрудничеству, а не соперничеству. В женской речи отсутствует доминирование, желание занять более высокую позицию (Lakoff 1973), что вписывается в признанную социумом модель женственности (*Agree, Same, Yes, Yeah, Fully agree, Yes this, This. So true*):

(9) foodmonsterij ***You are completely right**, and Anthropolgie has several sets of detachable sleeves/opera gloves.*

Среди **синтаксических** особенностей женской речи в среде виртуального общения доминируют длинные, развернутые предложения — осложненные сложные предложения, сложные предложения с сочинительной связью:

(10) mknz_w *I add most of it on Amazon and if I feel like I don't want to buy it from Amazon, I can refer to my list/cart to look other places. I have a lot of clothes right now that I can see the price on and compare to other sites. And I can determine if I want name brand or amazon off brand.*

К специфике женского гендерлекта, бытующего в сфере виртуальной коммуникации, также можно отнести употребление вопросительных и восклицательных предложений, как правило, оформленных с нарушениями правил грамматики, что свойственно для разговорной речи. Их присутствие в диалогах пользователей женских форумов на сайте *Reddit* отражает эмоциональность, высокую степень вовлеченности женщин в коммуникацию, их заинтересованность в получении более детальной информации и дружеском общении:

(11) *BaggityJones Depeche mode. And being wrong;*

(12) *Unholyrage619 Depeche Mode??? He/she hated that you liked the band? Tell me you're joking?!?*

Во время исследования также были зафиксированы случаи речевой избыточности, уточнения деталей и пояснения своих слов со стороны женщин-пользователей:

(13) *svdbsvdb These are my absolute favorite shorts. They are high waist and do not ride up on me at all (and I have a long torso).*

Edited to add: *the material is kind of thick and a little stretchy;*

(14) *huskylover28 The idea of having a formula/uniform seems exactly what I need to come up with. If I'm staying home or just running errands I'm normally in shorts or leggings and one of my husbands t sorts and I always feel so frumpy when I'm out and about.*

Следовательно, общение женщин в Сети маркируется развернуто-стью речи, стремлением к достижению ясности и прозрачности диалога, установлением и поддержанием дружеского общения.

Исходя из вышеизложенного, к типичным средствами конструирования фемининности в социальных медиа следует отнести графико-фонетические, лексические, синтаксические средства, выражающие повышенную экспрессивность, эмоциональность и стремление к установлению контакта.

Тем не менее в сфере виртуального общения не все так однозначно. В ходе исследования были установлены изменения в речевом поведении женской аудитории *Reddit* со смещением акцентов на гендерно-нейтральный и маскулинный тип коммуникации.

В анализируемых сабреддитах, обращаясь к аудитории, пользователи выбирают гендерно-нейтральное обращение *Hi, guys* (лексема *guys* в английском языке используется для приветствия людей, принадлежащих к любому полу). Также было зафиксировано единичное обращение к пользователю с комбинированной репрезентацией гендера как *bro*, которое в английской лингвокультуре используется для обращения к лицам мужского пола. В связи с этим с большой долей вероятности можно говорить о тен-

денции к постепенному стиранию гендерных границ в виртуальной коммуникации сайта *Reddit*:

(15) *Skiwi the kiwi Bro! I know! I tried my bfs shirts and I looked like I was wear a smock like, in the words of John Mulaney, "God damn Ebenezer Scrooge." Lmao.*

Кроме этого, можно выделить еще одну яркую тенденции выбора женщинами-пользователями речевого поведения, характерного для маскулинного типа коммуникации. Признанной чертой мужского гендерлекта выступает использование в речи бранных выражений и нецензурной лексики. Проведенный анализ контента сабреддитов *TwoXChromosomes*, *AskWomen*, *Femalefashionadvice* свидетельствует о прямой корреляции между темой обсуждения и выбором языковых средств участниками данных сообществ. Коммуниканты демонстрируют фемининный тип языковой личности при обсуждении тем, связанных с ведением домашнего хозяйства, романтическими отношениями, модой и др. Обсуждение же злободневных тем, таких как проблемы аборт, проявления мизогонии и сексизма, враждебности на рабочем месте и т. д., часто сопровождается использованием в речи участниц сабреддитов нецензурных и бранных выражений, нетипичных для женского гендерлекта:

(16) *ctrlf_happiness_ I **fucking** hate that when you google "school boy" you get pictures and cartoons of boys in their school uniforms, but when you google "school girl" you get a lot of results of obviously mature women wearing skimpy school girl outfits;*

(17) *Happy-Perception3877 It really **sucks** that we don't do the things we want to do because of this treatment. They were gatekeeping and they won :(*

В обсуждениях социально значимых для женщин проблем, на «злобу дня», пользователи сабреддитов часто используют аббревиатуры и сокращения, образованные от грубых и вульгарных выражений: *wtf* (от англ. *what the fuck*), *OMFG* (от англ. *oh my fucking God*), *LMAO* (от англ. *laughing my ass off*):

(18) *i-am-sam-88 <...> Picture a 6 foot bearded "burley" man meowing at a cat while he puts his pants on (the human, not the cat. We don't put pants on our cats). Not to mention, it's with our male "tough" cat. It's like they're having a "man chat" every morning **lmao**.*

Данные аббревиатуры нарушают гендерные стереотипы о женщинах и социальные нормы поведения, согласно которым женщина не использует грубые и вульгарные выражения в своей речи.

Гендерными маркерами фемининности в виртуальной коммуникации являются следующие «стереотипные» языковые средства — интенсификация положительной оценки, высокая эмотивность и экспрессивность речи,

а также стратегия коммуникативного сотрудничества и поддержки и ряд «нестереотипных» языковых средств, к которым относятся употребление сниженной лексики, выбор гендерно-нейтрального обращения к аудитории интернет-сообщества.

4. Выводы

В результате предпринятого исследования можно заключить, что самопрезентация личности в реальной и виртуальной жизни примерно одинакова. Однако конструируя виртуальную идентичность, пользователи социальных медиа не только воспроизводят характерные черты своей реальной идентичности, но и видоизменяют, дополняют ее с учетом специфики виртуального пространства (возможность «спрятаться» за вымышленным никнеймом и аватаром). Так, в условиях социальных медиа выражение фемининности дополняется или трансформируется посредством включения в женский виртуальный гендерлект черт маскулинной и андрогинной языковой личности, определяющихся на экстралингвистическом и лингвистическом уровнях.

Феномен виртуальной фемининной идентичности является перспективным полем для дальнейшего научного изучения. Заявленная проблематика ставит перед исследователями ряд вопросов, на которые им предстоит найти ответы, а именно: какими будут особенности конструирования виртуальной фемининности в российском и западном сегментах интернета? Каким образом виртуальная фемининная идентичность может влиять на повседневное офлайн-взаимодействие людей? и т. п.

Список литературы / References

- Алтухова Т. А. Автор и адресат в социальной компьютерной сети: лингвоперсонологические аспекты самопрезентации // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. В 2-х томах. Том 2: монография / Под науч. ред. Н. Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2021. С. 55–66. [Altuhova, Tatyana A. (2021) Avtor i adresat v socialnoj kompyuternoj seti: lingvopersonologicheskie aspekty samoprezentacii (Author and Addressee in a Social Computer Network: Linguopersonological Aspects of Self-presentation). In Golev, Nikolaj D., & Kim, Lidiya G. (eds.) *Social'nye seti: kompleksnyj lingvisticheskij analiz* (Social Networks: Complex Linguistic Analysis). Kemerovo: Kemerovo State University, V. 2, 55–66. (In Russian)].
- Асатурова Л. Л. Особенности конструирования маскулинной идентичности в виртуальном пространстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5. С. 13–15. [Asaturova, Larisa L. (2015) Osobennosti konstruirovaniya maskulinnoj identichnosti v virtual'nom prostranstve (Features of Constructing Masculine Identity in Virtual Space). *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 5, 13–15. (In Russian)].

- Вакурова Е. П. Гендерная анонимность в Интернете. Лингвистические особенности электронной коммуникации в интернет-дневниках // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 2. С. 294–299. [Vakurova, Elena P. (2010) Gendernaya anonimnost' v Internete. Lingvisticheskie osobennosti elektronnoj kommunikacii v internet-dnevnikah (Gender Anonymity on the Internet. Linguistic Features of Electronic Communication in Internet Diaries). *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2, 294–299. (In Russian)].
- Войскунский А. Е. Пол. Гендер. Интернет // Вестник РГНФ. 2004. № 1. С. 169–178. [Vojskunsij, Aleksandr E. (2004) Pol. Gender. Internet (Sex. Gender. Internet). *Journal of Russian Foundation for Humanities*, 1, 169–178. (In Russian)].
- Глазырина А. М. Конструкты феминности и маскулинности в интернет дискурсе: методологический анализ // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2015. № 2. С. 19–24. [Glazyrina, Anna M. (2015) Konstrukty feminnosti i maskulinnosti v internet diskurse: metodologicheskij analiz (Constructs of Femininity and Masculinity in Internet Discourse: Methodological Analysis). *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii* (Journal of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev. Series: Administration in Social Systems. Communicative Technologies), 2, 19–24. (In Russian)].
- Горошко Е. И. Коммуникативная виртуальная идентичность: гендерный анализ // Филологические заметки. 2009. № 2. С. 10–21. [Goroshko, Elena I. (2009) Kommunikativnaya virtual'naya identichnost': gendernyj analiz (Communicative Virtual Identity: Gender Analysis). *Philological Studies*, 2, 10–21. (In Russian)].
- Диасамидзе Л. Р. Гендерная идентичность в дискурсе политических блогов // Известия ВГПУ. 2009. № 10. С. 58–62. [Diasamidze, Lyubov' R. (2009) Gendernaya identichnost' v diskurse politicheskikh blogov (Gender Identity in the Discourse of Political Blogs). *Izvestia VSPU*, 10, 58–62. (In Russian)].
- Жаде З. А., Ляушева С. А. Новые тенденции в исследовании сетевой идентичности // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 1. С. 10–14. [Zhade, Zuriet A., Lyausheva, Svetlana A. (2016) Novye tendencii v issledovanii setевой identichnosti (New Trends in the Study of Online Identity). *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 1, 10–14. (In Russian)].
- Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Стратегии самопрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью [Электронный ресурс] // Флогистон. 2004. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>. (дата обращения 30.08.2022). [Zhichkina, Anastasiya E., & Belinskaya, Elena P. (2004) (2022, August 30) Strategii samoprezentacii v Internet i ih svyaz' s real'noj identichnost'yu (Strategies of Self-presentation on the Internet and Their Connection with Real Identity). *Flogiston*. Retrieved from <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>. (In Russian)].
- Епанова Ю. В. Интернет-репрезентация идентичности в контексте перформативной теории Дж. Батлер // Вестник СамГУ. 2009. № 1. С. 87–92. [Epanova, Yuliya V. (2009) Internet-reprezentaciya identichnosti v kontekste performativnoj teorii Dzh. Batler (Internet Representation of Identity in the Context of Performative Theory J. Butler). *Vestnik of Samara State University*, 1, 87–92. (in Russian)].
- Кранзеева Е. А. Изменения политического сознания и поведения российских женщин: вызовы цифровизации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1. С. 258–266. [Kranzeeva, Elena. A. (2021) Izmeneniya

- politicheskogo soznaniya i povedeniya rossijskih zhenshchin: vyzovy cifrovizacii (Changes in Political Consciousness and Behavior of Russian Women: Digitalization Challenges). *RGGU Bulletin. Series "Philosophy. Sociology. Art Studies"*, 1, 258–266. (In Russian)]. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-1-258-266.
- Курчакова Н. А. Формы самопрезентации в блоге // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность: сборник статей / Санкт-Петербургский ун-т; науч. ред. В. Л. Волохонский, Ю. Е. Зайцева, М. М. Соколов. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 132–163. [Kurchakova, Natalya A. (2006) *Formy samoprezentacii v bloge* (Blog Presentation Forms). In Volohonskij, Vladimir L., Zajceva, YUliya E., & Sokolov, Mihail M. (eds.) *Lichnost' i mezhlichnostnoe vzaimodejstvie v seti Internet* (Personality and Interpersonal Interaction on the Internet). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 132–163. (In Russian)].
- Мартьянов Д. С. Кризис виртуальной политики в контексте киберфеминизма // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2013. № 156. С. 164–173. [Mart'yanov, Denis S. (2013) *Krizis virtual'noj politiki v kontekste kiberfeminizma* (The Crisis of Virtual Politics in the Context of Cyberfeminism). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 156, 164–173. (In Russian)].
- Мартьянов Д. С. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети Интернет: смена парадигмы? // Вестник СПбГУ. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 1. С. 44–52. [Mart'yanov, Denis S. (2015) *Ot setевой identichnosti k politike identichnosti v seti Internet: smena paradigmy?* (From Online Identity to Internet Identity Politics: A Paradigm Shift?). *Vestnik SPbSU. Series: Political Science. International Relations*, 1, 44–52. (In Russian)].
- Милькина Е. Н. Феминистские среды в Web-пространстве // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 1 (8). С. 101–110. [Mil'kina, Elena N. (2012) *Feministskie sredy v Web-prostranstve* (Feminist Environments on the Web). *Philosophical Problems of IT & Cyberspace*, 1 (8), 101–110. (In Russian)].
- Никитина Д. А., Попова Л. В. Интернет-среда как фактор самоактуализации личности // Science Time. 2015. № 3 (15). С. 402–407. [Nikitina, Darya A., & Popova, Larisa V. (2015) *Internet-sreda kak faktor samoaktualizacii lichnosti* (Internet Environment as a Factor of Personality Self-actualization). *Science Time*, 3 (15), 402–407. (In Russian)].
- Остапенко И. А. Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет-коммуникации: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2004. [Ostapenko, Irina A. (2004) *Gendernaya identichnost' i samoprezentaciya v Internet-kommunikacii: social'no-filosofskij analiz* (Gender Identity and Self-Presentation in Internet Communication: Socio-Philosophical Analysis). PhD Thesis in Philosophy. Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. № 5. С. 105–124. [Soldatova, Elena L., & Pogorelov, Dmitry N. (2018) *Fenomen virtual'noj identichnosti: sovremennoe sostoyanie problem* (The Phenomenon of Virtual Identity: the Current State of the Problem). *The Education and Science Journal*, 5, 105–124. (In Russian)]. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124.
- Фомин А. Г., Чоботар В. И. Особенности ономастикона пользователей Интернет-пространства (на примере никнеймов социальной сети «Twitter») // Культура и текст. 2022. № 2 (49). С. 207–216. [Fomin, Andrei G., & Chobotar, Vladislav I.

- (2022) Osobennosti onomastikona pol'zovatelej Internet-prostranstva (na primere niknejmov social'noj seti «Twitter») (Features of the Onomasticon of Internet Users (Based on Nicknames of the Social Network “Twitter”). *Kul'tura i tekst* (Culture and Text), 2 (49), 207–216. (In Russian)]. DOI: 10.37386/2305-4077-2022-2-207-216.
- Чабаненко М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. [Chabanenko, Marina G. (2007) *Molodezhnyj diskurs kak realizaciya tipovoj i individual'noj yazykovoj lichnosti* (Youth Discourse as a Realization of a Typical and Individual Linguistic Personality). Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Kemerovo. (In Russian)].
- Щекотуров А. В. NET-дружба в структуре конструирования виртуальной идентичности подростков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. No 3 (1). С. 441–445. [Shchekoturov, Aleksandr V. (2013) NET-druzhba v strukture konstruirovaniya virtual'noj identichnosti podrostkov (NET-friendship in the Structure of Adolescents' Virtual Identity Construction). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3 (1), 441–445. (In Russian)].
- Doorn, van N. (2010) The Ties That Bind: the Networked Performance of Gender, Sexuality and Friendship on My Space. *New Media Society*, 12 (4), 583–602.
- Hardey, Michael. (2002) Life beyond the Screen: Embodiment and Identity through the Internet. *Sociological Review*, 50 (4), 570–585.
- Kendall, Lori. (2002) *Hanging out in the Virtual Pub: Masculinities and Relationships Online*. Berkeley: University of California Press.
- Koch, Sabine C., Mueller, Barbara, Kruse, Lenelis & Zumbach, Joerg. (2005) Constructing Gender in Chat Groups. *Sex Roles*, 53, 29–41.
- Lakoff, Robin. (1973) Language and Women's Place. *Language in Society*, 2, 45–80.
- Manago, Adriana M. (2013) Negotiating a Sexy Masculinity on Social Network Sites. *Feminism & Psychology*, 10, 1–20.
- Talamo, Alessandra, Ligorio, Beatrice Maria. (2001) Strategic Identities in Cyberspace. *Cyber Psychology & Behavior*, 1, 111.
- Turkle, S. (1994) Constructions and Reconstructions of Self in Virtual Reality: Playing in the MUDs. *Mind, Culture and Activity*, 1, 3, 158–167.
- Siibak, Andra. (2010) Constructing Masculinity on a Social Networking Site: The Case-study of Visual Self-presentations of Young Men on the Profile Images of SNS Rate. *Young*, 18 (4), 403–425.
- Suler, John. (2004) Do Boys (and Girls) Just Wanna Have Fun? In Kunkel, Adrienne. (ed.). *Gender communication*. Kendall Hunt Publishing, 149–152.

Источник языкового материала / Language material resource

Reddit. URL: <https://www.reddit.com/>.

УДК 81'255

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-107-123

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕВОДА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

(на материале книги Д. Карнеги «Как завоевывать друзей
и оказывать влияние на людей»)

Т. Г. Рабенко, А. Г. Фомин, Н. С. Якимова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Настоящее исследование выполнено на пересечении двух направлений современной лингвистики: функциональной стилистики и теории перевода. В центре исследования описание способов и средств передачи психологических терминов при переводе. Установлено, что выбор способов и средств перевода определяется особенностями стиля и языка научно-популярной литературы, направленных на привлечение широкой читательской аудитории, поэтому научно-популярный текст являет собой комбинацию диаметрально противоположных характеристик: строгая логика изложения материала сочетается с легким, эмоциональным представлением информации, которое достигается благодаря использованию разнообразных речевых приемов (побудительные предложения, риторические вопросы) и экспрессивных языковых средств. Стил изложения направлен на привлечение широкой читательской аудитории, что требует простоты изложения, предполагающей минимальное использование узкоспециальных терминов, которые, как правило, сопровождаются объяснением, а при переводе им находят эквиваленты в другом языке. В жанре популярной психологии используются преимущественно общенаучные термины, так как она в первую очередь адресована читателю, который не имеет специальных знаний в области психологии. Кроме того, выбор способа и средств перевода обусловлен и необходимостью сохранить прагматику оригинала.

Ключевые слова: буквальный перевод; описательный перевод; психологический термин; жанр поп-психологии.

Цитирование: Рабенко Т. Г., Фомин А. Г., Якимова Н. С. Способы и средства перевода психологических терминов (на материале книги Д. Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей») // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 107–123. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-107-123.

Methods and Techniques of Translating Psychological Terms (Based on D. Carnegie's *'How to Win Friends and Influence People'*)

Tatyana G. Rabenko, Andrey G. Fomin, Nataliya S. Yakimova
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

This study, carried out at the intersection of two areas of modern linguistics, functional stylistics and theory of translation, focuses on describing the methods and techniques of conveying

psychological terms in translation. It has been established that, in this case, the choice of methods and techniques of translation must be determined by the peculiarities of the style and language of popular science literature, aimed at attracting a wide readership. A popular science text is a combination of diametrically opposed characteristics: a strict logic of presenting the material is combined with a light-toned and emotionally engaging way of conveying information, created through the use of a variety of speech techniques (incentive sentences, rhetorical questions) and expressive language means. The general style, aimed at attracting a wide readership, requires simplicity of presentation and minimal use of highly specialized terms, which, as a rule, are accompanied by explanations and in translation are typically conveyed by equivalents in the target language. In the genre of popular psychology, mainly general scientific terms are used, since such texts primarily cater to readers without special knowledge of psychology. Thus the choice of methods and means of translation in such cases is also dictated by the need to preserve the pragmatics of the original.

Key words: literal translation; descriptive translation; psychological term; genre of pop-psychology.

Citation: Rabenko, Tatyana G., Fomin, Andrey G., Yakimova, Nataliya S. (2022) Methods and Techniques of Translating Psychological Terms (Based on D. Carnegie's *'How to Win Friends and Influence People'*). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 107–123. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-107-123.

1. Введение

Активная глобализация, возникновение новых каналов коммуникации и общедоступность информации привели к многократному увеличению информационного потока. Ряд ранее труднодоступных источников научных знаний о мире теперь стали открыты всем желающим. Среди работ, вызывающих особый читательский интерес, книги известных зарубежных авторов в области поп-психологии (Д. Карнеги, Р. Кийосаки, Н. Хилла и т. д.), неоднократно переведенные на русский язык.

Однако в силу специфики психологической терминологии тексты на языке перевода могут значительно отличаться друг от друга с лингвистической точки зрения. Главным образом это связано с тем, что тексты научно-популярной психологии характеризуются наличием терминов, принадлежащих к разным терминосистемам. Как следствие, возникает проблема множественного соответствия: один и тот же термин, употребляемый в тексте, может быть переведен по-разному из-за терминологической омонимии в английском языке и наличия ряда эквивалентов в русском языке.

Цель настоящего исследования сводится к установлению способов и средств передачи психологических терминов при переводе произведений научно-популярной психологии.

Данная цель обусловила постановку следующих задач:

1) с опорой на имеющиеся исследования по тематике работы определить особенности жанра «популярная психология»;

- 2) рассмотреть прагмалингвистические особенности перевода текстов научно-популярной психологии;
- 3) определить критерии отбора психологических терминов;
- 4) с учетом существующих лингвистических исследований определить языковые средства, позволяющие адекватно перевести психологические термины.

Гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: для сохранения прагматики оригинала термины чаще переводятся на русский язык описательно, с использованием общеупотребительной лексики, обладающей коннотативным значением.

Настоящее исследование выполнено на пересечении ряда направлений современной науки о языке. Оно вписывается в контекст функциональной стилистики в той его части, которая направлена на выявление языковых особенностей научно-популярной литературы, установление средства популяризации знаний, используемых авторами таких текстов (Богословская 2001; Дорцуева 2012 и др.). Ученые доказали стилистически интегрированную природу научно-популярного текста. «Относясь к научному стилю, текст содержит научную информацию, а поэтому некоторые элементы собственно научной речи присутствуют и в научно-популярном произведении. Сюда относятся общенаучная лексика и термины. Однако, рассказывая о научном исследовании, автор такого научно-популярного текста, чаще всего, показывает его результат, при этом преднамеренно опускается основная часть логических доказательств и аргументации, поскольку он старается сделать текст и доступным, и увлекательным» (Хомутова, Петров 2013: 39). Научно-популярный текст являет собой комбинацию «полярных стилевых черт: логичности и эмоциональности, объективности и субъективности, абстрактности и конкретности. В отличие от научной прозы в научно-популярной литературе значительно меньше специальных терминов и других собственно научных средств» (Алексеева 2004).

Предпринимаемое исследование разворачивается в лоне переводоведения, включаясь в контекст сложнейшей теоретико-методологической проблемы эквивалентности перевода терминологической лексики (Лемайкина, Свяжина 2012; Хайбулина 2012; Скурихина, Порческу 2016). Л. М. Лемайкина и О. А. Свяжина в статье «Некоторые сложности перевода английских текстов по психологии» отмечают ряд трудностей, которые возникают при работе переводчика над научными текстами. Одна из таких — разграничение терминов и нетерминов. Границы между данными разрядами лексики размыты. Осложняют процесс подбора эквивалентного слова при переводе терминов и так называемые «авторские термины». При использовании в работе «авторских терминов» может теряться некий се-

мантический оттенок или истинное значение, изначально вкладываемое в слово. Случается, что переводчик и сам не всегда может понять смысл придуманного им термина (Лемайкина, Свяжина 2012).

Современная теория перевода обосновывает несколько способов перевода терминологии в различных предметных областях, включая психологию (Попова, Семенова 2016; Скурихина, Порческу 2016; Балыгина, Ермолова 2018). Выработаны несколько способов перевода терминов: транскрипция и транслитерация, дословный перевод (калькирование), поиск семантического эквивалента или функционального аналога, экспликация, комбинация нескольких приемов перевода, полное копирование англоязычного словосочетания (Швейцер 1988; Миньяр-Белоручев 1996). Под средствами перевода в данной работе понимается то, при помощи чего на языке перевода передается информация, содержащаяся в оригинале. Прежде всего это лексические единицы литературного языка и термины.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала исследования выступают контексты, в которых употребляются психологические термины, отобранные методом сплошной выборки из книги Д. Карнеги *How to Win Friends and Influence People* («Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей») и ее двух переводов (переводчики Л. А. Кузьмина и А. А. Поздняков). В ходе исследования отобрано 150 психологических терминов, их соответствия сопоставлены с эквивалентами, выбранными переводчиками. Для точной передачи смысла терминов в языке оригинала и языке перевода авторы работы приводят исследуемые термины в контексте.

В ходе исследования используются методы — общенаучные (метод научного описания) и собственно лингвистические (метод компонентного анализа, дефиниционный анализ, сопоставительный метод). Алгоритм исследования складывается из ряда действий. На первом этапе отбираются фрагменты текста, содержащие психологические термины, и определяются соответствия терминов в переводных текстах. На втором этапе производится дефиниционный анализ словарных статей, посвященных отобранным терминам, с целью дальнейшего выявления наиболее адекватного варианта перевода. На третьем этапе сопоставляются варианты перевода. В завершение исследования подводятся итоги относительно того, какие способы и средства перевода наиболее часто используются при переводе текстов научно-популярной психологии.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В последние десятилетия в России жанр поп-психологии становится особенно популярным. Появляется большое количество переводной литературы. Некоторые из книг переведены неоднократно — разными переводчиками, что свидетельствует о востребованности рассматриваемого жанра. Одним из таких примеров является книга Д. Карнеги *How to Win Friends and Influence People*, впервые опубликованная в конце 1936 г. и вошедшая в рейтинг самых продаваемых, число проданных копий превысило 30 млн экземпляров. Произведение претерпело несколько переводов и потому является интересным для исследователя материалом, на основании которого возможно проанализировать, какие способы и средства используются при переводе терминов, употребляемых в текстах научно-популярной психологии.

Обозначим способы перевода психологических терминов, которые обнаруживаются в исследуемом материале. В скобках указано количество терминов, переведенных с использованием конкретного способа.

3.1. Буквальный перевод (транскрипция, транслитерация и калькирование, всего 11 терминов). Таким способом переводятся, как правило, интернациональные термины. «Данные термины имеют особое значение для научного общения специалистов разных стран в любой области социальной деятельности, поскольку они являются общепризнанными формами выражения понятий» (Таранова, Ермакова, Таранов 2016: 55). Наиболее ярким примером использования транслитерации является перевод термина *enthusiasm*:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
« <i>I consider my ability to arouse enthusiasm among my people</i> », said Schwab « <i>the greatest asset...</i> »	Я считаю самым ценным своим качеством умение пробуждать у людей энтузиазм , — сказал Шваб.	«Умение пробуждать энтузиазм , — сказал Шваб, — я считаю самым ценным своим качеством».

Обращение к словарной дефиниции подтверждает, что *enthusiasm* является психологическим термином: *Enthusiasm, n. a feeling of excitement or passion for an activity, cause, or object* (APA).

Использование корней греко-латинского происхождения привело к значительному количеству межъязыковых лексем в научно-технической терминологии. В новых терминологиях интернационализмы образуются за счет заимствований, главным образом из английского языка. Как показывает этимологический анализ данных терминов, даже если в русскую тер-

миносистему психологии они пришли из английского языка, термины все равно восходят к латинским корням, например: *Stress* (n.) с. 1300, 'hardship, adversity, force, pressure,' in part a shortening of Middle English *distress* (n.); in part from Old French *estrece* 'narrowness, oppression,' from Vulgar Latin **strictia*, from Latin *strictus* 'tight, compressed, drawn together,' past participle of *stringere* 'draw tight' (ED).

Значительное количество терминов заимствуется из других терминосистем в результате процесса транстерминологизации (*symptom*, *trauma*, *instinct* и др.), они имеют аналогичные соответствия в русском языке.

Наличие интернациональной лексики существенно облегчает процесс перевода, поскольку объем лексического значения таких терминов практически всегда совпадает в английской и русской терминосистемах психологии. Но даже при наличии в русском языке термина, имеющего внешнюю форму, практически идентичную английскому термину, он может при переводе заменяться общеупотребительным словом. Например, в следующих фрагментах термин *ecstasy* переводится как *восторженно* и *восторженным*:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
...he was off like a shot, racing breathlessly up the hill to greet me with leaps of joy and barks of sheer ecstasy .	...он стремительно вскакивал и, задыхаясь, мчался навстречу, прыгая от радости и восторженно лая.	...он срывался с места и стрелой летел вверх по холму, чтобы приветствовать меня радостными прыжками и восторженным лаем.

В словаре психологических терминов находим следующую дефиницию: *Ecstasy*, n. a feeling of intense pleasure and elation, including that experienced in some mystical states, during orgasm, with aesthetic reveries, and in drug-induced states (APA).

В процессе анализа установлено следующее: если в русском языке такой термин семантически и лексически не сочетается с окружающими его словами, то переводчики могут полностью опускать данный термин в тексте перевода.

3.2. Прием калькирования (всего 20 терминов). По утверждению Я. И. Рецкера, «перевод-калька обычно применяется при передаче значения сложных слов и терминов словосочетаний» (Рецкер 1982: 32). Данное наблюдение находит подтверждение в настоящем исследовании. Напри-

мер, при помощи калькирования переводятся термины *mental disease*, *self-improvement* и др.:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>There are more patients suffering from mental diseases in the United States than from all other diseases combined.</i>	<i>В Соединенных Штатах количество пациентов, страдающих психическими заболеваниями, превышает число всех других больных, вместе взятых.</i>	<i>В больницах Соединенных Штатов число пациентов, страдающих психическими заболеваниями, превышает общее число всех других больных.</i>
<i>She and a group of other women in her church were involved in a self-improvement program.</i>	<i>Она и еще несколько женщин из их церкви участвовали в программе по самоусовершенствованию.</i>	<i>Вместе с несколькими другими женщинами, посещавшими одну церковь, она стала заниматься в кружке по самосовершенствованию.</i>

Рассмотренные примеры демонстрируют, что калькироваться может как морфологическая структура слова (*self-improvement*), так и термин, являющийся по своей структуре словосочетанием (*mental disease*). Оба термина относятся к терминосистеме психологии: см. *Mental disease — an obsolete name for a mental disorder*» (APA).

При переводе термина *sexual gratification* оба переводчика используют кальку, взяв прямые лексические соответствиями в языке перевода:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>She wanted love, sexual gratification, children and social prestige, but life blasted all her hopes.</i>	<i>Она хотела любви, сексуального удовлетворения, детей и социального престижа, но жизнь разрушила все ее надежды.</i>	<i>Она хотела любви, сексуальной удовлетворенности, детей и престижа в обществе, но жизнь обманула ее ожидания.</i>

Анализ фрагментов текстов на языке оригинала и языке перевода показывает, что при наличии у термина устоявшегося перевода-кальки переводчики чаще выбирают именно его:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>...you will find that most of them violate this important canon of common sense.</i>	<i>...в большинстве из них вы не обнаружите даже намек на этот важный закон здорового смысла.</i>	<i>...большинство из них нарушают этот непреложный закон, диктуемый здравым смыслом.</i>

Обнаружены случаи перевода устоявшегося термина-кальки при помощи свободных словосочетаний, например: *common sense* — *разумный приём, здравый подход*.

3.3. Функциональный перевод (всего 109 терминов). Основная доля терминов в английском тексте имеет частичные либо абсолютные эквиваленты в русском языке, к примеру: *personality* — *личность*, *anxiety* — *тревога*, *affection* — *привязанность*. Тем не менее даже при наличии устоявшегося эквивалента переводчик может выбрать синонимичное ему слово общеупотребительного языка либо термин из смежной области знания, поскольку для общих психологических терминов характерны множественные соответствия (как в общеупотребительном языке, так и в смежных терминосистемах).

В следующем примере, несмотря на то что термины *affection* и *motives* имеют устоявшиеся соответствия в русской терминосистеме психологии («привязанность» и «мотивы»), переводчики также не всегда использовали термины. Например, А. А. Поздняков использовал вместо терминов синонимичные слова общеупотребительного языка. Следует отметить, что если слово «привязанность» в зависимости от контекста может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию, слово «расположение» имеет только положительное коннотативное значение, что помогает избежать двойственной интерпретации смысла:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>And you know that behind this show of affection on his part, there are no ulterior motives: he doesn't want to sell you any real estate...</i>	<i>И вы знаете, что за этими проявлениями привязанности нет никаких скрытых мотивов: он не хочет вам ничего продать...</i>	<i>И вы отлично знаете, что за всем этим внешним проявлением его расположения нет никаких скрытых причин: он не собирается продавать вам дом...</i>

Affection, *n. fondness, tenderness, and liking, especially when nonsexual* (APA): данная дефиниция демонстрирует, что в английском языке термин *affection* не имеет отрицательной коннотации.

Motive, *n. 1. a specific physiological or psychological state of arousal that directs an organism's energies toward a goal. 2. a reason offered as an explanation for or cause of an individual's behavior* (APA): во втором случае переводчик заменяет психологический термин «мотив» на общеупотребительное слово *причина*, чтобы снизить терминологическую загруженность текста и облегчить его понимание.

3.4. Описательный перевод психологических терминов (всего 10 терминов). Описательный перевод применяется преимущественно для передачи терминов, которые, скорее всего, не знакомы читателю (*mental self-directed conversation — разговор с собой в мыслях, supportive relationships — отношения с поддерживающими друг друга партнерами*). Так, в следующем примере при переводе термина *loyalty* Л. А. Кузьмина использует устоявшуюся кальку *лояльность*, в то время как А. А. Поздняков применяет описательный оборот:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>Showing a genuine interest in others not only wins friends for you, but may develop in its customers a loyalty to your company.</i>	<i>Демонстрация искреннего интереса к другим людям не только позволит увеличить круг ваших личных друзей, но и разовьет в клиентах лояльность к вашей компании.</i>	<i>Проявление искреннего интереса к другим не только позволяет вам приобретать друзей, но и может развить у ваших партнеров приверженность к сотрудничеству с вашей компанией.</i>

Рассмотрим словарную дефиницию: *Loyalty, n. faithfulness and allegiance to individuals or social groups* (APA). Замена термина описательным оборотом, вероятно, помогает переводчику сделать текст более понятным для массовой аудитории.

Аналогичным образом переведен термин *self-esteem*: *Self-esteem, n. the degree to which the qualities and characteristics contained in one's self-concept are perceived to be positive* (APA). В данном примере термин *self-esteem* в обоих вариантах переводится описательно: *чувство собственного достоинства и своего собственного самоуважения*:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>There is nothing I need so much as nourishment for my self-esteem.</i>	<i>Больше всего я нуждаюсь в поддержке чувства собственного достоинства.</i>	<i>Более всего я нуждаюсь в пище для поддержки своего собственного самоуважения.</i>

3.5. Переводческие трансформации. Переводчики используют трансформации на всех языковых уровнях. Например, в следующем отрывке психологический термин *invalid* переводится при помощи функционального аналога *больная*, заимствованного из медицинской терминосистемы путем транстерминологизации:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>For some weeks, the invalid languished; then she got up, put on her clothing, and resumed living again.</i>	<i>Несколько недель больная томилась, а потом поднялась с постели, оделась и вернулась к нормальной жизни.</i>	<i>В течение нескольких недель больная голодала, затем встала, оделась и зажила нормально.</i>

Словарная дефиниция: *Invalid*, 1. *n. a person with a chronic illness or disability who is confined to the home or another environment* (APA). В русском языке данный термин может быть переведен при помощи транслитерации — «инвалид». Данные термины являются эквивалентами, поскольку дефиниция термина *invalid* свидетельствует о том, что имеется в виду человек, который ввиду своей болезни не может свободно передвигаться и вынужден оставаться дома. Однако оба переводчика предпочитают генерализацию термина и привлекают термин *больная*, который может использоваться по отношению ко всем пациентам, страдающим от каких-либо заболеваний, а не только для номинации тех, кто ограничен в передвижении. Кроме того, термин «инвалид» в современных условиях воспринимается как дисфемизм.

В следующем фрагменте Д. Карнеги использует психологический термин *thinking*: *Thinking*, *n. cognitive behavior in which ideas, images, mental representations, or other hypothetical elements of thought are experienced or manipulated. In this sense, thinking includes imagining, remembering, problem solving, daydreaming, free association, concept formation, and many other processes* (APA).

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>Let's cease thinking of our accomplishments, our wants. Let's try to figure out the other person's good points.</i>	<i>Давайте перестанем размышлять о собственных достижениях и желаниях и постараемся оценить положительные стороны других людей. Забудьте о лести...</i>	Фрагмент опущен

Особенностью передачи термина *thinking* в переводе Л. А. Кузьминой является его транспозиция. Субстантивный термин оригинального текста в языке перевода заменяется глаголом. Вместо тяжело воспринимаемой конструкции «прекратим размышление» переводчик использует упрощенный вариант, который не препятствует восприятию информации. В переводе А. А. Позднякова данный фрагмент текста (2 абзаца) отсутствует. В целом для перевода А. А. Позднякова характерно опущение некоторых примеров, которые Д. Карнеги в изобилии использует в своей книге. Об этом свидетельствует и следующий пример:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>Now he does an excellent job and other people give him appreciation and recognition. Honest appreciation got results where criticism and ridicule failed.</i>	<i>Сейчас он справляется блестяще, и все, кто работает рядом, благодарны ему. Искренняя признательность дала результат там, где не помогли критика и насмешки.</i>	Фрагмент опущен (пропущено 2 абзаца оригинала с примером).

В данном случае Д. Карнеги использует термин *recognition* и слово *appreciation*. Рассмотрим дефиницию по словарю психологических терминов: *Recognition, n. 1. a sense of awareness and familiarity experienced when one encounters people, events, or objects that have been encountered before or when one comes upon material that has been learned in the past. 2. the acknowledgment of an achievement by bestowing awards or words of praise (APA).* В тексте оригинала *recognition* и *appreciation* выступают как синонимы, усиливающие эмоциональное воздействие на читателя.

Чтобы не загромождать текст однородными членами, которые не увеличивают выразительность русскоязычного текста, Л. А. Кузьмина в первом случае использует транспозицию частей речи (переход имени су-

ществительного в разряд имен прилагательных), а во втором переводческую трансформацию — добавление (для усиления коннотативного значения добавлено слово *искренняя*). Дефиниция слова «искренний» подтверждает данную мысль: см. «Искренний — выражающий подлинные мысли и чувства; правдивый, откровенный» (Кузнецов 2000: 399). А. А. Поздняков при переводе опускает данный фрагмент.

В следующем примере термин *associates* подвергается генерализации, так как объем его значения входит в объем значения термина *human beings*, поэтому термин переводится при помощи общеупотребительного слова:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>In our interpersonal relations we should never forget that all our associates are human beings and hunger for appreciation. It is the legal tender that all souls enjoy.</i>	<i>В межличностном общении мы никогда не должны забывать, что рядом с нами люди, ждущие признания. Это законная порция тепла, которого жаждет каждая душа.</i>	<i>В межличностных отношениях вы никогда не должны забывать, что общаетесь с людьми, остро нуждающимися в том, чтобы их оценили по достоинству. Оценка по достоинству — это законное платежное средство, применяемое в общении, и расплачиваться им необходимо со всеми.</i>

Associate, 1. n. something that accompanies or is categorized with something else. 2. n. a friend, partner, colleague, or accomplice (APA).

При анализе данного примера следует обратить внимание и на перевод термина *interpersonal relations*. При его переводе также подтверждается мысль о множественности эквивалентов. Обозначенный термин переводится как *межличностном общении* и *межличностных отношениях*.

Одним из ключевых слов, повторяющихся на протяжении всей книги-оригинала, является слово *appreciation*. Установлено, что даже в рамках одного текста перевода переводчики переводят его по-разному. В предыдущем примере *appreciation* — это *признание* и *оценить по достоинству*. В следующем примере данное слово переводится *благожелательная оценка*, *умение ценить* и *похвала*:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>Sincere appreciation was one of the secrets of the first John D. Rockefeller's success in handling men.</i>	<i>Одним из секретов успеха Рокфеллера в управлении людьми была его искренняя благодаря оценка их деятельности.</i>	<i>Умение искренне и высоко ценить людей было одним из секретов успеха Джона Д. Рокфеллера в обращении с людьми.</i>
<i>Knowing the value of appreciation and confidence, he made women feel beautiful by the sheer power of his gallantry and consideration.</i>	<i>Зная всю важность похвалы и доверия, Зигфельд своим галантным, предупредительным обращением заставлял женщин чувствовать себя красавицами.</i>	<i>Зная всю силу похвалы и уверенности, Зигфельд был столь галантен и обходителен с женщинами, что одним этим он достигал того, что они чувствовали себя настоящими красавицами.</i>

Второй фрагмент демонстрирует, что переводчики, как правило, не применяют отдельные трансформации. Обычно используются комплексные преобразования на всех уровнях (лексическом, грамматическом, синтаксическом). Например, преобразование обстоятельства образа действия (*by the sheer power of his gallantry and consideration*) в составное именное сказуемое (*был столь галантен и обходителен с женщинами*), замена местоимения именем собственным (*he* — Зигфельд), замена части речи (*beautiful* — красавицы) и т. д.

О вариативности в рамках перевода психологических терминов говорит наличие у одного и того же термина нескольких синонимов, взятых из общеупотребительного языка. Например, однокоренные термины *insane* и *insanity* переводятся как *сойти с ума*, *безумные грезы*, *помешательство*, *умопомешательство*:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>Some authorities declare that people may actually go insane in order to find, in the dreamland of insanity, the feeling of importance that has been denied them in the harsh world of reality.</i>	<i>По утверждению некоторых авторитетных специалистов, люди иногда действительно сходят с ума, пытаясь в мире безумных грез обрести сознание значительности, которого были</i>	<i>Некоторые авторитетные специалисты утверждают, что люди действительно могут сойти с ума для того, чтобы в сказочном мире безумных грез обрести это самое чувство значимо-</i>

<i>What is the cause of insanity?</i>	<i>лишены в суровом реальном мире. Каковы причины помешательства?</i>	<i>сти, которое оказалось недостижимым в жестоком реальном мире. Какова же причина умопомешательства?</i>
---------------------------------------	---	---

В русском языке слова «безумный», «помешательство» и «умопомешательство» имеют выраженную отрицательную коннотацию. Таким образом, даже в рамках одного контекста один и тот же термин может переводиться в жанре поп-психологии по-разному. При переводе зачастую используются слова общеупотребительного языка, имеющие коннотативное значение.

Возможности комплексной переводческой трансформации можно проследить и в следующем примере, где термин *talented* переведен как *уникальные способности* и *редкий по своей остроте*:

Д. Карнеги	Л. А. Кузьмина	А. А. Поздняков
<i>Nature had given Stevie a remarkable pair of ears to compensate for his blind eyes. But this was really the first time Stevie had been shown appreciation for those talented ears.</i>	<i>Как компенсацию за слепоту природа дала ему удивительно тонкий слух, но впервые в жизни Стива кто-то оценил его уникальные способности.</i>	<i>У него же был редкий по своей остроте слух, компенсировавший его слабое зрение. Тогда впервые по достоинству был оценен необычайно тонкий слух Стиви Морриса.</i>

Talented — describing children who display a level of intelligence significantly above average, special abilities (APA).

Ни в одном из рассмотренных переводов данный термин не переводится как «талантливый», так как в русском языке этот термин не сочетается со словом «уши». Поэтому оба переводчика используют описательный перевод. Кроме того, психологический термин *blind* переводится как *слепота* и *слабое зрение*. Если в первом случае используется функциональное соответствие, то во втором — конкретизация. Слепой ученик не мог учиться в обычном классе, поэтому переводчик при помощи логического развития заменил термин, означающий полное отсутствие зрения, на словосочетание, обозначающее частичное наличие признака (*слабое*). Как показывает дефиниция термина *blind*, наличие зрения полностью отрицается: *Blind, adj. 1. denoting a lack of sight* (APA).

Более того, оба переводчика используют преобразования на синтаксическом уровне: Л. А. Кузьмина объединяет два простых предложения в сложносочиненное, а А. А. Поздняков производит замену главных членов предложения (*nature had given* — *был слух*).

Таким образом, для максимально точной передачи прагматики перевода переводчики используют не отдельные переводческие трансформации, а целый ряд приемов, которые обуславливают использование друг друга.

4. Выводы

В результате исследования установлено, что в жанре научно-популярной психологии используется минимальное количество терминов, преимущественно общенаучные термины, значения которых хорошо известны читателю. При переводе термины чаще заменяются общеупотребительными словами, имеющими коннотативное значение.

С целью передачи узкоспециальных терминов, редко встречающихся в тексте, используется описательный перевод.

С учетом наличия у психологических терминов множества соответствий как в терминосистеме психологии, так и в общеупотребительном языке, возникновения на этой основе обширных синонимических рядов появляется возможность выбора наиболее подходящей единицы. Установлено, что в текстах на языке перевода термины встречаются реже, чем в тексте оригинала, поскольку переводчики преобразуют большую часть терминов в нетерминологические сочетания либо заменяют их общеупотребительными словами.

Список литературы / References

- Алекеева И. С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004. [Alekeeva, Irina S. (2004). *Vvedenie v perevodovedenie* (Introduction to Translation Studies). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Балыгина Е. А., Ермолова Т. В. Проблема перевода английских психологических терминов на русский язык // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 1. С. 85–94. [Balygina, Elena A., & Ermolova, Tatiana. V. (2018) Problema perevoda angliiskikh psikhologicheskikh terminov na russkii yazyk (The Issue of Translating English Psychological Terms into Russian). *Journal of Modern Foreign Psychology*, Vol. 7, 1, 85–94. (In Russian)]. DOI:10.17759/jmfp.2018070110.
- Богословская И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001. [Bogoslovskaya, Inna V. (2001) *Nauchno-populyarnyi tekst: slozhnost' ponimaniya* (Popular Science Text: the Difficulties of Understanding): PhD Thesis in Philology. Moscow. (In Russian)].
- Дорцужева Н. И. Лингвостилистические особенности научно-популярных медицинских текстов: Дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2012. [Dortsueva, Natalia I. (2012)

- Lingvostilisticheskie osobennosti nauchno-populyarnykh meditsinskikh tekstov* (Linguistic Features of Popular Science Medical Texts): PhD Thesis in Philology. Bishkek. (In Russian)].
- Лемайкина Л. М., Свяжина О. А. Некоторые сложности перевода английских текстов по психологии // Язык. Культура. Общество. 2012. № 4. С. 12–15. [Lemaikina, Lyudmila M., & Svyazhina, Olga A. (2012) Nekotorye slozhnosti perevoda angliiskikh tekstov po psikhologii (Certain Difficulties in Translating English Psychological Texts). *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo*, 4, 12–15. (In Russian)].
- Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. [Min'yar-Beloruchev, Ryurik K. (1996) *Teoriya i metody perevoda* (Theory and Methods of Translation). Moscow: Moskovskii Litsei. (In Russian)].
- Попова Е. Е., Семенова М. Ю. Безэквивалентные термины и их передача при переводе специальных текстов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. С. 36–45. [Popova, Elizaveta E., & Semenova, Marina Yu. (2016) Bez-ekvivalentnye terminy i ikh peredacha pri perevode spetsial'nykh tekstov (Non-equivalent Terminology and Its Interpretation in Specialized Translation). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2, 36–45. (In Russian)].
- Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. М.: Просвещение, 1982. [Retsker, Yakov I. (1982) *Posobie po perevodu s angliiskogo yazyka na russkii yazyk* (Book on Translation from English into Russian). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Скурихина О. В., Порческу Г. В. Английская психологическая терминология и способы ее перевода // Достижения вузовской науки. 2016. № 23. С. 173–177. [Skurikhina, Olga V., & Porchesku, Galina V. (2016). Angliiskaya psikhologicheskaya terminologiya i sposoby ee perevoda (English Psychological Terminology and the Methods of Its Translation). *Dostizheniya vuzovskoi nauki* (Achievements of Modern Science), 23, 173–177. (In Russian)].
- Таранова Е. Н., Ермакова Л. Р., Таранов А. О. Интернациональные термины как объект лингвистического исследования (на материале терминов ландшафтоведения в русском и немецком языках) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 21 (242). С. 54–63. [Taranova, Elena N., Ermakova, Larissa R., & Taranov, Aleksey O. (2016). Internatsional'nye terminy kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale terminov landshaftovedeniya v russkom i nemetskom yazykakh) (International Terms as an Object of Linguistic Research (the Example of Landscape Terms in Russian and German Languages)). *Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities*, 21 (242), 54–63. (In Russian)].
- Хайбулина Г. Н. Структурно-семантические особенности психологической терминологии в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. [Khailulina, Gaysha N. (2012). *Strukturno-semanticheskie osobennosti psikhologicheskoi terminologii v sovremennom russkom yazyke* (Structural and Semantic Features of Psychological Terminology in Modern Russian Language). PhD Thesis in Philology. Ufa. (In Russian)].
- Хомутова Т. Н., Петров С. Г. Научно-популярный текст: интегральная модель // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. № 2. С. 37–41. [Khomutova, Tamara N., & Petrov, Sergey G. (2013). Nauchno-populyarnyi tekst: integral'naya model'

(Popular Science Text: Integral Model). *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, Vol. 10, 2, 37–41. (In Russian)].

Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shveitser, Aleksandr D. (1998) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* (Theory of Translation: Status, Problems, and Issues). Moscow: Nauka. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норинт, 2000. [Kuznetsov, Sergey A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (A Big Explanatory Dictionary of Russian). Saint Petersburg: Norint. (In Russian)].

APA — *Dictionary of Psychology* (2022, October 15). Retrieved from <https://dictionary.apa.org/>.

ED — *Etymological Dictionary* (2022, October 15). Retrieved from <https://www.etymonline.com/>.

Источники языкового материала / Language material resources

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Перевод с англ. А. А. Позднякова. М.: Евро-пресс, 2004. [Carnegie, Dale. (2004). *Kak zavoeyvat' družey i okazyvat' vliyanie na lyudey* (How to Win Friends and Influence People) / Pozdnaykov, A. A. (trans.). Moscow: Evro-press. (In Russian)].

Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Перевод с англ. Л. А. Кузьминой. Минск: Попурри, 2020. [Carnegie, Dale. (2020) *Kak zavoeyvat' družey i okazyvat' vliyanie na lyudey* (How to Win Friends and Influence People) / Kuzmina, L.A. (trans.). Minsk: Popurri. (In Russian)].

Carnegie, Dale. (2009) *How to Win Friends and Influence People*. L.: Ebury Publishing.

УДК 81'246: 811'11

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-124-136

TRANSLANGUAGING IN CONTEMPORARY GERMAN-LANGUAGE LITERARY DISCOURSE

Tatyana P. Smirnova, Anna V. Zhiganova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

The article analyzes the current ways of representing multilingualism in contemporary German-language literary discourse, which determine the innovative specifics of a new literary genre: transcultural German-language literature (die transkulturelle deutschsprachige Literatur (K. Esselborn)). The study is based on the ideas and hypotheses of Western researchers about translanguaging and hybridity of cultures: I. Amodeo, H. Bhabha, B. Baumann, M. Bürger-Koftis, S. Vlasta, D. Skiba, S. Hall, and H. Schweiger. The paradigm “performative culture as translation” (H. Bhabha, S. Hall) is in the center of attention of post-colonial studies, which focus especially on exophonic writers, actors of the transcultural field. The philosophical principles of M. Bakhtin on the dialogic nature of cultures are of fundamental importance for the study, as well as the heuristically significant discoveries of his scientific prose on multilingualism and its main characteristics (theoretical works of the 1930–1940s) which constitute the basis for this work. The study employs a general scientific method of analyzing printed and electronic literary and theoretical sources, and methods of comparison, classifying and systematizing information. The empirical analysis is based on the material of contemporary literary works of exophone writers of different ethnicity (Wl. Kaminer, Y. Tawada, R. Schami, and E. S. Ezdamar). It makes it possible to determine the specificity of individual authors’ strategies in the use of multilingual / bilingual language compositions and their unusual configurations that are significant for the formation of the original artistic style of writers and the imagologically productive dialogue of various linguistic and cultural traditions. The findings demonstrate that the most frequent ways of implementing translanguaging in the literary works of migrant writers are: pair language formats with parallel translation of foreign-language components into German directly in the text, integration of foreign-language quotations in the authentic spelling without translation, and use of meta-artifact compounds Denglish and Denglish, which do not require explanations to the reader in the context of globalization. The results highlight the stylistic significance of the multistage interaction of languages and cultures that ensure dialogue and the communication potential of German translingual literature.

Key words: translanguaging; multilingualism; language hybridity; German-language literary discourse; transcultural German-language literature; German exophonic writers.

Citation: Smirnova, Tatyana P., Zhiganova, Anna V. (2022) Translanguaging in Contemporary German-language Literary Discourse. *LUNN Bulletin*, 4 (60), 124–136. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-124-136.

Транслингвальность в современном немецкоязычном художественном дискурсе

Т. П. Смирнова, А. В. Жиганова

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье анализируются актуальные способы репрезентации многоязычия в современном немецкоязычном художественном дискурсе, определяющие инновативную специфику нового литературного жанра — транскультурной немецкоязычной литературы (*die transkulturelle deutschsprachige Literatur* (К. Эссельборн)). В основу исследования положены идеи и гипотезы о транслингвальности и гибридности культур западных исследователей: И. Амодео, Х. Баба, Б. Бауманн, М. Бюргер-Кофтис, С. Власта, Д. Скиба, С. Холл, Х. Швайгер. Акцентируется внимание на парадигме «перформативной культуры как перевода» (Х. Баба, С. Холл), актуальной для постколониальных исследований, фокусирующейся в том числе на писателях-экзофонах, акторах транскультурного поля. Принципиальное значение для изучения литературного многоязычия представляют философские идеи М. Бахтина о диалогичности культур и эвристически важные открытия его научной прозы, касающиеся многоязычия и его основных характеристик (теоретические работы 1930–1940-х годов), положенные в основу предлагаемой работы. Исследование выполнено с использованием общенаучного метода анализа письменных и электронных литературных и теоретических источников, а также методов сравнения, классификации и систематизации информации. Эмпирический анализ впервые проведен на материале литературных произведений писателей-экзофонов различной этнической принадлежности (Вл. Каминера, Й. Тавады, Р. Шами, Э. С. Эздамар) и позволяет определить специфику индивидуальных авторских стратегий в использовании многоязычных / двуязычных языковых композиций и их необычных конфигураций, значимых для формирования оригинального художественного стиля писателей и имагологически продуктивного диалога различных лингвокультурных традиций. Выявлены наиболее частотные способы реализации транслингвальности в литературных произведениях писателей-мигрантов: парные языковые форматы с параллельным переводом инокомпонентов на немецкий язык непосредственно в тексте; интеграция иноязычных цитат без перевода, в аутентичном написании; использование метаартефактных соединений *Denglish* и *Dinglish*, не требующих разъяснений читателям в условиях глобализации. Делается вывод о стилистической значимости многоступенчатого взаимодействия языков и культур, обеспечивающих диалогичность, «коммуницируемость» современного немецкоязычного художественного дискурса.

Ключевые слова: транслингвальность; многоязычие; языковая гибридность; немецкоязычный художественный дискурс; транскультурная немецкоязычная литература; немецкие писатели-экзофоны.

Цитирование: Смирнова Т. П., Жиганова А. В. Транслингвальность в современном немецкоязычном художественном дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 124–136. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-124-136.

1. Introduction

German-language literature of “guest workers,” which is now understood as “transcultural German-language literature” (Esselborn 1997), has acquired signs of

an independent literary genre in a relatively short period of time, starting from the 1990s (Smirnova 2022). It unites German writers of various ethnic backgrounds who create literary works in the German language that for most of them is not their mother tongue. At present, the literature of German-speaking migrants is regarded as a significant component of the modern global ethnoscape (Appadurai 1990) and is studied along with the postcolonial cultures and literatures of Great Britain, Canada, France, and the USA (Smirnova 2020: 255).

The literature of German exophonic writers is distinguished by innovative linguistic approaches that are in many respects not typical of the German literary canon (Hausbacher 2021: 304) and primarily associated with the use of elements of different languages and cultures in the literary narrative. In this case, it is possible to talk about not only linguistic, but also narrative and stylistic forms of German migrant writers' creativity (Isterheld 2017: 155). The creative approach to languages manifests itself in the original "models and forms of word production and word formation," the coinage of authors' occasionalisms, non-conventional and non-normative semantic compatibility, word play, the use of phraseology, metaphors, as well as precedent names and phenomena reflecting "the ideas of interaction between culture and languages" (Boldyrev 2021: 10–11).

It is no coincidence that German studies consider translingual German-language texts not only as an example of pluricentric language biographies of their authors describing their migration experience, but increasingly as a literary experiment, stylistically comparable to the historical avant-garde, visual poetry, and artistic recitation, generating their own special variants of literary multilingualism (Hausbacher 2021: 305–306).

Contemporary research empirically focuses on the possible forms of literary multilingualism and linguistic hybridity and the ways of integrating multilingual quotations in the works of German-speaking exophonic writers (Amodeo 1996; Baumann 2010; Skiba, 2010; Blum-Barth 2016; Smirnova, Zhiganova 2020; Hausbacher 2021).

The question of the theoretical literary analysis of the forms and functions of literary multilingualism remains largely open and relevant in modern Germanic studies (Blum-Barth 2016; Hausbacher 2021). Well-known Western classifications that take into account the ways of integrating foreign language segments into a German-language literary text (Skiba 2010) or consider different intensity of the use of latent and evident foreign-language quotations (Amodeo 1996) can be supplemented by further empirical studies of intercultural German literature providing reliable and interesting factual material.

This study empirically analyzes the ways of integrating literary multilingualism in the works of German exophonic writers of different ethnicity (E. S. Ezdamar, b. 1946; R. Schami, b. 1946; Y. Tawada, b. 1960; Wl. Kaminer,

b. 1967), as well as the most frequently used integrative techniques and the imagological perspective of literary multilingualism in the policultural dialogue.

2. Material and Methods

Western Germanic studies use a set of methods to analyze the algorithms for the functioning of multilingual segments in translingual German narratives. The latest publications analyze both the pragmatic choice of a literary language and the language of socialization of a migrant author, which often differs from their native language, as well as typical models of integration and representation of foreign language quotations in a German literary text. The analysis takes into account the theoretical principles of modern Western researchers of multiculturalism (Hall 1994; Amodeo 1996; Bhabha 2004; Baumann 2010; Bürger-Koftis, Schweiger, Vlasta 2010; Skiba 2010).

The paradigm of “performative culture as translation,” relevant for Western post-colonial studies, deserves special attention, replacing the idea of “culture as a text” (Hall 1994; Bhabha 2004). Scientists’ interests center around the figures crossing the border, including exophone writers. Migrant authors who have mastered at least two linguistic and cultural traditions and act as intercultural translators cannot be neutral in their creative activity. They are involved in a complex interweaving of cultural ties, have a specific stance in relation to them, and act as the actors of the transcultural field (Isterheld 2017: 85).

An important contribution to the research on translanguaging in German studies was made by M. Bakhtin’s heuristically meaningful discoveries in his scientific prose about multilingualism and its fundamental features (Bakhtin 1986: 256). Long before contemporary theorists of multiculturalism, M. Bakhtin substantiated the positive potential of “the dialogue of meaning of one’s own and alien cultures” and introduced into scientific circulation terms categorically related to multiculturalism such as “multilingualism” — a forerunner term defined by M. Bakhtin as “alien speech in a foreign language” (Bakhtin 1996: 534), “heteroglossia” (Ibid: 157), “hybrid constructions” (Ibid: 138), stylistic hybrids (Ibid: 157) integrated into modern research on translanguaging (Smirnova 2020: 257; Hausbacher 2021).

Dialogical relations constitute the central principle of M. Bakhtin’s philosophy and represent a synthesis of philosophical and linguistic models of communication (Zinchenko, Zusmann, Kirnoze, Ryabov 2010: 25). Describing the mechanism of interaction of cultures, Bakhtin points out the mutual significance of cross-cultural dialogue for the cultures in contact, “It is only in the eyes of another culture that foreign culture reveals itself fully and profoundly. One meaning reveals its depths when it meets and touches another meaning: a dia-

logue begins between them, which overcomes the isolation and one-sidedness of these meanings, these cultures” (Bakhtin 1986: 52).

The historical context of M. Bakhtin’s theoretical research allowed him, unlike modern theorists of multiculturalism, to state the integrity and indestructibility of the cultures in contact, their resistance to reduction and significant losses, and mixing or hybridization (Kirilina 2011: 18). These are the features that distinguish the linguistic and cultural conditions of the era of globalization / transnationalization. In this regard, M. Bakhtin’s thesis fundamentally distinguishes his concept from the theoretical views of contemporary linguists. He argues that in the dialogical meeting, cultures do not mix or merge, but each culture retains its unity and open integrity, and they are mutually enriched (Bakhtin 1996: 457).

Apparently, it is this feature that reflects the desire of exophone writers to use in their literary activity elements of their native and other languages and cultures that are significant for them.

Based on the scientific ideas of Western researchers about translanguaging in literature and on Bakhtin’s scientific ideas about the dialogue of cultures, the study aims to determine the specifics of the individual authors’ strategies of German writers of different ethnicity (E. S. Ezdamar, Wl. Kaminer, Y. Tawada, R. Schami). It explores the use of multilingual compositions and their varied configurations, meaningful for the formation of the original artistic language of writers and imaginatively productive dialogue of various linguistic and cultural traditions.

3. Results and Discussion

On the basis of the theoretical framework and existing classifications (Amodeo 1996; Skiba 2010), it is possible to distinguish various means of integrating foreign-language elements into German-language transcultural literature. They can be implemented through:

- explanations in the dictionary annotations attached to the books in German;
- translation into German directly in the text (parallel translation);
- authentic usage of inserted foreign-language elements without any additional explanation;
- explanations through the subsequent semantic context, “metalinguistic” explanations associated with the mental history of the authors and their characters (legends, customs, and traditions);
- the usage of “linguistic meta-artifact compounds” (Denglish / Dinglish).

It is important to point out that the above-mentioned ways of representing literary multilingualism are typical of exophonic writers of different ethnicity and demonstrate a general focus on a productive dialogue with the reader. Let’s take a look at some of these techniques.

A common way of integrating elements of a foreign culture into a literary work is associated with paired lexical doublings which are paralleled in the matrix language of the literary work (German) and another embedded language. The inserted component can be italicized in the text and given in Latin characters.

Thus, the title of the novel (the title page of the book) “*The Calligrapher’s Secret*” („*Das Geheimnis des Kalligraphen*“) by a famous German writer of Syrian origin R. Schami and all the subtitles of the subsequent chapters in the book are given in the bilingual German-Arabic parallel format (Schami 2008). The calligraphic Arabic text repeats the German chapter titles in the Arabic script and is hardly understandable to the potential German-speaking reader. However, it is perceived visually as a beautiful picture, which contributes to the understanding of calligraphic aesthetic canons and the artistic gift of its perfect master, Ibn Mucla (886–940), to whose memory the book is dedicated.

There are interesting examples of the subsequent dual representation of Arabic (in Latin transliteration in italics) and German lexical units in the text of the novel by R. Schami:

(1) „Über seinen Schultern lag das gefaltete, schwarzweiß gemusterte *Kufiya*, das arabische Männerkopftuch“ (“His shoulders were covered with folds of black and white patterned *Kufiya*, the Arabic men’s headscarf, popular in Arabic countries”) (Schami 2008: 20).

(2) „Man nannte solche Damaszener Männer *Kabadai*, ein türkisches Wort, das so viel bedeutet wie Raufbold“ (“Such Damascus men were called *Kabadai*, a Turkish word that means something like a bully”) (Schami 2008: 20).

‘*Kufija*’ (Example 1), the lexical unit from Arabic has been adopted by contemporary German and is registered in the Duden universal dictionary (Duden 2022). However, the author (R. Schami) considers it necessary to supplement the word with an explanation in German: Arabic men’s headscarf. The word ‘*Kabadai*’ is not registered in Duden and is hardly understandable to a potential German reader. That is why it is further explained by the author in German with the foreign-language insertion italicized. D. Skiba interprets such auto-translated notes as verbal paratextual elements that refer to the original text and do not violate its narrative character (Skiba 2010: 327). The author who uses double structures in the native and foreign languages is characterized as “a multilingual narrator,” telling the story in the dominant German language and using other languages translated for the reader.

Other authentically cited components are often associated with autobiographically significant, sacred concepts that have been preserved in the memory of the authors and require verbalization in the original language.

Similar examples of culturally specific parallel lexical juxtapositions can be found in the works of the German writer of Russian-Jewish descent Wladimir Kaminer.

In the chapter „*Der 7. Tiebeter*“ from Wl. Kaminer’s prose collection „*Meine russischen Nachbarn*“ (“*My Russian Neighbors*”), the characters find themselves in the restaurant „*der 7. Tiebeter*“ in the famous Kreuzberg district in Berlin, a “colorific” place of residence of Turkish migrants. The restaurant menu is not varied in originality and is represented by kinds of so-called ‘*Teigtaschen*’ (literal translation: ‘dough pockets’). The narrator compares them with Russian dumplings (the word is given in Latin transliteration: ‘*pelmenis*’), “which any grandma in Siberia makes” (Kaminer 2011: 13). To explain the meaning of the lexical units, Wl. Kaminer employs only the method of parallel juxtaposition, which is sufficient enough to create a vivid image for the reader.

(3) „Die Speisekarte des 7. Tibeters las sich wie eine Parodie auf die kulinarische Vielfalt. Man hatte mindestens drei Dutzend Gerichte im Angebot, doch das meiste lief auf dasselbe hinaus — auf *Teigtaschen*. Es gab gedünstete *Teigtaschen*, gebratene *Teigtaschen*, *Teigtaschen* mit Fleisch und Gemüsefüllung, gekocht, frittiert, scharf und weniger scharf, mit und ohne Salat. Dazu Rotwein. Oder zur Abwechslung Weißwein. Meine Frau konnte mit der tibetischen Küche nicht viel anfangen. ‚Das sind doch alles *Pelmenis*, wie sie jede Oma in Sibirien macht’, meinte sie rebellisch“. (“‘*Der 7. Tiebeter*’ menu read like a parody of culinary variety. It offered at least three dozen dishes, but most of them boiled down to the same thing – *Teigtaschen*. There were boiled *Teigtaschen*, fried *Teigtaschen*, *Teigtaschen* with meat and vegetable fillings, boiled, deep fried, spicy and less spicy, with and without salad. With red wine. Or white wine for a change. My wife could not do anything about Tibetan cuisine. ‘These are all *pelmenis*, like the ones that any grandma in Siberia makes,’ she said indignantly”) (Kaminer 2011: 12–13).

A more complex variant of multicomponent juxtaposition of linguacultural quotations is found in the literary works of the German writer of Japanese origin Y. Tawada.

In Tawada’s collection of poems and prose „*Wo Europa Anfängt*“ (“*Where Europe Begins*”), the main female character, while traveling by ship, is looking in an atlas and comparing Japan to the lost “child” of Siberia who is swimming lonely in the Pacific Ocean. The shape of the “baby” resembles a small seahorse, who has turned its back on its mother. A lexical three-fold structure is used for building the description: ‘*Seepferdchen*’ (German) versus — ‘*Tatsu-no-otoshigo*’ (Japanese), followed by the author’s commentary and translation into German:

(4) „In dem Weltatlas im Lesesaal des Schiffes sah ich Japan, dieses Kind Sibiriens, das seiner Mutter den Rücken kehrte und alleine im Pazifik schwamm. Sein Körper ähnelte dem eines Seepferdchens, das auf Japanisch ‘*Tatsu-no-otoshigo*’ — das verlorene Kind des Drachens — heißt“. (“In the world atlas in the reading room of the ship, I saw Japan, this child of Siberia who has turned its back on its mother and is swimming lonely in the Pacific Ocean. His body resembled a small seahorse which in Japanese is called ‘*Tatsu-no-otoshigo*’ — the lost child of a dragon”) (Tawada 1991: 71).

In the same collection of stories, Y. Tawada explains to the German reader the meaning of separate components of the word ‘Siberia’ and analyses the etymological history of its appearance, comparing the elements of German and Japanese (native for the writer) linguistic cultures. She compares the pairs of morphemes in the Tatar and German languages.

(5) „Sibirien, das schlafende Land’ (von tatarisch: *sib* = schlafen, *ir* = Erde), schlief aber nicht. Deshalb war es auch gar nicht nötig gewesen, dass der Prinz hierher kam und die Erde küsste, um sie zu erwecken“. (“Siberia, ‘the sleeping land’ (from Tatar: *sib* = sleep; *ir* = earth), was not sleeping, though. That’s why the prince didn’t have to come there and kiss the earth to awaken it”) (Tawada 1991: 74).

D. Skiba correlates “metalanguage insertions” with similar examples of a thorough explanation to the German-speaking reader of the etymological composition of foreign-language inserted phrases or individual words (Skilba 2010). Numerous elements of reality, including linguistic ones, are transformed by the artist’s fantasy into an integral artistic image (Zusmann 2010: 21). The author who explains the meaning of foreign-language insertions “plays the role of a mediator between languages and cultures” (Skiba 2010: 330) and carries out a significant cultural mission in a literary work, following the canons of the paradigm „Kultur als Übersetzung“ — “Culture as Translation” (Isterheld 2017: 85).

One of the common ways of integrating foreign-language components that are not understandable to a German reader is associated with the replacement of culturally specific lexemes in the source language with their functional counterpart in the language of the receiving culture. Literary texts abound in such examples (Shamilov, Kirillova 2021: 61). A foreign-language component adapts to the dominant language of the German literary text (Kafanova 2020: 224), according to the norms of the well-known translation strategy: domestication.

There is an illustrative case in the chapter “*A Bad Example*” from the prose collection “*Karaoke*” by Wl. Kaminer (Kaminer 2005). The author translates the text of the song “*Once You Were a Beatnik*” from the repertoire of the band “*Kino*,” well-known to the Russian listener in the USSR.

(6) „Wie einst unser schlechtes Vorbild aus St. Petersburg, Viktor Zoi, der vor zwanzig Jahren sang: „Schmeiß deine Pantoffeln zum Fenster raus, Papa! Du warst einmal eine ganz freche Maus, Papa!“ An diesem Lied kann ich — nun selber Papa — ewig weiterbasteln... Wo sind deine Schuhe von *Doc Martens*? Wo hast du deine Glatze versteckt? Du warst doch früher ein Kind von der Straße, heute suchst du bei den Kollegen Respekt“. („Like our bad role model from Saint Petersburg, Viktor Tsoi, who sang twenty years ago, ‘Throw your slippers out of the window, Dad! You were once a very cheeky little mouse, Dad!’ I can now — a dad myself — keep tinkering with this song... Where are your *Doc Martens* boots? Where did you hide your bald head? You used to be a street kid, and now you seek the respect of your colleagues”) (Kaminer 2005: 20).

The original line from the song “*Hey, where are your semolina shoes?*” (Lyrics Online 2022) in Wl. Kaminer’s translation is as follows, “Where are you *Doc Martens* boots?” The concept of ‘semolina’ in the USSR was associated with the common name of a thick rubber microporous sole of a light color. Shoes with thick, porous soles appeared in Germany in the mid-1940s. *Dr. Martens* (*Doc Martens* / *Docs*) is a German footwear company whose one of the most popular models is boots with thick rubber soles. Wl. Kaminer makes a decision not to translate literally the phrase from the Russian song, but use a definition available to the German-speaking reader: “your *Doc Martens* boots.”

At the same time, in the literary works of German-speaking migrant writers there are enough examples that proclaim “the ethics of difference” (Venuti 1998) of the source and target languages. In these cases, the authors correlate their translation principles with foreignization as a translation strategy aimed at the preservation of authentic elements in the German-language text to the greatest extent possible.

The literary works of the German writer of Turkish origin E. S. Özdamar are full of various examples of this kind. She integrates Turkish names in their authentic spelling into German-language literary texts, such as personal names: *Şavki* (Özdamar 1992: 115), *Ayşe Hanım* (Özdamar 1992: 105), *Küçük Vali* (Özdamar 2006: 390), place names: “*İstanbul* waits for you with four eyes” (Özdamar 2006: 391), and names of currency: 25 *Kuruş* (Özdamar 1992: 68). Along with the Turkish lexical units, in E. S. Özdamar’s literary works there are authentic quotations in French — a meaningful component of the writer’s linguistic portrait. E. S. Özdamar studied in France and took part in theatrical performances both as an author, director, and actress. Such preservation of the authentic / national elements in the German-language literary text by the migrant writer is not seen as an exotic decoration that contributes to the aestheticization of the genre. This phenomenon becomes a feature of “intercultural modernity” (Skiba 2010: 329), preconditioning and at the same time sustaining it.

Many migrant writers use a common strategy of integrating national authentic names given without translation and often connected with the designation of artifact phenomena and realities acquired by most linguistic cultures. Migrant writers use similar examples: ‘*Balalaika*’ (Kaminer 2009: 41), ‘*Kalinka Malinka*’ (Kaminer 2009: 86), E. S. Özdamar ‘*Champs Elysées*’ (Özdamar 2006: 564), ‘*Montmartre*’ (Özdamar 2006: 566).

Anglo-American vocabulary refers to the same group of foreign-language fragments integrated into German-language literary texts without any explanation. They are easily recognized by a potential German-language reader and do not require any additional interpretation in the modern global world. The above-mentioned translation strategy is used in Wl. Kaminer’s autobiographical best-seller “*Russian Disco*” (2009). Short and capacious phrases of the lyrics of the American rock band “*The Doors*” and its vocalist Jim Morrison are given without translation or additional explanations. The exception is the most expressive, in the author’s opinion, line “*Break on through to the other side*” introduced in parallel juxtaposition “in good German”: „Brich durch zur anderen Seite“ (Kaminer 2009: 47). Due to the general graphic design (in Latin characters) of the English and German words, foreign-language quotations do not violate the whole architecture of the text, and translation is not necessary:

(7) „Meine Englischkenntnisse ließen damals wie heute zu wünschen übrig, trotzdem konnte ich einiges von der Poesie Jim Morrisons verstehen. Anders als viele seiner Kollegen arbeitete er mit kurzen, knappen Sätzen: ‘*People are strange*’, sang er, ‘*No one here gets out alive*’ und ‘*Come on baby, light my fire*’. Diese Gedanken bewiesen geistige Tiefe und Menschenkenntnis. Besonders beeindruckte mich sein Lied ‘*Break on through to the other side*’, auf gut Deutsch: „Brich durch zur anderen Seite“. Wieso bin ich darauf nicht selbst gekommen? — fragte ich mich. Ein paar Jahre später nahm ich seinen Aufruf wahr und brach durch — in die DDR“. (“My knowledge of English left much to be desired then like now, but I was still able to understand some of Jim Morrison’s poetry. Unlike many of his colleagues, he worked with short and terse sentences, ‘*People are strange,*’ he sang, ‘*No one here gets out alive*’ and ‘*Come on, baby, light my fire.*’ These thoughts demonstrated the spiritual depth and knowledge of people. I was particularly impressed by the song ‘*Break through to the other side,*’ in German: ‘Brich durch zur anderen Seite.’ Why didn’t I think of it myself? I asked myself. A couple of years later I took up his appeal and broke through — to the GDR”) (Kaminer 2009: 46–47).

Obviously, innovative lexical methods, including those associated with the strategies for integrating foreign-language quotations used by German exophonic writers can be of interest not only to the readership, but have practical application. For example, they can be helpful in the formation of a set of specific professional

translation skills and competences (Ivanov, Sdobnikov 2020; Ivanov, Petrova, Sdobnikov 2021). Along with German exophonic writers, professional translators equally act as intermediaries in intercultural communication and contribute to the culture contact (Zinchenko, Zusmann, Kirnosa, Ryabov 2010: 87).

4. Conclusion

The findings of the study demonstrate that transcultural German-language literature defines the prospects of the modern European literary canon and is perceived as a meaningful component of the “global ethnospace.” It is a widely researched topic in Germanic studies. Multilingualism is an important stylistic and constitutive feature of transcultural German-language literature that distinguishes its linguistic innovative nature. Multilingual structures in the works of German migrant writers are interesting from the point of view of integrative strategies and different kinds of representation of foreign multilingual quotations in the German literary text. The polyphony of languages and cultures creates an additional emotional impulse of the literary creativity of German migrant writers. It determines the success of the multilingual dialogue and supports the thesis about the “communicative nature of art and literature” (Tjupa 2013) as its significant component.

References

- Amodeo, Immacolata. (1996) *Die Heimat heißt Babylon. Zur Literatur ausländischer Autoren in der Bundesrepublik Deutschland*. Opladen: Westdeutscher Verlag. (In German).
- Appadurai, Arjun. (1990) Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. *Public Culture*, 2 (2), 1–24.
- Bakhtin, Mikhail M. (1986) Response to a Question from the Novy Mir Editorial Staff. In Emerson, Caryl, & Holquist, Michael. (eds.). *Speech Genres and Other Late Essays*. Austin, TX: University of Texas Press, 60–102.
- Bakhtin, Mikhail M. (1996) *Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 5: Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov*. (Collected Works in 7 Vol. Vol. 5: Works of the 1940s – early 1960s). Moscow: Russkoe slovo. (In Russian).
- Baumann, Beate. (2010) Ich drehte meine Zunge ins Deutsche, und plötzlich war ich glücklich. Sprachbewusstheit und Neuinszenierungen zum Thema Sprache in den Texten Emine Sevgi Özdamars... In Bürger-Koftis, Michaela, Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds.) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 225–250. (In German).
- Bhabha, Homi K. (2004) *The Location of Culture*. London and New York: Routledge.
- Blum-Barth, Natalia. (2016) Transculturalität, Hybridität, Mehrsprachigkeit. Von der Vision zur Revision einiger Forschungstrends. *GFL-Journal*, 17 (1), 114–130. (In German).
- Boldyrev, Nikolay N. (2021) Proizvodnost' kak fenomen kul'tury i yazyka (Productivity as a Phenomenon of Culture and Language). In Robustova, Veronika V., Molchanova, Galina G., & Demyankov, Valery Z. (eds.) *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikaciya: sbornik nauchnyh trudov*. (Language. Culture, Translation. Communication: Collec-

- tion of Scientific Works). Moscow: KDU, Universitetskaya kniga, 10–12. (In Russian).
- Bürger-Koftis, Michaela, Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität. In Bürger-Koftis, Michaela, Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds.) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 11–20. (In German).
- Duden. (2022, November 24) Kufija. In *Duden.de dictionary*. Retrieved from <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kufija/>. (In German).
- Esselborn, Karl. (1997) Eine deutsche Literatur — AutorInnen nicht-deutscher Muttersprache. *Materialien Deutsch als Fremdsprache*, 4, 326–340. (In German).
- Hall, Stuart. (1994) *Rassismus und Kulturelle Identität*. Hamburg: Argument-Verlag. (In German).
- Hausbacher, Eva. (2021) „In der Kluft der Sprachen“: Formen literarischer Mehrsprachigkeit in der russisch-deutschen Gegenwartsliteratur. In Fuchsbauer, Jürgen, Stadler, Wolfgang, & Zink, Andrea. (eds.) *Kulturen verbinden: Festband anlässlich des 50-jährigen Bestehens der Slawistik an der Universität Innsbruck*. Innsbruck University Press, 303–322. (In German).
- Isterheld, Nora. (2017) *In der Zugluft Europas: zur deutschsprachigen Literatur russischstämmiger AutorInnen*. Bamberg: University of Bamberg Press. (In German). DOI: 10.20378/irbo-50219.
- Ivanov, Andrey V., Petrova, Olga V., & Sdobnikov, Vadim V. (2021) Osnovnye principy podgotovki преподавателей перевода (grant RFFI 20-013-00149 a) (Basic Principles of Training Translation Instructors). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 164–166. (In Russian).
- Ivanov, Andrey V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Formirovanie perevodcheskih kompetencij kak osnovnaya zadacha преподавателя перевода (Development of Translator Competences as The Main Task of Translator Trainers). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 117–131. (In Russian). DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-117-131.
- Kafanova, Olga B. (2020) Novyj nemeckij perevod «Zapisok ohotnika» I. S. Turgeneva (A New German Translation of a Sportsman's Sketches by I. S. Turgenev). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov*. T. XVII (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. XVII). Moscow: Flinta, 221–238. (In Russian).
- Kaminer, Wladimir. (2005) *Karaoke*. München: Verlagsgruppe Random House GmbH. (In German).
- Kaminer, Wladimir. (2009) *Russian Disco*. München: btb Verlag. (In German).
- Kaminer, Wladimir. (2011) *Meine russischen Nachbarn*. München: Goldmann Verlag. (In German).
- Kirilina, Alla V. (2011) Nekotorye obshchie zakonomernosti razvitiya vedushchih evropejskich yazykov v epohu globalizacii (Some General Patterns of Development of Leading European Languages in the Era of Globalization). In Kirilina, Alla V., Haimova, Violetta M., & Dmitryuk, Sergey V. (eds.) *Obshchestvo — yazyk — kul'tura: aktual'nye problemy vzaimodejstviya v XXI veke: Tezisy Shestoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Society — Language — Culture: Actual Problems

- of Interaction in the 21st Century: Abstracts of the Sixth International Scientific and Practical Conference). Moscow: Moscow International Academy, 18–19. (In Russian).
- Lyrics Online. (2022, November 24) Retrieved from <https://tekst-pesni.online/kino-kogda-to-ty-byt-bitnikom>. (In Russian).
- Schami, Rafik. (2008) *Das Geheimnis des Kalligraphen*. München: Carl Hanser Verlag. (In German).
- Shamilov, Raviddin M., & Kirillova, Arina V. (2021) K voprosu o tipologizacii pragmaticheskoy adaptacii v special'nom perevode (On Typology of Pragmatic Adaptation in Specialized Translation). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 89–106. (In Russian). DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-89-106.
- Skiba, Dirk. (2010) Formen literarischer Mehrsprachigkeit in der Migrationsliteratur. In Bürger-Koftis, Michaela, Schweiger, Hannes, & Vlasta, Sandra. (eds.) *Polyphonie — Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität*. Wien: Praesens Verlag, 323–334. (In German).
- Smirnova, Tat'yana P. (2020) «Mezha yazykov»: mnogoyazychie v transkul'turnoj nemeckoyazychnoj literature (Linguistic Borders: Multilingualism in Transcultural German-language Literature). In Ivanov, Andrey V. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov*. T. XVII (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. XVII). Moscow: Flinta. 254–268. (In Russian).
- Smirnova, Tat'yana P. (2022) Transkul'turnaya nemeckoyazychnaya literatura: yazykovye fenomeny literaturnogo zhanra i ih terminologicheskoe opisanie (Transcultural German Literature: Linguistic Phenomena of the Literary Genre and Their Terminological Description). In Averkina, Svetlana N., & Koroleva, Svetlana B. (eds.) *Svoboda i otchuzhdenie v kul'ture XX stoletiya: Kollektivnaya monografiya* (Freedom and Alienation in the Culture of the XX Century: Collective Monograph). Moscow: Flinta, 145–159. (In Russian).
- Smirnova, Tat'yana. P., & Zhiganova, Anna. V. (2020) Multilingualism in Contemporary Translingual German-language Literature: Forms and Functions. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 102, 949–957.
- Özdamar, Emine. S. (1992) *Das Leben ist eine Karawanserei hat zwei Türen aus einer kam ich rein aus der anderen ging ich raus*. Köln: Kiepenheuer & Witsch. (In German).
- Özdamar, Emine. S. (2006) *Sonne auf halbem Weg: Die Istanbul — Berlin — Trilogie*. Köln: Kiepenheuer & Witsch. (In German).
- Tawada, Yoko. (1991) *Wo Europa anfängt*. Tübingen: Konkursbuch Verlag. (In German).
- Tjupa, Valery I. (2013) Poetika palimpsesta v «Doktore Zhivago» (Poetics of Palimpsest in “Doctor Zhivago”). *The New Philological Bulletin*, 2 (25), 141–152. (In Russian).
- Venuti, Lawrence. (1998) *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. London and New York: Routledge.
- Zinchenko, Viktor. G., Zusmann, Valery G., Kirnoze, Zoya I., & Ryabov, Gennady P. (2010) *Slovar' po mezhkul'turnoj kommunikacii: Ponyatiya i personalii* (Dictionary of Intercultural Communication: Concepts and Personalities). Moscow: Flinta. (In Russian).
- Zusmann, Valery G. (2010) «Hudozhestvennyj mir» kak kategoriya literatury (Artistic World As a Literary Category). *LUNN Bulletin*, 9, 18–29. (In Russian).

УДК 811.11-112

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-137-155

**СЕМАНТИКА ДВИЖЕНИЯ В ОБРАЗНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ
(на материале английских фразеологических единиц с глаголами
движения)**

Д. Ю. Шидловская

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В настоящем исследовании представлены результаты наблюдений над семантикой английских фразеологических единиц, репрезентирующих эмоционально-волевою сферу человека. Цель исследования — выявить особенности образной концептуализации эмоций в динамической картине мира; определить характер взаимодействия между эмоционально-волевой сферой и сферой движения. Актуальность исследования заключается в обращении к проблеме концептуализации человеком окружающей действительности. В современной лингвистике изучение способов и особенностей осмысления наиболее значимых областей жизнедеятельности человека, их языкового воплощения является одним из перспективных направлений. Актуальным также представляется исследование семантики движения и специфики взаимодействия сферы движения-перемещения с другими концептуальными областями. В работе применяется дефиниционный и компонентный анализ, а также метод когнитивного моделирования, интерпретационный метод. В результате исследования выделяются основные когнитивные механизмы, участвующие в осмыслении различных эмоций; выявляются особенности корреляционных связей между двумя исследуемыми концептуальными сферами. Теоретическая значимость работы определяется тем, что представленное исследование вносит определенный вклад в развитие эмотиологии и дополняет базу знаний о семантике движения. Полученные результаты могут послужить теоретической основой для других гуманитарных исследований; могут быть использованы для верификации различных теорий, связанных с эмоционально-волевой сферой человека. Практическая значимость исследования состоит в том, что представленные результаты могут применяться в лекциях и практических занятиях по фразеологии, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, а также в других науках гуманитарного спектра.

Ключевые слова: фразеологическая единица; эмоция; движение; метафора; метонимия; метафтонимия.

Цитирование: Шидловская Д. Ю. Семантика движения в образной репрезентации эмоционально-волевой сферы (на материале английских фразеологических единиц с глаголами движения) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 137–155. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-137-155.

Semantics of Motion in Figurative Representation of Emotionally Volitional Sphere (a Case Study of English Phraseological Units with Motion Verbs)

Diana Yu. Shidlovskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

The paper features the results of the analysis of English phraseological units that represent the emotional-volitional sphere and include motion verbs. The study seeks to identify specific features of conceptualizing emotion in terms of motion events and to determine the nature of interaction between motion and the emotional-volitional sphere. The relevance of this research is determined by the contemporary interest in conceptualization of reality, as in modern linguistics the study of conceptualization conveyed through language is one of the most vibrant research areas. In addition, the study of motion semantics and the interaction of naïve kinematics with other conceptual spheres constitute another relevant research issue. The research methodology includes definition analysis, component analysis, the interpretive method, and the method of cognitive modeling. The findings reveal mechanisms that contribute to understanding of emotions and show specific correlation between the two conceptualized spheres under analysis. The theoretical significance of the research lies in its contribution to the development of emotion studies and in broadening our understanding of motion semantics. Its findings can be utilized as a theoretical framework for other humanitarian disciplines and used for verification of various emotion theories. The practical significance of the research stems from the possibility of implementing its results into courses in phraseology, cultural and cognitive linguistics, as well as other humanitarian disciplines.

Key words: phraseological unit; emotion; motion; metaphor; metonymy; metaphonymy.

Citation: Shidlovskaya, Diana Yu. (2022) Semantics of Motion in Figurative Representation of Emotionally Volitional Sphere (a Case Study of English Phraseological Units with Motion Verbs). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 137–155. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-137-155.

1. Введение

В статье рассматриваются особенности образной репрезентации эмоционально-волевой сферы человека в динамической картине мира. Цель работы — изучить специфику концептуализации эмоций на материале английских фразеологических единиц (далее ФЕ) с глаголами движения и выявить концептуальные связи между пространственным перемещением и эмоционально-волевой сферой.

В соответствии с поставленной целью предполагается решить следующие задачи:

- провести дефиниционный анализ исследуемых ФЕ;
- выделить образы движения, лежащие в основе исследуемых единиц;
- выявить основные средства и механизмы концептуализации эмоций в терминах движения;
- определить характер связи между сферой движения и эмоционально-волевой сферой.

Гипотеза исследования строится на нескольких положениях: 1) сфера движения является одним из основных источников знаний и ассоциаций о психических процессах личности, в частности эмоциях; 2) в основе большинства ФЕ лежит несколько метафорических или метонимических моделей, поэтому сведение их значения к одной модели концептуальной метафоры или метонимии приводит к редукции фразеологической семантики, что, по нашему мнению, является неоправданным.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем проводится комплексный анализ эмоционально-волевой сферы в ее диалогической связи со сферой движения. Кроме этого, в работе также делается попытка более глубокого осмысления семантики фразеологических единиц, что позволяет соотнести их с несколькими метафорическими, метонимическими или смешанными моделями.

Проблеме языковой репрезентации эмоций посвящены труды отечественных и зарубежных ученых: В. Ю. Апресяна, В. Д. Апресяна, Л. Г. Бабенко, С. Г. Воркачева, А. Вежбицкой, В. Г. Гака, А. А. Зализняка, М. Л. Ковшовой, Н. А. Красавского, Н. П. Силинской, Н. В. Скорик, О. Е. Филимоновой, В. И. Шаховского, А. Д. Шмелева, A. Dabrowska, D. Geeraerts, R. Gibbs, S. Grondelaers, Z. Kovecses, G. Lakoff, M. Johnson, M. J. Wilce и др.

Концептуализация эмоций становилась объектом научного осмысления в работах отечественных и зарубежных ученых на материале лексических и синтаксических средств языка (Kovecses 2000; Нагорная 2013; Яблокова 2017; Облецова 2018); фразеологических единиц (Скорик 2013; Орипова 2015; Дронов, Ковшова 2022); диалектной лексики (Soares da Silva 2020), художественных произведений (Никишина 2008); рассматривалась в сравнительном аспекте (Апресян 2011; Исхакова 2014; Забавнова 2015; Zhou, Critchley, Garfinkel, Gao 2021); служила объектом междисциплинарных исследований (Niemeier, Dirven 1997). Разработка лингвистической теории эмоций ведется в работах В. И. Шаховского (Шаховский 2008), Т. Н. Яблоковой (Яблокова 2016), Л. Н. Коберник (Коберник 2012), С. В. Ионовой (Ионова 2022) и др.

2. Характеристика материала и методов исследования

Языковые средства, передающие эмоции, характеризуются большим разнообразием. Поэтому их систематическое изучение предоставляет богатый материал для выявления универсальных и специфических особенностей, необходимых для реконструкции наивных представлений об эмоционально-волевой сфере человека (Бакина, Иванова, Федуленкова 2021: 165).

Материалом настоящего исследования послужили фразеологические единицы с компонентами-глаголами движения-перемещения, вербализующие различные эмоции человека. Под глаголами движения-перемещения в настоящей работе понимаются лексемы, обозначающие ситуацию, при которой субъект в какой-то момент времени занимает местоположение X, а в некоторый следующий момент — местоположение Y (Майсак, Рахилина 1999: 53). Кроме этого, в объем исследовательского материала входят ФЕ с компонентами-глаголами силового воздействия с последующим перемещением объекта: *hit, throw, pull* и т. д.

Для решения представленных выше задач и реализации поставленной цели используются следующие методы: дефиниционный и компонентный анализ, метод когнитивного моделирования, интерпретационный метод.

Алгоритм исследования включает несколько этапов. На первом этапе каждая ФЕ соотносится с той или иной эмоцией с помощью дефиниционного анализа. При этом учитывается, что одна единица может описывать одновременно несколько эмоциональных состояний как одинакового, так и противоположного знака.

На втором этапе проводится анализ плана содержания ФЕ, который подразумевает обращение к двум основным семантическим категориям — фразеологическому значению и внутренней форме ФЕ. Согласно А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, актуальным значением ФЕ называется семантическая структура, образовавшаяся в результате метафорического и, реже, метонимического переноса и включающая определенные черты исходной ситуации (Баранов, Добровольский 2008: 112).

Под внутренней формой (ВФ) подразумевается образ, фиксированный в плане содержания ФЕ, а также осознаваемая носителем языка образная мотивация значения ФЕ его составляющими — словами или морфемами (Баранов 2014: 130). В настоящем исследовании ВФ рассматривается как отдельный семантический уровень плана содержания ФЕ, находящийся с уровнем актуального значения в деривационных связях. ФЕ образуются путем метафорического, метонимического или метафорометонимического (метафтонимического) переосмысления. Различные структуры знания отображаются в форме базовых (концептуальных) метафор — устойчивых переносов из одной концептуальной области в другую. Базовые метафоры могут быть представлены как в лексических единицах, так и в ФЕ. Более того, с ФЕ может быть связано несколько метафорических или метонимических моделей (Иванова 2011: 71), что подтверждается в настоящем исследовании.

Традиционно метафора и метонимия представляют собой перенос по сходству и смежности соответственно. В рамках когнитивной парадигмы

метонимия и метафора рассматриваются как ментальные операции, составляющие процесс познания, категоризации и концептуализации окружающей действительности (Лакофф, Джонсон 2004: 61–62, 66; Будаев 2007: 20).

Большинство ученых считает, что метафора и метонимия имеют концептуальную природу, но отличаются в семантическом и функциональном плане. Как метафоризация, так и метонимизация основана на взаимодействии между двумя сущностями и связана с языковой и познавательной деятельностью человека. В то же время метонимия, как считает Н. Д. Арутюнова, выполняет в предложении преимущественно идентифицирующую функцию и ориентирована на позицию субъекта и других актантов, тогда как метафора имеет характеризующую функцию (Арутюнова 1999: 352). Следовательно, метонимия является сдвигом в референции, а метафора — сдвигом в значении (Арутюнова 1990: 32). Метонимия строится посредством ассоциативных связей и указывает на реально существующую связь между предметами или явлениями (Кунин 1996: 75). Метафора же может обозначать не только общность между предметами и явлениями, но и признаки, приписываемые им человеком. Кроме этого, метафора характеризуется большей удаленностью от денотата и предоставляет большую свободу выбора признака, на основе которого осуществляется перенос (там же: 144).

В ряде исследований ученые высказывают предположения, что концептуальная метонимия является базовой ментальной операцией, предшествующей метафоре (Radden 2003; Taylor 2003). Некоторые исследователи трактуют метонимию как необходимый шаг для создания концептуальной метафоры (Ibid; Riemer 2001). Кроме этого, в современной когнитивной лингвистике также существуют противоположные подходы к интерпретации одних и тех же моделей переносов. Например, Дж. Лакофф и М. Джонсон считают, что соответствия между верхом и положительными эмоциями, низом и отрицательными эмоциями имеют метафорическое основание (Лакофф, Джонсон 2004: 41–42). По мнению же Г. Раддена, концептуализация эмоций через пространственные характеристики осуществляется при помощи метонимии (Radden 2003: 407–408). Однако, по нашему мнению, подобные разногласия между сторонниками концептуальной метафоры с одной стороны и концептуальной метонимией с другой имеют не терминологическую, а эмпирическую направленность.

В современной лингвистике развиваются новые подходы к интерпретации процесса метафоризации, отличные от концептуальной теории метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. К ним относятся дескрипторная теория метафоры (Баранов 2014); теория концептуальной

интеграции (англ. *Theory of Conceptual Integration*) (Turner, Fauconnier 1995); теория карьеры метафоры (англ. *The Career of Metaphor Theory*) (Bowdle, Gentner 2005); теория классового включения (англ. *Class / Category Inclusion Theory*) (Glucksberg, Keysar 1990); теория структурного отображения (англ. *Structure-mapping Theory*) (Gentner 1983); гибридная теория метафоры (англ. *The Hybrid Theory of Metaphor*) (Tendahl 2009) и др.

Все большее внимание ученые уделяют феномену концептуальной интеграции метафорических и метонимических моделей. Для обозначения смешанных метафоро-метонимических моделей в научный обиход вводится понятие «метафтонимия». Данный термин был предложен Л. Гуссенсом в (Goossens 1990) для описания следующих интегрированных образных моделей: метафоры из метонимии, метонимии внутри метафоры, метафоры внутри метонимии (Goossens 1990; Croft, Cruse 2004: 217–221; Evans, Green 2006: 319–320; Geeraerts, Cuyskens 2007: 243). Теория метафтонимии также разрабатывается в работах Ф. Руиз де Мендоза (Ruiz de Mendoza 2003), Р. И. Устарханова (Устарханов 2003) и др. Случаи метафтонимического переосмысления фиксируются в том числе в настоящем исследовании.

К настоящему моменту проблема метафоры, метонимии и их взаимодействия остается открытой. Дальнейшее углубление знаний и понимания данных семантических явлений, по нашему мнению, предполагает интеграцию существующих подходов и выработку общих принципов исследования метафорических, метонимических и метафоро-метонимических переносов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Эмоционально-волевая сфера является одной из наиболее важных областей жизнедеятельности человека и составляет значимый фрагмент картины мира (Шаховский 2008). Исследование данной области позволяет не только выявить особенности восприятия и описания переживаний, но и раскрыть уникальный источник знаний о природе самого человека и сенсуалистических составляющих его жизнедеятельности (Лавриненко, Фомина 2011: 46).

В процессе эволюции эмоционально-чувственное переживание выступает основным источником познания и освоения мира. Однако сама область чувственного в силу своей абстрактной природы оказывается неподвластной архаичному человеку, представляется ему недостижимой и чуждой. Стремление сделать свои ощущения чувственно постигаемыми и выразимыми реализуется благодаря пространственному созерцанию. Поэтому даже в самых развитых языковых системах обнаруживается «метафорическая» передача духовных характеристик пространственными (Кассирер 2002: 133–134; Семенова 2019: 85).

В силу ограничений на объем исследования в работе рассмотрены только ФЕ, описывающие базовые эмоции человека. К. Э. Изард (Изард 1980; Зыкова 2011) выделяет десять базовых эмоций: **радость (счастье), гнев, печаль, удивление, страх, отвращение, стыд, интерес, презрение и вина**. Данная классификация выбрана потому, что представляется нам наиболее полной и репрезентативной. Базовая эмоция «вина» в работе не рассматривается, так как данное состояние не представлено ни одной из ФЕ, вошедших в исследовательский материал.

Радость и счастье вербализованы 7 ФЕ: *leap / jump for joy, be dancing in the street; raise someone's spirits; go into raptures; enter into the spirits; be rolling in the aisles; be walking / walk / float / dance on air*. Анализ ВФ ФЕ показывает, что в репрезентации вышеупомянутых эмоциональных состояний участвуют следующие динамические образы: **интенсивное движение-прыжок; ритмичное движение (танец); каузированное движение вверх; движение внутрь пространства; круговое движение; движение в воздушном пространстве** (является частным случаем вертикального движения). В последнем выражении (*be walking / walk / float / dance on air*) субъект передвигается либо при помощи **ходьбы**, либо **парит в воздухе**, либо совершает **ритмичные движения** в верхней части пространства.

Исследуемые эмоции (радость и счастье) осмысляются через выразительные телесно-экспрессивные движения посредством **метонимии «телесно-экспрессивное движение вместо эмоции»**: (*leap / jump for joy, be dancing in the street, raise a smile*). В ФЕ *be dancing in the street* реализуется символическое значение танца как древнего, инстинктивного выражения радости или печали жизни; символа торжества и обладания высшей силой (Тресиддер 1999: 365). Выражение *raise a smile*, помимо метонимии, содержит **метафору**, при помощи которой улыбка как бы «овеществляется» и воспринимается, как сущность, которой можно сообщить кинетическую энергию.

В образной репрезентации счастья и радости также участвует **архетип верха** (*be walking / be floating / walk / dance on air*), традиционно обладающий положительной аксиологической маркированностью (Токарев 1980: 161–166; Каган 2018: 34–35).

Бинарная метафора «движение-изменение» + «эмоциональное состояние — локус» представлена в ФЕ *go into raptures* (ср. *enter into the spirits*). Здесь движение внутрь описывает переход из состояния спокойствия в состояние экзальтации, а конкретное психологическое состояние осмыляется в категориях пространства.

Счастье и радость противопоставляются сниженному эмоциональному фону (горю, несчастью): *raise / lift someone's spirits* (см. дефиницию

выше). В основе данной ФЕ лежит образ **каузированной движения** объекта в верхнюю часть горизонтального пространства. В реализации семантики данной единицы участвуют следующие образные средства: **архетип «верх»** (привносит положительные коннотации), **метафора «каузированное движение — индуцированное изменение»** и **метафора** представления **абстрактного через конкретное**. При помощи последней метафорической модели настроение осмысливается как материальная сущность, которую можно перемещать в пространстве.

Имплицитное указание на ощущение счастья содержится в ФЕ *be rolling in the aisles*. Здесь данная эмоция концептуализируется через гиперболизированный образ субъекта, покатывающегося от смеха «между рядами кино или театра». **Круговое движение**, вербализованное глаголом *roll*, моделирует изменение положения тела в пространстве. Поскольку представленный стереотипный образ зачастую ассоциируется именно с проявлением чрезмерной радости, то мы можем говорить о том, что связь между ВФ ФЕ и ее актуальным значением устанавливается на основе метафорометонимических отношений: **гиперболической метафоры + метонимии «телесно-экспрессивное движение вместо эмоции»**.

Эмоциональное состояние **гнева** представлено наибольшим количеством ФЕ (> 20 единиц). Количественное преобладание единиц, вербализующих отрицательные эмоции, в частности гнев, отмечается большинством исследователей и объясняется тенденцией человеческого сознания акцентировать внимание на отрицательных сущностях чаще, чем на положительных (Кононова 2010: 56).

Ситуации движения, актуализируемые ВФ большинства ФЕ, содержат образы **направленного движения-отдаления**: *go bananas, go ape, go berserk, go nuclear, go ballistic, go mental, go stir-crazy*. В основе данных единиц лежит **метафора «движение-изменение»**, описывающая переход из нормального состояния в возбужденное, агрессивное. Семантический компонент «характер движения», актуализируемый на уровне ВФ, вносит в актуальное значение ФЕ дополнительные смыслы, способствующие осмыслению злости. Таким образом, данная эмоция также ассоциируется с сумасшествием, утратой разума и контроля над собой (*go berserk, go mental, go stir-crazy*); отождествляется с поведением животных, в частности обезьян, посредством **зооморфной метафоры** (*go ape, go apeshit*); сравниваются с ядерным и другими видами оружия (*go nuclear, go ballistic*); осмысливается в терминах нелинейных систем (*go non-linear*).

Изменение эмоционального состояния под влиянием внешних раздражающих факторов (провокации, психологического насилия) концептуализируется посредством метафорического образа **каузированной движе-**

ния: *drive someone crazy / insane, drive someone nuts, drive someone bonkers, drive someone potty, drive someone batty*. Как видно из дефиниций этих ФЕ, они связаны преимущественно с эмоциональным состоянием раздражения, которое может приводить к появлению гнева или любой другой отрицательной эмоции. В рассматриваемых языковых единицах фиксируется **метафора «каузированное движение — индуцированное изменение»**.

В репрезентации гнева участвуют фразеологические образы (**каузированного**) **движения по вертикали**: *raise someone's hackles rise, go through the roof, hit the ceiling / roof, throw up one's hands, be jumping up and down, go / jump off the deep end*.

В ФЕ *raise someone's hackles rise* глагол каузированного перемещения вверх *raise* 'поднимать' моделирует ситуацию изменения положения волосков на теле животного, когда щетина встает дыбом. В основе данной ФЕ лежит **зооморфная метафора**, при помощи которой поведенческие реакции животных на угрозу приписываются человеку.

В выражениях *go through the roof, hit the ceiling / roof* идея движения вверх формируется при восприятии целостной ситуации, заложенной на уровне ВФ. Ассоциация крыши или потолка с верхней частью пространства позволяет сделать вывод, что движение субъекта происходит именно по направлению вверх. В случае ФЕ *hit the ceiling / roof* движение объекта также происходит за счет силового воздействия (удара) и заканчивается при достижении им препятствия в виде потолка / крыши. В ФЕ же *go through the roof* объект перемещается *через* крышу, выходя за пределы ограниченного пространства. По-нашему мнению, в основе представленных единиц лежит **метафтонимия** — метафора, основанная на метонимических отношениях. С одной стороны, гнев сам по себе не может двигаться и «пробивать дыру в пространстве», однако наделение его кинематическим свойством становится возможным благодаря действию механизма метафоры. С другой стороны, на физиологическом уровне гнев проявляется общей мобилизацией организма и характеризуется резкими телесно-экспрессивными движениями, повышением давления, сердцебиением и т. д. (Изард 1980: 291–292; Ильин 2001: 168). Следовательно, здесь мы также можем выделить **метонимическую модель «физиологическая реакция вместо эмоции»**. Образы ФЕ *go through the roof* и *hit the ceiling / roof* можно сравнить с гидравлической моделью К. Лоренца.

Семантика ФЕ *throw up one's hands, be jumping up and down* формируется на основе **метонимии «телесно-экспрессивное движение вместо эмоции»**. В ФЕ *throw up one's hands* глагол *throw* и предлог *up* моделируют порывистое движение конечностей человека по траектории вверх. Весьма любопытный случай представляет ФЕ *be jumping up and down*, для которой

характерна энантиосемия, так как это выражение обозначает противоположные по знаку эмоции (см. дефиницию выше). Осмысление радости и злости через одинаковый образ можно объяснить тем, что данные состояния относятся к эмоциям «высокой возбудимости» (Lim 2016), для которых характерны следующие физиологические проявления: повышенная температура тела, ускорение сердечных ритмов и мускульных сокращений (Philippot, Rimé 1997). Рассмотренный пример показывает, что физиологические проявления эмоций не всегда являются объективными критериями для их дифференциации.

ФЕ *go / jump off the deep end* отражает идею всплытия (**движение снизу вверх**), поскольку словосочетание *deep end* описывает дно бассейна или любого другого водоема. Здесь изменение состояния человека **метафорически** осмысляется как изменение пространственного положения тела. Можно предположить, что данный образ связан с открытым выражением интенсивных, деструктивных эмоций, которые буквально выплескиваются наружу при потере контроля над собой.

Злость и гнев также описываются ФЕ, в основе которых лежат образы (**каузированного**) **кругового движения**: *go round the twist, drive someone around the bend*. ВФ обеих ФЕ затемнена. Существуют предположения, что данные выражения связаны с образом психиатрической клиники. Из этого следует, что гнев отождествляется с потерей рассудка.

В единичных случаях репрезентация гнева осуществляется через следующие образы пространственного перемещения: **движения внутрь пространства** (*fly into rage / temper / panic / passion*); **силового колебательного движения** (*shake one's fist at someone*). ФЕ *fly into rage / temper / panic / passion* реализует **бинарную метафору** «**движение-изменение**» + «**эмоциональное состояние — локус**», посредством которой эмоции осмысляются в терминах пространства.

В ФЕ *shake one's fist at someone* злость при помощи **метонимии** интерпретируется через стереотипную поведенческую реакцию, характерную для человека в приступе гнева. Здесь глагол *shake* моделирует паттерн движения сжатой в кулак руки.

Страх представлен 7 ФЕ, ВФ которых актуализирует следующие виды движения: **колебательное движение** (*shake like a leaf, shake in one's boots / shoes, someone's voice shakes*); **быстрое движение или бег** (*make someone's blood run cold, run / be running scared*); **ползающие движения** (*make someone's flesh crawl / creep*); **интенсивное (силовое) движение вверх** (*fling up one's hands*).

Анализ ВФ ФЕ, вербализующих страх, показывает, что данное состояние описывается преимущественно при помощи **метонимии** «**телесно-**

экспрессивное движение вместо эмоции». Так, страх сопровождается *дрожью в конечностях* (*shake in one's boots / shoes, shake like a leaf*); *дрожащим голосом* (*someone's voice shakes*); *бегством* (*run / be running scared*); *мурашками по коже* (*make someone's flesh crawl / creep*); *взмахиванием руками* (*fling up one's hands*). В выражениях *make someone's flesh crawl, someone's voice shakes* обнаруживается и **метафора**, посредством которой голос и человеческая плоть воспринимаются как кинематические явления. Таким образом, данные ФЕ относятся к **метафоро-метонимическим** (метафто-нимическим) выражениям. Стоит отметить, что ФЕ *make someone's flesh crawl* также описывает отвращение, а ФЕ *fling up one's hands*, помимо страха, вербализует шоковое состояние. Из этого следует, что ощущение мурашек по коже и вскидывание рук соответственно являются проявлениями нескольких схожих по знаку эмоций.

В ФЕ *make someone's blood run cold* отражены архаичные знания и представления людей о страхе. На основе учения Галена в средневековой картине мира закрепились концепции существования четырех типов жидкости (гумор) в теле человека: крови (горячая и жидкая), флегмы (холодная и жидкая), черной желчи (холодная и сухая) и желтой желчи (горячая и сухая) (Knuuttila 2004: 34). Под воздействием страха кровь становилось холодной, что препятствовало выполнению ее жизненно важной функции — обеспечению человека теплом и энергией (Oxford Dictionary of Idioms 2005: 29). Схожие представления отражены в концепции Аристотеля, который трактует страх как охлаждение вследствие малого количества крови и недостатка теплоты (Аристотель 1937: 65, 162).

Отвращение представлено 3 ФЕ, включая *make someone's flesh crawl*, описанную ранее.

Выражение *one's gorge rises / make someone's gorge rise* номинирует несколько эмоций: отвращение, страх и крайнюю степень удивления (шок). В основе данной ФЕ лежит образ **вертикального движения** горла **вверх**. Можно предположить, что здесь движение вверх моделирует рвотный рефлекс или извержение рвотных масс. По нашему мнению, в конструировании фразеологического образа участвует **метонимия «физиологическая реакция вместо эмоции»**. Во ВФ ФЕ отражен эмпирический опыт человека, основанием которого является *телесность*.

ФЕ *pull / make a face* репрезентирует не только отвращение, но и презрение. По нашему мнению, в данном выражении можно выделить **две метонимии**: во-первых, отвращение метонимически описывается через характерную для данной эмоции поведенческую реакцию — вычурную мимику; во-вторых, в данной ФЕ фиксируется **метонимия «целое вместо ча-**

сти», где образ лица используется вместо выразительного движения мышц этой части человеческого тела.

Эмоциональное состояние **печали, грусти** представлено 6 ФЕ. В конструировании представлений о данных эмоциях участвуют следующие виды движения: *вертикальное движение вниз* (*one's heart sinks, reach / hit rock bottom*); *движение по горизонтали вниз и внутрь пространства* (*sink into depression*); *целенаправленное движение-прибытие* (*come / reach the end of (one's) tether*); *каузированное целенаправленное движение* (*drive someone to drink*); *силовое движение от себя* (*pull one's hair out*). ФЕ *one's heart sinks, reach / hit rock bottom* содержат в себе **архетипичный образ низа**, который традиционно имеет отрицательную маркированность (Токарев 1980: 161–166; Иоффе 2010: 688–689) и в данных ФЕ выступает средством концептуализации грусти. Кроме этого, в выражении *one's heart sinks* соматический компонент *heart* реализует символическое значение «локуса чувств и эмоций». Здесь, однако, сердце **метафорически** осмысляется не как пространственная категория, а как кинестетическая сущность, способная перемещаться в пространстве. В ФЕ *reach / hit rock bottom* также фиксируется **архетипичный образ низа**.

В ФЕ *sink into depression* можно выделить **бинарную метафору**: «**движение-изменение**» + «**эмоциональное состояние** (депрессия) — **локус**». Пространственный **архетип «вниз»** привносит в семантику данной ФЕ негативную коннотацию.

ФЕ *come / reach the end of (one's) tether* связана с образом животного, которое доходит до конца привязи и не может двинуться дальше. Данная ФЕ может обозначать ряд отрицательных эмоций (грусть, волнение, злость), а также физическое состояние — усталость. В основе этой единицы лежит **зооморфная метафора**.

Деструктивное эмоциональное воздействие на человека **метафорически** осмысляется в терминах каузированного движения (*drive someone to drink*). Кроме этого, исходя из ВФ ФЕ, индуцированные грусть и волнение ассоциируются с употреблением алкоголя.

Метонимическая модель «**психофизиологическая реакция вместо эмоции**» представлена в основе ФЕ *pull one's hair out*. Рассматриваемый фразеологический образ может быть связан с трихотилломанией, психическим расстройством, проявляющимся в вырывании собственных волос.

6 ФЕ описывают состояние **удивления**: *someone's jaw drops, nearly / almost fall off one's chair, raise eyebrows, jump / leap out of one's skin, turn (over) in one's grave, throw someone off balance*. В следующих выражениях используется **метонимия «телесно-экспрессивное движение вместо эмоции»**: *someone's jaw drops, raise eyebrows*. В обоих случаях **верти-**

кальное движение моделирует изменение положения челюсти и бровей соответственно. В основу ФЕ *nearly / almost fall off one's chair* положен образ **движения-падения** со стула. По нашему мнению, данная ФЕ основана на **метонимии**, формирующей представления об удивлении через связанную с данной эмоцией стереотипную бытовую ситуацию (представляет частный случай модели «**следствие вместо причины**»). Можно предположить, что эмпирическим основанием выражения является телесный опыт, а именно опыт падения в состоянии удивления. При этом мы не исключаем, что в основе данной ФЕ может лежать и метафтонимия — гиперболическая метафора, которая генетически восходит к метонимии.

Неоднозначной также представляется семантика ФЕ *jump / leap out of one's skin*, актуализирующая образ **движения-выпрыгивания** из определённого пространства — тела. Можно предположить, что значение данной единицы строится при помощи метафтонимии — **гиперболической метафоры**, основанной на **метонимии** «**соматические ощущения вместо эмоции**». Можно предположить, что выделенная модель отражает определённую реакцию на неожиданную стрессовую ситуацию, когда человек буквально подпрыгивает от удивления или страха. Кроме метафтонимии в ФЕ *jump / leap out of one's skin* можно выделить **метонимическую модель** «**часть вместо целого**», где образ кожных покровов апеллирует к телу человека.

ФЕ *turn (over) in one's grave, throw someone off balance* являются **метафорическими единицами**. ФЕ *turn (over) in one's grave* вербализует различные эмоции: злость, грусть, удивление или шоковое состояние. В данном выражении также отражены архетипичные представления о существовании жизни после смерти: на это указывает способность мертвецов сохранять двигательные способности даже после смерти (**антропоморфизм**).

В ФЕ *throw someone off balance* реализуется бинарная метафора «**казуированное движение — индуцированное изменение**» + «**эмоциональное состояние — локус**». В представленном случае абстрактное понятие баланса метафорически передает нормальное, спокойное психологическое состояние человека и описывается в терминах пространства.

4. Заключение

Проведенное исследование демонстрирует глубокую ассоциативную связь между эмоционально-волевой сферой и сферой движения. Анализ показывает, что в осмыслении эмоций участвуют следующие формы познания, представленные в виде образных моделей: метафоры (15 ФЕ); бинарной метафоры (14 ФЕ); метонимии (15 ФЕ); бинарной метонимии (1 ФЕ); метафтонимии (6 ФЕ). Кроме этого, в семантике некоторых ФЕ за-

ключены пространственные архетипы (бинарные оппозиции вверх — вниз); архаичные или донаучные мировоззренческие концепции: гуморальная теория, идея бессмертия, которая, по нашему мнению, восходит к мифологическому антропоморфизму.

Количественное преобладание метафорических представлений указывает на нечеткие представления об эмоциях и стремление описать их в более привычных, упрощенных формах. Так, исследование показывает, что чувственная сфера получает осмысление преимущественно в терминах *движения, пространства и конкретных понятий*, в том числе *антропоморфных*. Образы движения становятся «метафорическим воплощением» изменения эмоционального фона человека в положительную или отрицательную сторону. Такой параметр ситуаций движения, как *характер перемещения*, также играет роль в образной концептуализации эмоций, их конкретизации и / или оценке.

Метонимия как более объективная форма представления действительности (Кунин 1996: 144) отражает реальные связи между сферой движения и эмоций и описывает различные эмоциональные переживания через связанные с ними физиологические, поведенческие реакции, телесно-экспрессивные движения, бытовые и / или стереотипные ситуации. При этом анализ показывает, что эмоции не всегда можно дифференцировать на основе телесных ощущений. Исследование показало, что в основе ФЕ могут лежать и интегрированные, метафоро-метонимические модели (метафтонимии). В работе выделены следующие типы метафтонимий: сочетание метафоры и метонимии в семантической структуре одной ФЕ; метафора, основанная на метонимических отношениях; метафора внутри метонимии. Кроме этого, в ряде ФЕ фиксируются бинарные метафорические и метонимические модели, что указывает на усложненный характер семантики рассматриваемых ФЕ.

Дальнейшее исследование предполагает подробное описание специфики образной репрезентации других видов эмоций в динамической картина мира; изучение феномена апатии и безразличия и их связи с диалектической противоположностью движения — покоем.

Список литературы / References

- Апресян В. Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–51. [Apresyan, Valentina Yu. (2011) Opyt klasternogo analiza: russkie i angliiskie emotsional'nye kontsepty (Cluster Analysis: Russian and English Emotional Concepts). *Voprosy yazykoznanija*, 1, 19–51. (In Russian)].

- Аристотель*. О частях животных. М. Л.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1937. [Aristotel'. (1937) *O chastjah zhivotnyh* (Parts of Animals). Moscow, Leningrad: Gos. izd-vo boil. i med. lit-ry. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С 5–32. [Arutjunova, Nina D. (1990) *Metafora i dyskurs* (Metaphor and Discourse). *Teorija metafory* (Theory of Metaphor). Moscow: Progress, 1990, 5–32.]
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. [Arutjunova, Nina D. (1999) *Jazyk i mir cheloveka* (Language and Human World). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury (In Russian)].
- Бакина А. Д., Иванова А. В., Федулёнок Т. Н.* От палитры эмоций до бесконфликтного общения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 165–170. [Bakina, Anna D., Ivanova, Aleksandra V. & Fedulenkova, Tat'yana N. (2021) *Ot palitry emotsii do beskonfliktnogo obshcheniya* (From a Wide Range of Emotions to Conflict-Free Communication). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 165–170. (In Russian)].
- Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Baranov, Anatolij N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* (Descriptive Theory of Metaphor). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)].
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. [Baranov, Anatolij N., & Dobrovol'skij, Dmitriy O. (2008) *Aspekty teorii frazeologii* (Aspects of Phraseology). Moscow: Znak. (In Russian)].
- Баранов А. Н.* Основы фразеологии (краткий курс). М.: Флинта, 2014. [Baranov, Anatolij N. (2014) *Osnovy frazeologii (kratkij kurs)* (Basics of Phraseology (Concise Course)). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Будаев Э. В.* Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 19–35. [Budaev, Jeduard V. (2007) *Stanovlenie kognitivnoj teorii metafory* (Development of Cognitive Theory of Metaphor). *Lingvokul'turologija*, 1, 19–35. (In Russian)].
- Дронов П. С., Ковшова М. Л.* К вопросу о концептуализации эмоций во фразеологии: фразеологические конструкции типа *С какого перепуга? С какой радости?* // Вопросы психолингвистики. 2022. № 51. С. 12–25. [Dronov, Pavel S., & Kovshova, Maria L. (2022) *K voprosu o kontseptualizatsii emotsii vo frazeologii: frazeologicheskie konstruksii tipa S kakogo perepuga? S kakoi radosti* (Conceptualization of Emotions in Phraseology: a Case Study of Figurative Units Similar to *S Kakogo Perepugu? S Kakoj Radosti?* 'What for'. *Journal of Psycholinguistics*, 51, 12–25. (In Russian)].
- Забавнова О. В.* Репрезентация концептов эмоциональных состояний на основе метафорического принципа в татарском и английском языках // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 112–114. [Zabavnova, Olesya V. (2015) *Reprezentatsiya kontseptov emotsional'nykh sostoyanii na osnove metaforicheskogo printsipa v tatarskom i angliiskom yazykakh* (Metaphoric Conceptual Representations of Emotional State in Tatar and English). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2, 112–114. (In Russian)].
- Зыкова И. В.* Культура как информационная система: духовное, ментальное, материально-знаковое. М.: Либроком, 2011. [Zykova, Irina V. (2011) *Kul'tura kak*

- informacionnaja sistema: duhovnoe, mental'noe, material'no-znakovoe* (Culture as Information System: Spiritual, Mental, Symbolic). Moscow: Librokom. (In Russian)].
- Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2011. [Ivanova, Elizaveta V. (2011) *Leksikologija i frazeologija sovremennogo anglijskogo jazyka* (Lexicology and Phraseology of Modern English). Saint Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow: Akademija. (In Russian)].
- Изард К. Э. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. [Izard, E. Carroll. (1980) *Jemocii cheloveka* (Human Emotions). Moscow: Izdatel'stvo MGU. (In Russian)].
- Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. [Il'in, Evgenii P. (2001) *Emotsii i chuvstva* (Emotions and Feelings). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Ионова С. В. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // Известия ВГПУ. 2022. № 3 (166). С. 221–226. [Ionova, Svetlana V. (2022) *Lingvistika emotsii v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovanii* (Linguistics of emotions in the context of the modern scientific research). *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 3 (166), 221–226. (In Russian)].
- Иоффе И. И. Избранное. Часть 2. Культура и стиль. М.: РАО Говорящая книга, 2010. [Ioffe, Ieremija I. (2010) *Izbrannoe. Chast' 2. Kul'tura i stil'* (Selected Works. Part 2. Culture and Style). Moscow: RAO Govorjashhaja kniga. (In Russian)].
- Исхакова З. З. Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере. М.: Флинта, 2014. [Iskhakova, Zemfira Z. (2014) *Emotivno-deikticheskaya konstanta v semiosfere* (Emotional and Deictic Constant in the Semiosphere). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Каган М. С. Проблемы теории культуры. Избранные труды. М.: Юрайт, 2018. [Kagan, Moisej S. (2018) *Problemy teorii kul'tury. Izbrannye trudy* (Theory of Culture Issues. Selected Works). Moscow: Urait. (In Russian)].
- Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. [Kassirer, Je. (2002) *Filosofija simvolicheskikh form. T. 1. Jazyk*. (The Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 1. Language). Moscow, Saint Petersburg.: Universitetskaja kniga. (In Russian)].
- Коберник Л. Н. Метафорический подход к изучению семантических описаний чувств и эмоций // Векторы благополучия: экономика и социум. 2012. № 1 (2). С. 294–301. [Kobernik, Lyubov' N. (2012) *Metaforicheskii podkhod k izucheniju semanticheskikh opisanii chuvstv i emotsii* (Metaphoric Approach to the Study of Semantic Descriptions of Emotions and Feelings). *Journal of Wellbeing Technologies*, 1 (2), 294–301. (In Russian)].
- Кононова П. Н. Эмотивный компонент значения как составляющая национально-культурного своеобразия фразеологических единиц сферы человеческих отношений (на материале французского языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. Вып. 12. С. 53–60. [Kononova, Polina N. (2010) *Emotivnyi komponent znacheniya kak sostavlyayushchaya natsional'no-kul'turnogo svoeobraziya frazeologicheskikh edinit sfer chelovecheskikh otnoshenii (na materiale frantsuzskogo yazyka)* (The Emotive Component as an Expression of National and Cultural Peculiarities of Phraseological Units Describing Human Relationships). *LUNN Bulletin*, 12, 53–60. (In Russian)].
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. [Kunin, Aleksandr V. (1996) *Kurs frazeologii sovremennogo an-*

- glijskogo jazyka* (Modern English Phraseology Course). Moscow: Vyssh. shk., Dubna: Feniks. (In Russian)].
- Лавриненко И. Ю., Фомина З. Е. Эмоциональный концепт *happiness* (счастье) в философской картине мира Ф. Бэкона (на материале повести Ф. Бэкона «Новая Атлантида») // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 16. С. 45–57. [Lavrinenko, Irina Yu., & Fomina, Zinaida E. (2011) *Emotsional'nyi kontsept happiness (schast'e) v filosofskoi kartine mira F. Bekona (na materiale povesti F. Bekona «Novaya Atlantida»*) (The Emotional Concept Happiness in the Philosophical Worldview of F. Bacon (Based on F. Bacon's "New Atlantis")). *LUNN Bulletin*, 16, 45–57. (In Russian)].
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. [Lakoff, George, & Johnson, Mark. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* (Metaphors We Live by). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В. Семантика и статистика: глагол ИДТИ на фоне других глаголов движения // Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 53–66. [Maisak, Timur A., & Rakhilina, Ekaterina V. (1999) *Semantika i statistika: glagol IDTI na fone drugikh glagolov dvizheniya* (Semantics and Statistics: Verb "GO" in Contrast with Other Motion Verbs). *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki dinamicheskogo mira* (Logical Analysis of a Language. Languages of the Dynamic World). Dubna: Mezhdunarodnyi universitet prirody, obshchestva i cheloveka "Dubna", 53–66. (In Russian)].
- Нагорная А. В. Метафтонимия в сфере концептуализации эмоций в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). С. 128–134. [Nagornaya, Aleksandra V. (2013) *Metaftonimiya v sfere kontseptualizatsii emotsii v sovremennom angliiskom yazyke* (Metaphonymy in Emotion Conceptualization in Modern English). *Philology. Theory and Practice*, 11 (29), 128–134. (In Russian)].
- Никишина И. Ю. Особенности лексикализации концепта *anger* в языке художественной литературы на английском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2008. № 1. С. 97–103. [Nikishina, Irina Yu. (2008) *Osobennosti leksikalizatsii kontsepta anger v yazyke khudozhestvennoi literatury na angliiskom yazyke* (Specific Features of Lexicalization of Concept of Anger in English Literature). *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*, 1, 97–103. (In Russian)].
- Облецова Е. В. Эмоциональные концепты PASSION и EMOTION как смежные концептуальные сущности в английской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84). С. 135–138. [Obletsova, Elena V. (2018) *Emotsional'nye kontsepty PASSION i EMOTION kak smezhnye kontseptual'nye sushchnosti v angliiskoi yazykovoi kartine mira*. (Emotional concepts PASSION and EMOTION as related conceptual entities in the English-language world view). *Philology. Theory and Practice*. 2018, 6(84), 135–138. (In Russian)].
- Орипова М. Х. К вопросу об исследовании фразеологических единиц, выражающих эмоции человека, в разнотемных языках // Вестник ТГУПИП. 2015. № 4 (65). С. 112–119. [Oripova, Musavara K. (2015) *K voprosu ob issledovanii frazeologicheskikh edinit, vyrazhayushchikh emotsii cheloveka, v raznosistemnykh yazykakh* (To the Issue of Researching Phraseological Units Expressing Emotions of Man in

- Languages of Different Structures). *Bulletin of TSULBP*, 4 (65), 112–119. (In Russian)].
- Семенова Т. И. Интерпретирующий потенциал английского прогрессива в категоризации эмоциональных состояний // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 48. С. 85–96. [Semenova, Tatiana I. (2019) Interpretiruyushchii potentsial angliiskogo progressiva v kategorizatsii emotsional'nykh sostoyanii (The Interpretative Function of the English Progressive in Conceptualizing Emotional States). *LUNN Bulletin*, 48, 85–96. (In Russian)].
- Скорик Н. В. Языковая репрезентация эмоциональной парадигмы: на материале фразеологии английского языка. М.: Прометей, 2013. [Skorik, Nadezhda V. (2013) *Yazykovaya reprezentatsiya emotsional'noi paradigmy: na materiale frazeologii angliiskogo yazyka* (Linguistic Representation of Emotional Paradigm: Based on Phraseology of English Language). Moscow: Prometei. (In Russian)].
- Токарев С. А. Мифы народов мира. В 2-х томах. М.: Советская энциклопедия, 1980. [Tokarev, Sergei A. (1980) *Mify narodov mira. V 2-kh tomakh* (Myths from Around the World. In Two Volumes). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)].
- Устарханов Р. И. Метафтонимия: механизм, процесс, концептуальный феномен // Когнитивно-семантические исследования предложения и текста. Межвузовский сборник научных трудов. Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 2003. С.101–106. [Ustarkhanov, Rashid I. (2003) Metaftonimiya: mekhanizm, protsess, kontseptual'nyi fenomen (Metaphtonymy: Mechanism, Process, Conceptual phenomenon). In *Kognitivno- semanticheskie issledovaniya predlozheniya i teksta. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (Cognitive and Semantic Researches of Sentences and Texts: Inter-university Collections of Papers). Pyatigorsk: Izdatel'stvo PGLU, 101–106. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. [Shakhovskii, Viktor I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* (Linguistic Theory of Emotions). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Яблокова Т. Н. Современные подходы к изучению эмоций в лингвистике (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-2 (60). С. 180–183. [Yablokova, Tat'yana N. (2016) *Sovremennye podkhody k izucheniyu emotsii v lingvistike (na materiale angliiskogo yazyka)* (Modern Approaches to Studying Emotions in Linguistics (by the Material of the English Language). *Philology. Theory and Practice*, 6-2 (60), 180–183. (In Russian)].
- Яблокова Т. Н. Концептуализация эмоциональной амбивалентности (на материале современного английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). С. 184–189. [Yablokova, Tat'yana N. (2017) *Kontseptualizatsiya emotsional'noi ambivalentnosti (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka)*. *Philology. Theory and Practice*, 11 (77), 184–189. (In Russian)].
- Bowdle, Brian, & Gentner, Dedre. (2005) The Career of Metaphor. *Psychological Review*, 112 (1), 193–216.
- Croft, William, & Cruse, Alan. (2004) *Cognitive Linguistics*. New York: Cambridge University Press.
- Evans, Vyvyan, & Green, Melanie. (2006) *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

- Geeraerts, Dirk, & Cuyckens, Hubert. (2007) *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Gentner, Dedre. (1983) Structure-mapping: A Theoretical Framework for Analogy. *Cognitive Science*, 7, 155–170.
- Glucksberg, Sam, & Keysar, Boaz. (1990) Understanding Metaphorical Comparisons: Beyond similarity. *Psychological Review*, 97, 3–18.
- Goossens, Louis. (1990) Metaphonymy: the Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action. *Cognitive Linguistics*, 1 (3), 323–342.
- Knuuttila, Simo. (2004) *Emotions in Ancient and Medieval Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
- Kovesces, Zoltan. (2000) *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lim, Nangyeon. (2016) Cultural Differences in Emotion: Differences in Emotional Arousal Level between the East and the West. *Integrative Medicine Research*, 5 (2), 105–109.
- Philippot, Pierre, & Rime, Bernard. (1997) The Perception of Bodily Sensations During Emotion: A Cross-cultural Perspective. *Polish Psychological Bulletin*, 28 (2), 1–19.
- Ruiz de Mendoza, Francisco. (2003) The Role of Mapping and Domains in Understanding Metonymy. In *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 109–132.
- Radden, Gunter. (2003) How Metonymic Are Metaphors? In *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 407–435.
- Riemer, Nick. (2001) Remetonymizing Metaphor: Hypercategories in Semantic Extension. *Cognitive Linguistics*, 12 (4), 379–401.
- Taylor, John R. (2003) Category Extension by Metonymy and Metaphor. In *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 323–349.
- Tendahl, Markus. (2009) *A Hybrid Theory of Metaphor: Relevance Theory and Cognitive Linguistics*. New York: Palgrave Macmillan.
- Turner, Mark, & Fauconnier, Gilles. (1995) Conceptual Integration and Formal Expression. *Metaphor and Symbolic Activity*, 10 (3), 1–32.
- Soares da Silva, Augusto. (2020) Exploring the Cultural Conceptualization of Emotions across National Language Varieties: a Multifactorial Profile-based Account of Pride in European and Brazilian Portuguese. *Review of Cognitive Linguistics*, 18 (1), 42–74.
- Niemeier, Susanne, & Dirven, Rene. (1997) *The Language of Emotions: Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
- Zhou, Pin, Critchley, Hugo, Garfinkel, Sarah, & Gao, Ya. (2021) The Conceptualization of Emotions across Cultures: a Model Based on Interoceptive Neuroscience. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 125, 314–327.

Словари / Dictionaries

- Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС 1999. [Tresidder, Jack. (1999) *Slovar' simvolov* (Dictionary of Symbols). Moscow: FAIR- PRESS. (In Russian)].
- Siefring, Judith. (2005) *Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378+81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-156-170

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОДА КАК ОСНОВА МЕДИАБЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТОВ МНОГОПРОФИЛЬНОГО ВУЗА

Е. В. Аликина, М. Ю. Аликин, Д. В. Мальцев

Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, Пермь, Россия

В статье раскрывается сущность понятий «цифровая грамотность» и «медиабезопасность» применительно к профессиональной деятельности преподавателей многопрофильного вуза. Особое внимание уделяется роли преподавателей языков и перевода в воплощении возможностей и преимуществ цифровой трансформации и сокращении ее рисков для участников образовательного процесса. Приводятся анализ результатов научно-исследовательской и научно-методической деятельности преподавателей языковых кафедр обеспечивающего и выпускающего направлений, а также примеры педагогической практики, иллюстрирующие вклад в обеспечение медиабезопасности студентов как критического компонента информационной безопасности.

Ключевые слова: цифровая грамотность; медиабезопасность; преподаватель; обучение языкам; обучение переводу; многопрофильный вуз.

Цитирование: Аликина Е. В., Аликин М. Ю., Мальцев Д. В. Цифровая грамотность преподавателя языков и перевода как основа медиабезопасности студентов многопрофильного вуза // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 156–170. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-156-170.

Digital Literacy of Language and Translation Teachers as the Basis for Media Safety of University Students

Elena V. Alikina, Mikhail Yu. Alikin, Dmitriy V. Maltsev
Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

The article considers the concepts of 'digital literacy' and 'media security' in relation to the professional pedagogical activity of instructors in multidisciplinary universities. Special atten-

tion is given to the role of language and translation teachers in providing the opportunities and benefits of digital transformation and reducing its risks for all participants of the educational process. The article analyzes the current literature, discusses outcomes of research and methodological work carried out by the faculty from language departments that train both language-major and non-language-major students, and examines specific examples of pedagogical practices that contribute to better media security of students as a critical element of information security.

Key words: digital literacy; media security; teacher; language teaching; translation training; multidisciplinary university.

Citation: Alikina, Elena V., Alikin, Mikhail Yu., Maltsev, Dmitry V. (2022) Digital Literacy of Language and Translation Teachers as the Basis for Media Safety of University Students. *LUNN Bulletin*, 4 (60), 156–170. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-156-170.

1. Введение

В современном информационном обществе одним из ведущих образовательных трендов является цифровизация, предполагающая адаптацию и взаимодействие цифровых и педагогических технологий (Максименко, Чекалина 2022). Это проявляется во внедрении цифровых инструментов и технологий в традиционные образовательные программы и учебные дисциплины, в развитии онлайн-образования, в создании виртуальных образовательных сред, в изменении подхода к управлению образовательными организациями и т. д. (Аймалетдинов, Баймуратова, Зайцева, Имаева, Спиридонова 2019).

Философия цифровизации образования разнопланово и широко отражена в научной литературе последних лет (Трудности и перспективы... 2019; Дидактическая концепция... 2020; Максименко, Чекалина 2022). Необходимо отметить, что освещение проблем цифровизации характеризуется высоким уровнем междисциплинарной интеграции и межпрофессионального сотрудничества специалистов инженерно-технологического (математиков, программистов, электротехников, аналитиков и др.) и социально-гуманитарного (экономистов, социологов, философов, юристов, педагогов, культурологов и др.) профилей.

В рамках данной статьи остановимся на роли преподавателей языков и перевода в воплощении возможностей и преимуществ цифровой трансформации, а также минимизации ее угроз и рисков для участников образовательного процесса, сосредоточив внимание на медиабезопасности как компоненте целостной системы информационной безопасности.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве модели образовательного пространства нами рассматривается многопрофильный вуз, характеризующийся высокой концентрацией

интеллектуальных, кадровых, методических и технологических ресурсов и открывающий для преподавателя-лингвиста наиболее широкие перспективы интегративной педагогической деятельности.

Языковая кафедра многопрофильного вуза в большинстве случаев является одновременно обеспечивающей и выпускающей. В качестве примеров можно привести институты и кафедры Московского, Санкт-Петербургского, Томского, Пермского политехнических университетов и др. Обеспечивающее направление такого структурного подразделения связано с преподаванием цикла языковых дисциплин («Иностранный язык», «Деловой иностранный язык», «Русский язык и культура речи», «Русский язык как иностранный», «Научная коммуникация на иностранном языке» и др.) для обучающихся всех образовательных уровней (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура) инженерно-технических и социально-экономических направлений подготовки. Преподаваемые дисциплины участвуют в формировании универсальных и общепрофессиональных компетенций, объединенных в такие группы, как «Системное и критическое мышление», «Коммуникация», «Межкультурное взаимодействие», «Информационная культура», «Разработка документации» и др. Выпускающее (профильное) направление деятельности языковой кафедры реализуется через программы основного и дополнительного лингвистического образования и нацелено на достижение образовательных результатов по группам общепрофессиональных и профессиональных компетенций, таким как «Лингвистическая подготовка», «Лингводидактическая подготовка», «Иноязычная коммуникация», «Межъязыковое взаимодействие (устный и письменный перевод)», «Информационно-технологическая грамотность» и др.

Перечисленные группы универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций имеют отношение не только к обучению языкам и переводу специалистов разных сфер деятельности, но, на более глобальном уровне, связаны с важнейшими понятиями, сопровождающими цифровую трансформацию, а именно «информационная безопасность» и «медиабезопасность».

По результатам терминологического исследования И. А. Фатеевой установлено, что в современной речевой практике слова «информационная безопасность» и «медиабезопасность» используются как синонимы, лексема «медиабезопасность», несмотря на высокую социальную значимость данного феномена, даже не включается в словари (Фатеева 2018). Вместе с тем наряду с правовой, экономической, экологической, социальной, технологической и другими видами безопасности информационная безопасность и медиабезопасность входят в общее поле понятия «безопасность жизнедеятельности». При этом если информационная безопасность в самом широ-

ком смысле трактуется как защищенность информации, информационных ресурсов, то медиабезопасность представляет собой защищенность личности от недостоверной или опасной информации (Дзялошинский 2017). Из этого следует, что, если в рамках многопрофильного вуза формирование компетенций, имеющих отношение к информационной безопасности, традиционно осуществляется преподавателями информатики, информационных технологий, безопасности жизнедеятельности, обеспечение основ медиабезопасности закономерно ожидается от преподавателей родного и иностранного языков, что значительно расширяет поле их профессиональных обязанностей и выдвигает особые критерии профессиональной пригодности. Ключевым из таких требований нам видится цифровая грамотность (понятие введено в 1997 г. П. Гилстером [Gilster 1997]) как владение базовыми знаниями, навыками и установками, необходимыми для жизни в цифровом обществе. Можно предположить, что чем выше цифровая грамотность преподавателя, тем более эффективно происходит овладение основами медиабезопасности со стороны студентов.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Современный подход к определению цифровой грамотности базируется на трактовке комиссии по образованию ООН, согласно которой это способность безопасно и надлежащим образом управлять, понимать, интегрировать, обмениваться, оценивать, создавать информацию и получать доступ к ней с помощью цифровых устройств и сетевых технологий для участия в экономической и социальной жизни (A Global Framework 2018). Применительно к академической среде цифровая грамотность определяется как готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе; способность работать в условиях смешанной образовательной среды, учитывать особенности учения и обучения в «живом» и виртуальном пространствах (Дидактическая концепция... 2020).

В 2019 г. специалистами аналитического центра НАФИ было проведено масштабное социологическое исследование, оценивающее уровень цифровой грамотности преподавателей российских вузов (Аймалетдинов, Баймуратова, Зайцева, Имаева, Спиридонова 2019). По результатам онлайн-опроса, проведенного по структурированной анкете, включающей закрытые и открытые вопросы, было установлено, что 90 % участников (общая выборка составила 634 чел.) не испытывают трудности при работе на компьютере и в интернете, при этом около 70 % респондентов проявляют интерес к новым цифровым ресурсам и продуктам и около 60 % активно пользуются в своей профессиональной деятельности социальными сетями. Установлено также, что треть преподавателей высшей школы считают себя и своих коллег неуве-

ренными пользователями цифровых технологий, выделяется и группа тех, кто вовсе их не использует в своей педагогической практике (Аймалетдинов, Баймуратова, Зайцева, Имаева, Спиридонова 2019).

Опираясь на методику НАФИ, мы провели опрос научно-педагогических работников многопрофильного политехнического университета, разделив их на две группы по 30 человек в каждой: 1) преподаватели инженерно-технических и социально-экономических дисциплин (условная группа «неязыковые кафедры») и 2) преподаватели языков и перевода (условная группа «языковая кафедра»). В опросе требовалось оценить по 10-балльной шкале уровень цифровой грамотности коллег. Результаты приведены в Таблице 1:

Таблица 1. Результаты опроса преподавателей языковых и неязыковых кафедр

Суждение	Средний балл	
	Преподаватели неязыковых кафедр	Преподаватели языковой кафедры
Мои коллеги уверенно пользуются цифровыми технологиями	3,9	6,8
Мои коллеги не испытывают трудности в работе на компьютере и других цифровых устройствах	2,6	6,6
Мои коллеги активно используют интернет	6,2	8,7
Мои коллеги интересуются новыми приложениями, программами, ресурсами	3,3	7,2
Мои коллеги активно пользуются социальными сетями и мессенджерами	4,3	8,4

Анализ полученных данных, с одной стороны, показывает, что в глазах своих коллег преподаватели языков и перевода демонстрируют более высокий уровень цифровой грамотности, нежели преподаватели других кафедр, при этом наибольшая разница отмечается в активности обращения к социальным сетям и мессенджерам. Устные беседы подтвердили, что именно преподаватели языковой кафедры чаще создают рабочие чаты и группы в социальных сетях для коммуникации как с коллегами, так и со студентами, тогда как преподаватели, например, технических кафедр

предпочитают вести переписку и обмен учебной документацией посредством электронной почты. С другой стороны, можно заключить, что преподаватели неязыковых кафедр более критично относятся к своим коллегам, нежели преподаватели языковой кафедры, что объясняется большей осведомленностью о сложностях и комплексности технических вопросов.

Если обратиться к научно-исследовательской деятельности преподавателей российских вузов, то наукометрический анализ диссертационных работ по педагогике (по научным специальностям 13.00.02 / 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания, 13.00.08 Теория и методика профессионального образования / 5.8.7. Методология и технология профессионального образования) показывает, что в период с 2014 по 2022 г. к защите было представлено 189 исследований (50 и 139 соответственно по двум научным специальностям), имеющих опосредованное отношение к цифровой трансформации, среди них: по проблемам применения ИКТ в образовательном процессе (70 работ); формирования информационной культуры и информационной компетентности (45 работ); обучения информационно-поисковой и аналитической деятельности (7 работ); обучения информационной безопасности и защите информации (7 работ). Медиабезопасность как самостоятельный концепт в диссертациях по педагогике не рассматривалась, однако были защищены работы, посвященные аксиологическим установкам профессиональной деятельности в информационной среде (в частности, нормам поведения и ценностям информационного выбора для журналистов и т. д.), а также формированию медиакультуры и медиакомпетентности. В качестве субъектов исследований чаще всего выступают педагоги (учителя и преподаватели музыки, технологии, дизайна, иностранных языков, студенты педагогических вузов), специалисты в области ИТ, военные и экономисты. В исследованиях преподавателей языковых кафедр (их доля составляет около 15 % от общей выборки диссертаций) наиболее частотно рассмотрение проблем использования ИКТ как средства повышения эффективности обучения либо формирования информационной культуры будущих специалистов за счет богатого развивающего потенциала дисциплины «Иностранный язык» (Обухова 2018; Чичерина, Чичерина 2021).

Первые работы, напрямую тематически связанные с цифровизацией, появились в 2019 г. (на 2022 г. таких работ всего 19, из них 5 и 14 по двум вышеназванным специальностям). Ключевыми концептами исследований становятся «цифровая образовательная среда», «цифровое образовательное пространство», «цифровое обучение», «условия цифровизации» (8 работ); «цифровые технологии», в частности «цифровой учебник», «цифровые опоры», «цифровые ресурсы» (7 работ); «цифровая культура», «цифровая

грамотность», «цифровые компетенции» (4 работы) и др.

За три года исследовательский интерес российских ученых постепенно смещается с рассмотрения проблем адаптации педагогических практик к актуальному контексту развития образования на активный поиск способов формирования особо востребованных профессионально значимых качеств личности, цифровой культуры и грамотности, однако следует констатировать явный дефицит диссертационных работ второй группы. Схожая тенденция проявляется и в научных публикациях последних лет. Анализ статей по обучению родному и иностранным языкам показывает, что большая часть посвящена описанию возможностей применения ИКТ, на основе чего складывается новое образовательное и научное направление — цифровая лингводидактика (Тарева, Михайлова, Абдулмянова 2021; Чичерина, Чичерина 2021) как раздел цифровой дидактики (Jahnke, Anders 2013; Дидактическая концепция... 2020).

Применительно к дидактике перевода предметом исследования в большинстве случаев выступают цифровые инструменты в обучении письменному переводу (Quah 2006), однако новые реалии обусловили интерес к проблемам удаленного перевода (Калинин 2017; Гавриленко 2021) и технологиям дистанционного обучения устному переводу (Стрекаловская, Поршнева 2021).

Таким образом, в центре лингводидактических исследований стоит преимущественно проблема технологического оснащения цифрового пользователя, нежели развития его личностных способностей, в т. ч. способности противостоять информационным вызовам в эпоху цифровой трансформации. Яркими примерами исключений служат публикации Н. Ю. Хлызовой о педагогических условиях формирования медиакомпетентности вторичной языковой личности (Хлызова 2016); Н. Н. Гавриленко о цифровой компетентности переводчика как одном из ключевых компонентов его профессионализма (Гавриленко 2018); Е. Р. Поршневой, М. А. Красновой, М. В. Лебедевой о формировании личностного капитала как основы обучения межкультурному диалогу в цифровой среде (Поршнева, Краснова, Лебедева 2022).

Одним из значимых научных мероприятий, на котором поднимаются вопросы информационной безопасности в лингводидактическом аспекте, является Международный научно-образовательный форум «Языковая политика и лингвистическая безопасность», проводимый с 2018 г. в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова. Все более отчетливо в рамках программы данного форума формулируются темы дискуссий, соотносимые с вопросами лингвистической, лингвоцифровой и медиабезопасности. В частности,

С. В. Устинкин и И. М. Кувакова описывают роль лингвистической безопасности и преимущества применения дистанционных альтернативных сервисов в образовании (Устинкин, Кувакова 2018). Статья В. В. Сдобникова посвящена роли профессиональной переводческой деятельности в обеспечении лингвистической безопасности страны за счет сохранения чистоты родного языка (Сдобников 2022). В работе Б. А. Жигалева и А. А. Прохоровой выделяются преимущества и перспективы мультилингвального подхода в формировании лингвистической безопасности при обучении русскому языку иностранных студентов (Жигалев, Прохорова 2020). В докладах Е. И. Кузнецовой и Е. Е. Семенова осмысливается феномен медиабезопасности как одного из значимых факторов в формировании системы ответов на вызовы цифровизации (Кузнецова, Семенов 2019).

Для более детальной оценки цифровой грамотности преподавателей вузов в последние годы широко используется методика, предложенная специалистами исследовательского центра БРИКС (Chetty, Qigui, Nozibele, Jaya, Li, Chen 2017). В соответствии с данной методикой выделяются пять индикаторов цифровой грамотности (информационная, компьютерная, коммуникативная грамотность, медиаграмотность, отношение к технологиям), каждый из которых оценивается по трем аспектам (когнитивный, технологический, этический). Так, например, медиаграмотность в когнитивном аспекте предполагает понимание многообразия источников информации, форм и каналов ее распространения; в технологическом аспекте — умение искать информацию в разных источниках, проверять ее полноту и достоверность; в этическом аспекте — критичное отношение к информационным и новостным сообщениям.

В Таблице 2 представлено описание индикаторов цифровой грамотности по отношению к преподавателям языков и перевода.

Таблица 2. Индикаторы цифровой грамотности преподавателей языков и перевода

Индикаторы	Аспекты		
	Когнитивный	Технологический	Этический
Информационная грамотность	Понимание роли и степени влияния информации на родном и иностранном языках на будущую	Умение осуществлять поиск информации на родном и иностранном языках на разных цифровых	Понимание пользы и вреда информации на родном и иностранном языках для

Индикаторы	Аспекты		
	Когнитивный	Технологический	Этический
	профессиональную деятельность	ресурсах	профессионального становления обучающихся
Компьютерная грамотность	Понимание составляющих компьютера и других цифровых устройств как технических средств обучения языкам и переводу	Легкость в использовании цифровых устройств для обучения языкам и переводу вне зависимости от платформы или интерфейса	Понимание целей использования компьютера и цифровых устройств в обучении языкам и переводу
Коммуникативная грамотность	Понимание отличия цифровых коммуникаций от живого общения на родном и иностранном языках	Умение использовать в образовательном процессе современные средства коммуникации (социальные сети, мессенджеры) при организации общения на родном и иностранном языках	Осознание наличия особой цифровой этики и норм общения в цифровой среде на родном и иностранном языках
Медиаграмотность	Понимание многообразия источников информации, форм и каналов ее распространения на родном и иностранном языках	Умение искать информационные и новостные сообщения при отборе дидактического материала, проверять их полноту и достоверность	Критичное и ответственное отношение к информационным и новостным сообщениям на родном и иностранном языках

Индикаторы	Аспекты		
	Когнитивный	Технологический	Этический
			ках при отборе дидактического материала
Отношение к технологиям	Понимание основных технологических трендов	Готовность работать с новыми технологиями обучения языкам и переводу	Понимание пользы технологических инноваций для иноязычного и переводческого образования, а также личного профессионального саморазвития

Приведенные выше индикаторы находят отражение в различных моделях цифровой грамотности преподавателя. Среди них наибольшую известность получили Европейская рамка цифровых компетенций *DigCompEdu* (Redecker 2017), структура ИКТ-компетенций учителей ЮНЕСКО (UNESCO ICT 2018), модель Технологических педагогических знаний *TPACK* (Technological Pedagogical Content Knowledge) (Koehler, Mishra, Cain 2009) и др. Приведем примеры из практики работы преподавателей языковых кафедр, демонстрирующие высокий уровень цифровой грамотности в соответствии с моделью *DigCompEdu*, включающей шесть блоков:

1) *Профессиональные обязанности* — использование цифровых технологий для коммуникации, сотрудничества с коллегами, студентами, научной и профессиональной общественностью. Среди постоянных профессиональных мероприятий в Сети, способствующих содержательному повышению квалификации преподавателей перевода, следует назвать высокорепутационные вебинары «Школы дидактики перевода» (<https://gavrilenko-nn.ru/video>), «Переводческие пятницы» Академии профессионального перевода (<https://acadtt.ru/fridays/>), онлайн-лекции Школы

перевода и иностранных языков СпбГУ (<https://www.perevod.spbu.ru/calendar/>) и др.

2) *Цифровые ресурсы* — поиск, оценка, модификация, распространение имеющихся цифровых материалов, управление цифровым контентом с сохранением авторских прав и защитой личных данных. В качестве примера можно привести большое число книг по теории и практике языка (русского и иностранных) на издательской платформе «Юрайт» (<https://urait.ru/>), позволяющей делать электронные закладки и добавлять цитаты, формировать электронную библиотеку под каждую учебную группу или курс. Другим примером может служить работа с медийными источниками и поиск оригинальных текстов, для того чтобы четко отделять «перевод с идеологической манипуляцией или без нее» (Гамбье 2016: 69).

3) *Преподавание и учеба* — создание, планирование и внедрение цифровых технологий на разных этапах обучения при активном участии студентов. Примером может служить совместное создание интеллект-карт для систематизации лексики на платформах интерактивных онлайн-досок *Miro, Padlet, Twiddla* и др.

4) *Оценка обучающихся* — применение цифровых технологий оценивания (в т. ч. с элементами геймификации) на основе анализа большого объема сведений о студентах и их активностях в цифровой среде. Многие преподаватели языков и перевода успешно освоили и широко внедряют в практику совместное редактирование и комментирование текстов на облачных сервисах, создают интерактивные контрольно-измерительные материалы в виде онлайн-кроссвордов, викторин, тестов, квестов и т. п.

5) *Расширение прав, возможностей и самостоятельности обучающихся в учебном процессе* — адаптация учебной деятельности под индивидуальные особенности студентов, их интересы и потребности, что позволяет реализовать принципы дифференциации и персонализации. Практика доказывает особую успешность внедрения программ инклюзивного образования с применением дистанционных технологий обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья письменному переводу, локализации, субтитрованию.

6) *Развитие цифровой компетенции обучающихся* за счет обучения работе со специализированным программным обеспечением, необходимым будущим переводчикам «для создания баз переводческой памяти, выравнивания текстов, управления терминологией, проверки правописания и грамматики, доступа к электронным корпусам и осуществления поиска по ним, выполнения машинного перевода» (Гамбье 2016: 62). Особого внимания заслуживают обсуждения на занятиях по переводу правил сетевого этикета, в т. ч. в межкультурном преломлении, разбор кейсов профессио-

нальной переводческой деонтологии, особенно по разделам, связанным с конфиденциальностью, ответственностью и защитой интеллектуальной собственности, а также возможностей применения цифровых технологий в устном переводе (Аликина, Коваленко, Наугольных 2017).

Перечень практических примеров может быть расширен и уточнен применительно к конкретной языковой комбинации, к обучению языку как родному или иностранному, к подготовке устных или письменных переводчиков той или иной профессиональной отрасли. Согласимся с мнением Н. М. Духаниной о том, что интеграция медиаобразования с курсом иностранного языка является наиболее эффективной и перспективной, поскольку в основе двух явлений лежит процесс обмена информацией (Духанина 2014), однако подчеркнем, что это требует высокого профессионального уровня когнитивной, технологической и этической готовности преподавателя.

4. Заключение

Таким образом, анализ научно-исследовательской, научно-методической и практической педагогической деятельности преподавателей языков и перевода, работающих по выпускающему и обеспечивающему направлениям языковых кафедр многопрофильных вузов, позволяет заключить, что именно они в силу высокого уровня цифровой грамотности способны и готовы вносить значимый вклад в обеспечение медиабезопасности студентов и овладение гуманитарными основами информационной безопасности.

Список литературы / References

- Аймалетдинов Т. А., Баймуратова Л. Р., Зайцева О. А., Имаева Г. Р., Спиридонова Л. В. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. М.: Изд-во НАФИ, 2019. [Ajmaletdinov, Timur A., Baymuratova, Leysan R., Zaitseva, Olga A., Imaeva, Guzeliya.R., & Spiridonova, Lyudmila V. (2019) *Cifrovaya gramotnost' rossijskih pedagogov. Gotovnost' k ispol'zovaniyu cifrovyyh tekhnologij v uchebnom processe* (Digital Literacy of Russia Educators. Capability to Use Digital Technology in Education). Moscow: NAFI (In Russian)].
- Аликина Е. В., Коваленко М. П., Наугольных А. Ю. Устный последовательный перевод в цифровую эпоху // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 4-2. С. 6–10. [Alikina, Elena V., Kovalenko, Marina P., & Naugolnykh, Anton Yu. (2017) *Ustnyj posledovatel'nyj perevod v cifrovuyu epohu* (Consecutive Interpreting in Digital Age). *Modern Studies of Social Issues*, Vol. 8 (4-2), 6–10. (In Russian)].
- Гавриленко Н. Н. Цифровая компетентность — ключевой компонент профессионализма переводчика // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 3. С. 139–150. [Gavrilenko, Nataliya N. (2018) *Cifrovaya kompetentnost' — klyuchevoj komponent professionalizma perevodchika* (Digital Competence as a Key Component of the Translator's Professionalism). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 3, 139–150. (In Russian)].

- Гавриленко Н. Н. Переводчик 2030: профессиональный взгляд в будущее // Вопросы методики преподавания в вузе. 2021. Т. 10. № 38. С. 85–90. [Gavrilenko, Nataliya N. (2021) *Perevodchik 2030: professional'nyj vzglyad v budushchee* (Translator 2030: Professionals' Outlook). *Teaching Methodology in Higher Education*, 10 (38), 85–90. (In Russian)].
- Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2016. № 4. С. 56–74. [Gambier, Yves. (2016) *Perevod i perevodovedenie na perekrestke cifrovyyh tekhnologij* (Translation and Translation Studies at the Crossroads of Digital Communications). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 4, 56–74. (In Russian)]. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.405.
- Дзялошинский И. М. Медиаиндустрия как источник угроз: модели защиты // Актуальные вопросы теории и практики медиаобразования в педагогической сфере: Колл. монография. М.: МПГУ, 2017. С. 49–79. [Dzyaloshinskij, Iosif M. (2017) *Mediaindustriya kak istochnik ugroz: modeli zashchity* (Media Industry as a Source of Threats: Protection Models). In *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki mediaobrazovaniya v pedagogicheskoy sfere: koll. monografiya* (Topical Issues in Theory and Practice of Media Education in Pedagogical Field: Collective Monograph). Moscow: MPGU, 49–79. (In Russian)].
- Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения: Колл. монография / Под науч. ред. В. И. Блинова. М.: РАНХиГС. 2020. [Blinov, Vladimir I. (scien. ed.) *Didakticheskaya koncepciya cifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya* (Didactic Concept of Digital Professional Training and Education) (2020). Moscow: RANEP. (In Russian)].
- Духанина Н. М. Медиаобразовательный подход к обучению иностранным языкам // Медиаобразование как фактор оптимизации российского медиапространства: Колл. монография / отв. ред. И. В. Жилавская, Т. Н. Владимирова. М.: РИЦ МГТУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 338–347. [Dukhanina, Natalya M. (2014) *Mediaobrazovatel'nyj podhod k obucheniyu inostrannym yazykam* (Media Education Approach to Language Learning). In Zhilavskaya, Irina V., & Vladimirova, Tatyana N. (eds.) *Mediaobrazovanie kak faktor optimizacii rossijskogo mediaprostranstva: koll. monografiya* (Media Education as a Factor of Optimizing Russian Media Space). Moscow: RITs MGTU im. M. A. Sholokhova, 338–347. (In Russian)].
- Жигалев Б. А., Прохорова А. А. Лингвистическая безопасность России в модусе мультилингвизма // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 139–152. [Zhigalev, Boris A., & Prokhorova, Anna A. (2020) *Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii v moduse mul'tilingvizma* (Linguistic Security of Russia in the Mode of Multilingualism). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 139–152. (In Russian)].
- Калинин А. Ю. Информационно-коммуникационные технологии в обучении устному переводу: компьютерные средства и мультимедиа-контент // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 131–139. [Kalinin, Andrey Yu. (2017) *Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii v obuchenii ustnomu perevodu: komp'yuternye sredstva i mul'timedia-kontent* (Information and Communication Technology in Interpreter Training: E-tools and Multimedia Content). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 2, 131–139. (In Russian)].
- Кузнецова Е. И., Семенов Е. Е. Медиабезопасность в проблематике рисков современного цифрового общества // Языковая политика и лингвистическая безопасность: Мат-лы III Междунар. научно-образ. форума. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. С. 46–50. [Kuznecova, Elena I., & Semenov, Evgeniy E. (2019) *Mediabezopasnost' v problematike riskov sovremennogo cifrovogo obshchestva* (Media Security in the Problem of Risks in Modern Digital Society). In *Language Policy and Linguistic Security: Pro-*

- ceedings of III International Scientific and Educational Forum. Nizhny Novgorod: NGLU, 46–50. (In Russian)].*
- Максименко Н. В., Чекалина Т. А. Обзор моделей цифровых компетенций преподавателя в условиях трансформации образовательного процесса // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 2 (46). С. 41–50. [Maksimenko, Natalya V., & Chekalina, Tatyana A. (2022) Obzor modelej cifrovyykh kompetencij prepodavatelya v usloviyakh transformacii obrazovatel'nogo processa (Review of Models of Digital Competences of a Teacher in Conditions of Transformation of the Educational Process). *Professional Education in Russia and Abroad*, 2 (46), 41–50. (In Russian)].
- Обухова Л. Ю. Иностранный язык как фактор, формирующий социальную позицию российского студента // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 41. С. 204–213. [Obukhova, Larisa Yu. (2018) Inostrannyj yazyk kak faktor, formiruyushchij social'nyu pozitsiyu rossijskogo studenta (Foreign Language as a Factor in Shaping Russian Students' Social Attitudes). *LUNN Bulletin*, 41, 204–213. (In Russian)].
- Поршнева Е. Р., Краснова М. А., Лебедева М. В. Формирование личностного капитала как основы обучения диалогу культур в цифровой среде // Язык и культура. 2022. № 59. С. 75–93. [Porshneva, Elena R., Krasnova, Maria A., & Lebedeva, Marina V. (2022) Formirovanie lichnostnogo kapitala kak osnovy obucheniya dialogu kul'tur v cifrovoj srede (Formation of Personal Capital as the Basis for Teaching Intercultural Dialogue in the Digital Environment). *Language and Culture*, 59, 75–93. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Перевод и лингвистическая безопасность // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 93–108. [Sdobnikov, Vadim V. (2022) Perevod i lingvisticheskaya bezopasnost' (Translation and Linguistic Security). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 93–108. (In Russian)].
- Стрекаловская Ю. О., Поршнева Е. Р. Дистанционное обучение устному переводу как инновационное решение проблемы освоения устной переводческой деятельности в экстремальных условиях // Педагогическое образование: новые вызовы и цели. VII Междунар. форум по педагогическому образованию: Сб. науч. тр. Казань: КФУ, 2021. С. 172–179. [Strekalovskaya, Yulia O., & Porshneva, Elena R. (2021) Distancionnoe obuchenie ustnomu perevodu kak innovacionnoe reshenie problemy osvoeniya ustnoj perevodcheskoj deyatel'nosti v ekstremal'nyh usloviyakh (Distance Interpreters' Training as an Innovative Solution to the Problem of Extreme Conditions for Interpretation Mastering). In *Pedagogicheskoe obrazovanie: novye vyzovy i celi. VII Mezhdunar. forum po pedagogicheskomu obrazovaniyu: sb. nauch. tr.* (Pedagogical Education: New Challenges and Goals. VII International Forum on Pedagogical Education: Collection of Proceedings). Kazan: KFU, 172–179. (In Russian)].
- Тарева Е. Г., Михайлова С. В., Абдулмянова И. Р. Программа магистерской подготовки «Цифровая лингводидактика»: от идеи до реализации // eLearning Stakeholders and Researchers Summit: Мат-лы междунар. конф., Москва, 1–2 декабря 2020. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. С. 39–47. [Tareva, Elena G., Mihajlova, Svetlana V., & Abdulmyanova, Indira R. (2021) Programma magisterskoj podgotovki «Cifrovaya lingvodidaktika»: ot idei do realizacii (Master program “Digital linguodidactics”: from Idea to Realisation). In *eLearning Stakeholders and Researchers Summit 2020: Proceedings of the International Conference, Moscow, 2020, December 1–2*. Moscow: Izd. dom VShE, 39–47. (In Russian)].
- Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. [Uvarov, Aleksandr Yu., & Frumin,

- Isak D. (eds.) (2019) *Trudnosti i perspektivy cifrovoj transformacii obrazovaniy* (Difficulties and Perspectives of Digital Education Transformation). Moscow: Izd. dom VShE. (In Russian)].
- Устинкин С. В., Кувакова И. М. Лингвистическая безопасность России и ДАС — дистанционные альтернативные сервисы в образовании // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 127–138. [Ustinkin, Sergey V., & Kuvakova, Irina M. (2020) Lingvisticheskaya bezopasnost' Rossii i DAS — distancionnye al'ternativnye servisy v obrazovanii (Linguistic Security of Russia and DAS (Distance Alternative Services) in Education). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 127–138. (In Russian)].
- Фатеева И. А. Что такое медиабезопасность, и как она соотносится с информационной безопасностью? // Экология медиасреды: Мат-лы III Открытой межвуз. научно-практ. конф. М.: Изд-во МПГУ, 2018. С. 98–107. [Fateeva, Irina A. (2018) Chto takoe mediabezopasnost', i kak ona sootnositsya s informacionnoj bezopasnost'yu? (What Is Media Safety and How Does It Relate to Information Security?). In *Ekologiya mediasredy: Mat-ly III Otkrytoy mezhvuz. nauchno-prakt. kon.* (Ecology of Media Space: Proceedings of III Open Interuniversity Scientific and Practical Conference). Moscow: MPGU, 98–107. (In Russian)].
- Хлызова Н. Ю. Структурные компоненты медиакomпетентности вторичной языковой личности // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 3. С. 181–189. [Khlyzova, Natalya Yu. (2016) Strukturnye komponenty mediakompetentnosti vtorichnoj yazykovoj lichnosti (Structural Components of Media Competence of the Secondary Language Personality). *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 3, 181–189. (In Russian)].
- Чичерина М. М., Чичерина Ю. В. Современный цифровой учебник по иностранному языку: структура и содержание // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 131–142. [Chicherina, Milana M., & Chicherina, Yulia V. (2021) Sovremennyyj cifrovoj uchebnik po inostrannomu yazyku: struktura i sodержanie (Modern Digital Foreign Language Textbooks: Structure and Content). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 131–142. (In Russian)].
- A Global Framework of Reference on Digital Literacy Skills for Indicator. (2018) Montreal: UNESCO Institute for Statistics.
- Chetty, Krish, Qigui, Liu, Nozibele, Gcora, Jaya, Josie, Li, Wenwei, & Chen Fang. (2017) Bridging The Digital Divide: Measuring Digital Literacy. *Economics E-Journal*, 12 (1), 1–8. Retrieved from <http://www.economics-ejournal.org/economics/journalarticles/2018-23/>.
- Gilster, Paul. (1997) *Digital Literacy*. New York: Wiley.
- Jahnke, Isa, & Anders, Norberg. (2013) Digital Didactics: Scaffolding a New Normality of Learning. *Open Education 2030: Contributions to the JRC-IPTS Call for Vision Papers. Part III: Higher Education*, 129–134.
- Koehler, Matthew, Mishra, Punya, & Cain, William. (2009) What Is Technological Pedagogical Content Knowledge (TPACK)? *Contemporary Issues in Technology and Teacher Education*, 9 (1), 60–70.
- Quah, Chiew K. (2006) *Translation and technology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Redecker, Christine. (2017) *European Framework for the Digital Competence of Educators: DigCompEdu*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- UNESCO ICT Competency Framework for Teachers. Ver 3.0. (2018). Paris: UNESCO.

УДК 378+81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-171-191

ПЕРЕВОДЧИК И СЛЕСАРНЫЙ ВЕРСТАК: УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ ПЕРЕВОДУ

Т. А. Волкова, В. В. Сдобников

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье раскрывается значимость организации проектной деятельности студентов-переводчиков, в частности, в рамках учебной практики для формирования как собственно профессиональных, так и надпрофессиональных компетенций. Проектное обучение осуществляется на основе принципов социального конструктивизма, принятого в зарубежной педагогике, предполагающих погружение студентов в широкий контекст профессиональной деятельности. Проектная деятельность в рамках учебной практики может проводиться как в форме выполнения реальных заказов, так и в виде имитационного проекта с конкретным переводческим заданием, что позволяет студентам осознать цель реализации проекта и конкретные задачи, которые должны быть решены. Опираясь на собственный опыт организации проектной деятельности студентов в рамках учебной практики, авторы рассматривают основные компоненты проекта, к которым помимо собственно выполнения перевода относятся проведение установочной и итоговой конференций, составление глоссария, редактирование перевода, обеспечение взаимодействия отдельных исполнителей, осуществление контроля за их деятельностью, представление отчета о ходе реализации проекта с изложением основных проблем, с которыми столкнулись студенты. В комментариях исполнителей описаны организация работы над проектом, экстралингвистические и лингвистические трудности перевода, процесс редактирования и используемые справочные ресурсы. Авторы также рассматривают основные ошибки в текстах перевода, а именно: фактические, то есть смысловые ошибки, избыточная генерализация или опущения, ошибки, связанные с непониманием предметной области, неверный выбор лексических соответствий, нарушения узуса переводящего языка и конвенций текста, принятых в данной предметной области, орфографические и пунктуационные ошибки. Приводятся методические замечания по итогам реализации проекта, позволяющие оптимизировать подобный формат организации обучения. Участие в проектной деятельности позволяет студентам не только понять особенности организации переводческого процесса, но и осознать, какие именно компетенции им необходимо развивать, чтобы быть успешными переводчиками.

Ключевые слова: проектное обучение; учебная практика; профессиональная компетенция; компоненты проектной деятельности; переводческие ошибки.

Цитирование: Волкова Т. А., Сдобников В. В. Переводчик и слесарный верстак: учебный проект по техническому переводу // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 171–191. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-171-191.

The Translator and the Fitter's Workbench: a Simulated Technical Translation Project

Tatiana A. Volkova, Vadim V. Sdobnikov

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article reveals the importance of implementing project-based learning in translator training to develop both professional and supraprofessional competences, as illustrated by project-based on-campus practical training. Project-based learning relies on the principles of social constructivism adopted in foreign pedagogy, which implies immersing students in a broad professional context. On-campus practical training may be based on authentic or simulated translation projects with a specific translation brief, making the students aware of the goal of the project and the specific tasks to be performed. Referring to our own experience in organizing project-based on-campus practical training, we describe the main components of the project. Those include, besides the actual translation, briefing and debriefing sessions, glossary compilation, translation revision, as well as team coordination and monitoring and reporting on the challenges that the students encounter. Students comment on the project organization, extralinguistic and linguistic translation problems, the revision process, and the reference resources they use. We also review the most common errors in target texts, namely, factual errors, overgeneralizations or omissions, errors related to poor understanding of the subject matter, inadequate lexical choices, violations of target language usage and relevant textual conventions, and spelling and punctuation errors. Some guidelines for enhancing this type of project-based learning are offered. Project-based learning facilitates students' understanding of both the translation process and the competences they need to develop for success.

Key words: project-based learning; on-campus practical training; professional competence; project-based learning components; translation errors.

Citation: Volkova, Tatiana A., Sdobnikov, Vadim V. (2022) The Translator and the Fitter's Workbench: a Simulated Technical Translation Project. *LUNN Bulletin*, 4 (60), 171–191. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-171-191.

1. Введение

В настоящее время формирование компетенций, необходимых переводчику для успешного выполнения своих задач на рынке труда, возможно только при условии существенного изменения самой парадигмы образования, и изменение это предполагает перенесение фокуса образовательной деятельности с преподавателя на студента. В результате студент перестает быть пассивным объектом, молча усваивающим знания, передаваемые ему преподавателем, а превращается в активного субъекта, самостоятельно ищущего, обретающего и использующего новые знания. При этом преподаватель перестает быть просто источником знания, а начинает выполнять функцию контроля за деятельностью студентов, направленной на нахождение, усвоение и практическое использование обретенного знания. Это вовсе не означает, что роль преподавателя утрачивает свою значимость. Напротив, роль преподавателя становится еще более важной. Как пишут наши испанские коллеги, преподавание учебной дисциплины предполагает

«вовлечение студентов в активное обучение, обеспечение взаимодействия между обучающимися, подготовку материалов, которые соответствуют возникающим в процессе обучения потребностям, обеспечение обратной связи и оценку результатов деятельности студентов» (здесь и далее перевод наш. — *T. B., B. C.*) (González, Veiga Díaz 2015: 107). Таким образом, меняется и роль преподавателя, и роль студентов, при этом студенты обретают большую самостоятельность в формировании собственных переводческих компетенций.

Понятие «переводческая компетенция» обычно определяется в самом общем виде. Так, Д. Катан в своей статье приводит следующее определение: переводческая компетенция — это «все знания, умения и стратегии, которые успешный переводчик использует для адекватного решения переводческих задач» (Katan 2008: 115). Очевидно, что, поскольку компетенция включает совершенно разные составляющие, целесообразно использовать многокомпонентный подход к ее описанию (которое, кстати, вряд ли будет исчерпывающим, если принять во внимание всю множественность «знаний, умений и стратегий», которыми должен владеть современный переводчик). Именно этот подход лежит в основе рассуждений Э. Пима (Pym 2003), и он же позволил экспертам группы *РАСТЕ* разработать собственную модель переводческих компетенций (*РАСТЕ* 2003). Модель группы *РАСТЕ*, наиболее известная на сегодняшний день, включает в качестве отдельных компонентов переводческой компетенции следующие субкомпетенции: билингвальную субкомпетенцию, экстралингвистическую субкомпетенцию, переводоведческую компетенцию, инструментальную субкомпетенцию, стратегическую субкомпетенцию, психофизиологические компоненты (*РАСТЕ* 2003). Понятно, что каждая субкомпетенция объединяет определенные знания, умения и навыки, причем достаточно разнородные.

Сравнительно недавно нами была предложена собственная модель переводческих компетенций (Иванов, Сдобников 2020). Собственно, это скорее перечень переводческих компетенций, нежели модель, причем мы основывались на том, что совокупность так называемых субкомпетенций не образует единой переводческой компетенции. Переводческих компетенций несколько, и наш перечень включает следующие: коммуникативную компетенцию, лингвистическую компетенцию, текстовую компетенцию, технологическую компетенцию, социокультурную компетенцию, инструментальную компетенцию, переводоведческую компетенцию, этическую компетенцию (Иванов, Сдобников 2020: 122).

Одним из эффективных способов модернизации переводческого образования и, в частности, формирования переводческих компетенций явля-

ется организация проектной деятельности студентов. Проектная деятельность как фактор совершенствования учебного процесса и способ повышения его эффективности стала предметом изучения в зарубежной дидактике перевода сравнительно недавно (Kiraly 2005, 2012; Galán-Mañas 2011; Mitchell-Schuitevoerder 2011; Li 2013; Li, Zhang, He 2015; González, Veiga Díaz 2015; Alkhatnai 2017; Zheng 2017; Istiqomah et al. 2018; Uribe de Kellett 2022). Не обошли эту тему своим вниманием и российские преподаватели перевода (Наговицына, Лекомцева 2017; Корнеева 2019; Сдобников 2022). В указанных работах отмечаются достоинства проектной деятельности как формы обучения студентов по сравнению с традиционным подходом, в соответствии с которым в центре процесса обучения находится преподаватель. Эти достоинства будут рассмотрены нами ниже.

Но прежде важно отметить, что проектная деятельность способствует формированию не только собственно переводческих компетенций, но и компетенций, относимых к категории универсальных (их также часто называют надпрофессиональными). Необходимость их формирования предписана в принятых в российской системе образования нормативных документах, прежде всего в Федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС 3++). В данном случае нас интересуют группы универсальных компетенций, предполагающих развитие у студентов умения работать в команде в рамках реализации проекта, связанного с их будущей профессиональной деятельностью. Так, ФГОС 3++ по направлению подготовки «Лингвистика» (уровень бакалавриата) предусматривает следующие универсальные компетенции:

УК-2. Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений (категория УК — Разработка и реализация проектов).

УК-3. Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (категория УК — Командная работа и лидерство) (ФГОС 45.03.02).

Еще более четко необходимость формирования умения работать в команде в рамках реализации проекта прописана во ФГОС 3++ по специальности «Перевод и переводоведение»:

УК-2. Способен управлять проектом на всех этапах его жизненного цикла (категория УК — Разработка и реализация проектов).

УК-3. Способен организовывать и руководить работой команды, вырабатывая командную стратегию для достижения поставленной цели (категория УК — Командная работа и лидерство) (ФГОС 45.05.01).

Вполне очевидно, что сформировать подобные компетенции в рамках аудиторных занятий крайне сложно, если вообще возможно. Следует, правда, сделать оговорку: отдельные модифицированные формы проведения учебных занятий по переводу могут способствовать развитию у студентов способности «осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде» и «организовывать и руководить работой команды» (УК-3), см.: (Ульянов, Сдобников 2016). Однако мы не будем задерживаться на этом вопросе, а вернемся к основной теме статьи.

Роль проектного обучения студентов-переводчиков важна не только в связи с необходимостью соблюдать требования образовательных стандартов. Преподавателям важно искать новые формы обучения студентов, если они действительно осознают свою миссию, заключающуюся в подготовке выпускников к реалиям рынка труда, в нашем случае — переводческого рынка. А этот рынок в последние годы изменился весьма значительно. Переводческие проекты, особенно крупные и особенно в переводческих компаниях, реализуются не отдельными переводчиками, а командами с соответствующим распределением обязанностей. Д. Кирали еще в 1995 году писал, что перевод может выполняться единой командой, включающей переводчиков примерно одинаковой квалификации, которые распределяют работу между собой; или перевод выполняется двумя переводчиками, которые редактируют переводы друг друга; или перевод выполняется группой из трех-четырех человек под контролем руководителя проекта (Kiraly 1995: 14). Сейчас же, как известно, в реализации крупных переводческих проектов помимо переводчиков задействованы редакторы, терминологи, корректоры и, разумеется, руководители проектов. В любом случае успешная реализация проекта зависит от умения каждого члена команды взаимодействовать с другими исполнителями. А такое умение не бывает врожденным, ему нужно учить. Примечательно в этом отношении высказывание Б. Бэйра и Дж. Коуби: «Если мы будем использовать традиционную методику обучения... при которой наставник передает свои знания пассивному обучающемуся, мы не сможем подготовить переводчиков, обладающих гибкостью, способностью работать в команде и решать проблемы, то есть качествами, *столь важными для современной переводческой отрасли* (курсив наш. — Т. В., В. С.), не говоря уже о креативности и независимом мышлении, которые всегда были отличительными чертами лучших переводчиков» (цит. по [Kiraly 2005: 1100]). О том же пишут И. А. Наговицына и И. А. Лекомцева: «Переводческие проекты в вузе — это возможность сформировать у обучающихся набор компетенций, необходимых для полноценного функционирования выпускника на рынке переводческих услуг, где все крупные переводческие заказы реализуются в

рамках проектов вне зависимости от типа трудоустройства: фриланс или работа в штате» (Наговицына, Лекомцева 2017: 143). Так что уже в ближайшем будущем просто невозможно будет уклониться от использования определенных форматов организации проектной деятельности студентов.

Целью нашей статьи является рассмотрение некоторых методологических основ организации проектной деятельности студентов и анализ опыта ее организации в Высшей школе перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

2. Общая методология организации проектной деятельности студентов

2.1. Принципы проектного обучения

Проектное обучение (*project-based learning*) — это вид педагогической технологии, которая ставит в центр внимания студента и основана на идее «обучение через действие»; данная технология предполагает получение студентами знаний и навыков в ходе работы в небольших группах в течение определенного времени для решения реальных задач. В отличие от традиционных технологий обучения она предполагает активное, вовлеченное обучение, позволяющее студентам приобретать более глубокие знания (Zheng 2017: 178).

Анализ зарубежных работ по переводоведению приводит нас к выводу о том, что в основе проектной деятельности как технологии обучения лежат следующие принципы социального конструктивизма, принятого в зарубежной педагогике:

- обучение — это активный процесс, а не пассивное восприятие знаний, существующих как бы вовне нас;
- мы конструируем понимание и знание мира на основе собственного опыта взаимодействия с явлениями мира и рефлексии по поводу этого опыта;
- обучение осуществляется в контексте: мы не изучаем отдельные факты и теории, напротив, мы соотносим новый опыт с уже существующим, усваиваем новое знание, соотнося его с уже имеющимся;
- мы должны анализировать и оценивать то, что мы знаем, чтобы создать новое знание;
- мы обучаемся с разной скоростью в силу различий во врожденных способностях, таких как уровень интеллекта, и во внешних факторах, таких как социальная среда и наше окружение (Li 2013: 2).

К этим принципам М. Г. Гонсалес и М. Е. Вейга Диас добавляют еще два:

- обучение предполагает повторение действий;

– ключевым фактором обучения является мотивация (González, Veiga Díaz 2015: 112).

Если такова природа познания, усвоения нового знания, то именно проектная деятельность обеспечивает наиболее полное погружение студентов в контекст, в ситуацию, в которой им необходимо активно использовать уже имеющиеся знания, приобретая новое знание и новые навыки в ходе решения конкретных задач, анализируя и оценивая приобретенные знания и их значимость для практической деятельности, а значит, и наиболее эффективное формирование необходимых компетенций. В этом отношении мы полностью согласны с А. Галан-Маньяс, которая, ссылаясь на А. Уртадо Альбир, утверждает, что проектное обучение — это «всеобъемлющий методический подход, включающий все существенные для учебного процесса компоненты: цели, содержание, средства и оценку» (Galán-Mañas 2011: 110).

Указанные выше принципы социального конструктивизма, а также положения общей психологии Л. С. Выготского были использованы Д. Кирали при разработке подхода к обучению переводчиков на основе проектной деятельности. Он исходит из того, что обучение и развитие способности к когнитивной деятельности происходят в процессе коммуникации между людьми, а мышление индивида является производным от коллективного мышления и социального взаимодействия (Kiraly 2012: 83–84). Именно такое взаимодействие обеспечивает проектная деятельность студентов. Д. Кирали рассматривает проектное обучение в качестве ключевого компонента учебного процесса и полагает, что, вовлекаясь в реальную деятельность, студенты смогут развивать свои способности и компетенции, которые позволят им в дальнейшем реализовывать новые, более сложные проекты как в рамках учебной деятельности, так и за ее пределами (Kiraly 2012: 84). Проектная деятельность, по его мнению, представляет собой средство развития переводческих компетенций на основе приобретения собственного опыта в реальных условиях при поддержке других участников переводческого проекта и преподавателя, который выступает не столько в качестве учителя (*teacher*), сколько в качестве помощника, наставника (*mentor*), направляющего деятельность студентов (там же).

Для того чтобы проектная деятельность была эффективной с точки зрения формирования необходимых компетенций, она должна быть соответствующим образом спланирована и организована. В следующем разделе рассмотрим основные принципы организации проектного обучения.

2.2. Организация проектного обучения

Реализация проекта, в том числе и учебного, разделяется на определенные этапы, или фазы, что должно учитываться преподавателем уже на стадии планирования проекта. Л. И. Корнеева выделяет следующие фазы учебного проекта: инициативная фаза, информационная фаза, фаза планирования, фаза создания продукта / проекта, фаза презентации и защиты проекта, фаза верификации (Корнеева 2019: 17–18). В инициативной фазе инициатива преподавателя по разработке проекта «должна быть поддержана всеми участниками» рабочей группы. В информационной фазе собирается «вся необходимая информация для организации и проведения проектного обучения». В фазе планирования составляется план проведения проекта. Он должен включать в себя «пошаговые действия, форму работы, рабочие средства». Фаза создания продукта — это собственно фаза реализации проекта, «самый самостоятельный» этап. В фазе презентации студенты представляют результаты проектной деятельности преподавателю и другим студентам. В фазе верификации осуществляется оценка: достигнута ли цель проекта, отмечаются ли отклонения от плана (Корнеева 2019: 18–19). Ниже рассмотрим, каким образом эта общая схема организации учебного проекта может быть реализована в ходе прохождения студентами-переводчиками учебной практики.

Подчеркнем, что цель проекта должна быть осознана как преподавателем, так и студентами в самом начале, в инициативной фазе, чтобы обеспечить планирование, реализацию и оценку результатов проекта. Очень важно, чтобы преподаватель четко представлял, какие именно компетенции должны быть сформированы или развиты в процессе реализации проекта студентами, а студенты в самом начале осознавали, чему они должны научиться, какие умения и навыки развить.

У теоретиков проектного обучения (которые, кстати, выступают и в качестве его организаторов) нет единого мнения по поводу того, должен ли учебный проект имитировать реальную переводческую деятельность либо проводиться в форме выполнения реального переводческого заказа. Д. Кирали придерживается второй точки зрения, предлагая подход к организации учебного переводческого проекта, основанный на предоставлении студентам полномочий (*empowerment approach*). По его мнению, предпочтительным является перевод студентами реальных текстов, используемых в реальных ситуациях, такой же степени сложности и с такими же ограничениями в плане решения возникающих проблем, с какими переводчики могут столкнуться после окончания вуза, нежели перевод отобранных преподавателем материалов, не имеющих реальной аудитории или заказчика (Kiraly 2005: 1102). Примерно такого же подхода придерживается

А. Галан-Маньяс: предлагаемая ею модель переводческого проекта предполагает предварительное получение текстов от компаний и организаций, определение сроков выполнения заказа, предоставление студентам возможности связываться с заказчиком, чтобы получить ответы на вопросы по поводу характера переводческого задания. Студенты направляют свои переводы заказчику; перевод осуществляется бесплатно (Galán-Mañas 2011: 111). Подобный подход А. Галан-Маньяс именует «реальной переводческой практикой» (*authentic practice*), которую не следует путать с производственной практикой в компаниях, и утверждает, что такая форма проектной деятельности дает возможность обеспечить междисциплинарные связи, поскольку студенты вынуждены использовать для формирования нового знания данные разных дисциплин: переводоведение, терминоведение, информатика (там же). Переводческий проект может удовлетворять потребности благотворительных организаций, см.: (Нечаева 2019; Uribe de Kellett 2022: 134). В Северо-Китайском энергетическом университете используются тексты, предоставленные переводческими компаниями: переводы этих текстов уже выполнены и сданы заказчикам, а предоставленные оригиналы используются в рамках проектов исключительно в учебных целях (Zheng 2017: 180). Подобный формат организации переводческого проекта, по нашему мнению, ближе к имитационному проекту (*simulated project*), хотя и содержит элементы реального переводческого задания.

Другие авторы отдают предпочтение реальным проектам, пусть даже реализуемым на волонтерской основе, однако допускают использование имитационного формата организации переводческого проекта (Li 2013; Наговицына, Лекомцева 2017). По нашему мнению, выбор формата организации проектной деятельности студентов в определенной степени зависит от того, насколько прочные связи установлены образовательной организацией с субъектами переводческого рынка. Отчасти это зависит и от того, насколько сами компании готовы сотрудничать с вузами в организации проектной деятельности, готовы ли они тратить дополнительное время на работу с исполнителями проектов, то есть студентами, еще не являющимися профессиональными переводчиками.

С вопросом о формате организации проектной деятельности связан и другой вопрос — о характере используемых материалов с точки зрения их жанрово-стилистической принадлежности и степени аутентичности.

Опыт российских и зарубежных коллег свидетельствует о том, что для проектной переводческой работы студентам предлагаются прежде всего тексты специальные, как правило технические или коммерческие. Более подробная классификация включает тексты веб-сайтов, документы, используемые при продаже оборудования (договоры купли-продажи, технические

спецификации, инструкции по эксплуатации), документы к программному обеспечению, журнальные статьи (Galán-Mañas 2011: 111), финансовые отчеты (Zheng 2017), юридические документы (Li 2013). Выбор подобных материалов определяется в первую очередь их высокой востребованностью на рынке: не случайно именно они становятся объектом перевода в рамках реальных переводческих проектов. В случае имитационных переводческих проектов для перевода могут предлагаться и учебные тексты, например технического характера. И здесь очень важно четко определить переводческое задание (*translation brief*), характер коммуникативной ситуации, в которой подобные тексты могли бы переводиться. Студенты должны осознать, кто мог бы быть заказчиком перевода, каким образом, с какой целью, в рамках какой предметной деятельности перевод мог бы быть использован. Собственно, нахождение ответов на эти вопросы является условием успешного осуществления любого перевода, если за основу принимается коммуникативно-функциональный подход (Сдобников 2010), предполагающий обязательный учет потребностей получателя перевода и его ожиданий в отношении переводного текста.

При этом следует помнить, что само по себе создание перевода не является основной целью проектной деятельности. Важно, чтобы студенты научились взаимодействовать в рамках реализации проекта, то есть сформировали надпрофессиональные (универсальные) компетенции, познакомились со всеми аспектами работы по созданию переводческого продукта, выступая поочередно не только в качестве переводчиков, но и редакторов, терминоведов, руководителей проекта и даже клиентов, на что указывает, в частности, Ц. Чжэн (Zheng 2017: 181).

Наконец, существенным условием обеспечения эффективности проектной деятельности студентов является постоянный контроль со стороны преподавателя, наличие обратной связи на всех этапах переводческого проекта. Для этого могут использоваться разные средства, например создание групп в мессенджерах. Преподаватель в этом случае имеет возможность наблюдать как бы со стороны за всеми обсуждениями студентов, получать информацию о возникающих у них проблемах, в случае необходимости оказывать им помощь.

Другой способ обеспечения обратной связи, а также, что очень важно, рефлексии и саморефлексии переводчиков (Волкова 2019, 2020) — представление студентами отчетов об организации проектной деятельности, проблемах, возникших в ходе реализации проекта, и использованных ими способах решения этих проблем.

Далее мы рассмотрим, как перечисленные принципы были реализованы в рамках предложенного в качестве учебной практики переводческого проекта. Но предварительно поделимся еще одним соображением.

Разработка основ новой методики преподавания перевода (в терминологии Д. Кирали она представлена еще шире, а именно как новая переводческая педагогика — *new translation pedagogy* [Kiraly 1995]) уже привлекла внимание исследователей, осознавших важность обеспечения соответствия методов преподавания перевода реалиям переводческой профессии. Но здесь же таится и опасность полностью отказаться от традиционных методов и заменить их методами инновационными, пусть и с характерным для них помещением студента в центр образовательного процесса. Представляется, что логичным и эффективным будет сочетание традиционных форматов с некоторой их модификацией и форматов новых. Примечательно, что российские авторы, в отличие от зарубежных исследователей, категорично настаивающих на полном изменении образовательной парадигмы, проявляют все же некоторую осторожность. Так, Л. И. Корнеева пишет, что «метод проектов рассматривается сейчас как *гармоничное дополнение* (курсив наш. — Т. В., В. С.) любой образовательной программы в сочетании с другими методами обучения» (Корнеева 2006: 50). Для обоснования такого подхода можно сослаться на мнение самих разработчиков «новой переводческой педагогики», основанной на принципах социального конструктивизма: как отмечено выше, новое знание приобретается и усваивается на основе уже существующего. Систематизированное знание можно предложить студентам только в рамках аудиторных занятий, причем по совершенно разным дисциплинам. Если же мы будем вовлекать студентов в абсолютно новые для них ситуации, предполагающие самостоятельное решение проблем, с которыми они раньше никогда не сталкивались, то с высокой долей вероятности они будут усваивать разрозненные сведения, не складывающиеся в единое представление о действительном характере переводческой деятельности как таковой. Представляется, что эта дискуссия лежит в той же плоскости, что и вопрос о том, можно ли допускать студентов к практическому переводу, не дав им соответствующих знаний по теории перевода или базовых представлений о технике перевода. Прежде чем мы начнем использовать модель проектной деятельности, принципиально важно создать достаточно прочную основу.

3. Учебный переводческий проект по техническому переводу

3.1. Исходные данные

Имитационный переводческий проект по письменному переводу технических текстов реализован в качестве учебной практики студентов

третьего курса, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение», в весеннем семестре 2021/22 уч. г.

Студентам предложены тексты из учебного пособия по техническому переводу со следующим переводческим заданием: перевод с английского языка на русский учебного пособия для инженерных специальностей (уровень среднего профессионального образования). В качестве тестового задания от предполагаемого заказчика (издательство) переводчикам предложены несколько текстов следующей тематики: ручной инструмент, механический инструмент, измерительный и разметочный инструмент, нарезание резьбы. Общий объем исходных текстов составил 9790 знаков с пробелами. Тексты представлены в формате pdf, содержат иллюстрации.

Продолжительность проекта — две недели. Три академические группы были разделены на шесть команд. В рамках проекта предусмотрены следующие роли: переводчик, терминолог, редактор, руководитель проекта. В каких-то командах на усмотрение студентов роли терминоведа и редактора были объединены, в каких-то это были разные исполнители.

Исходное учебное пособие содержит краткие глоссарии к текстам, что в определенной степени моделирует ситуацию с глоссарием заказчика: студентам рекомендовано использовать указанные глоссарии как основу для проектного глоссария, при необходимости предлагая иные варианты.

Таким образом, пакет проектной документации включает текст перевода, глоссарий и обязательный рефлексивный отчет, содержащий комментарии исполнителей по поводу процесса перевода и работы над проектом в целом.

Каждой подгруппе выставлялась общая оценка за проект с учетом соблюдения сроков сдачи проекта (соблюдены всеми шестью командами), комплектности проектной документации, качества отчета (особое внимание мы обращали на комментарии о процессе перевода, командной работе и принятых переводческих решениях — при условии их реализации в переводе) и качества текстов перевода.

3.2. Комментарии исполнителей проекта

Начнем обсуждение результатов проекта с анализа комментариев студентов.

Во-первых, комментарии содержат подробное описание организации работы над проектом, разделения процесса на этапы и соответствующего разделения ролей, специфики командной работы.

В частности, для распределения ролей используется опрос в социальной сети, для взаимодействия в процессе работы — групповой чат в мессенджере, документы в облаке с возможностью общего доступа и редактирова-

ния, онлайн-встречи. Студенты составили графики с указанием дат и видов работы (составление глоссария, перевод, правки, обсуждение и т. д.).

Работа над разными текстами внутри проекта велась преимущественно параллельно, студенты менялись ролями либо распределяли роли так, чтобы работа исполнителя над одним текстом не пересекалась с его работой над другим. Руководители определялись студентами самостоятельно для каждого подпроекта (один из четырех текстов) или для всего проекта в целом.

Процедура приемки итогового текста перевода предполагала *многоступенчатую (коллективную) проверку текста* и / или личное мнение руководителя проекта плюс групповое обсуждение. Студенты также указывали, что совместно вычитывали тексты онлайн (*Zoom*). В одной из подгрупп, судя по отчету, руководитель «утверждал» или «отклонял» перевод после редактуры — студенты не указывают, было ли такое решение единоличным.

Выше мы отмечали, что студентам важно с самого начала осознавать, какие компетенции позволит сформировать и развить проект. В целом, с учетом достаточно подробного описания в отчетах процесса организации проекта и командной работы, представления студентов можно резюмировать следующим комментарием:

(1) *Мы получили бесценный опыт и приобрели такие навыки, как умение взаимодействовать внутри подгруппы, избегая конфликтов и недопониманий, умение искать необходимую информацию, используя интернет-ресурсы, а также пытались [создать] адекватный перевод при помощи найденной информации и собственных знаний.*

Во-вторых, студенты комментируют экстралингвистические и лингвистические трудности перевода.

а) Организационные трудности, в том числе варианты оптимизации процесса редактирования и возможное несоблюдение сроков выполнения проекта.

Для трудностей первой группы в одном из отчетов студенты предлагают, в частности, следующее решение: составить таблицу для проверки переводов с графами «исходный текст», «текст перевода», «редактура». При описании трудностей второй группы студенты обращают внимание на взаимодействие исполнителей:

(2) *Было бы лучше, если члены команды сами говорили бы о затруднениях, а не ждали, что их спросят, когда и в каком виде ждать перевод.*

б) Трудности, связанные с освоением предметной области (слесарное дело) и поиском соответствующей информации (в частности, о технологии использования описываемого инструмента).

в) Лексические трудности — перевод терминологии (в т. ч. названий инструментов, видов слесарных работ), выбор лексического соответствия:

(3) *Желтым выделены термины, которые могут быть переведены по-другому. Если редакторы сочтут необходимым использовать другой перевод выделенных терминов, они могут ознакомиться с возможными вариантами в глоссариях и в файле «Перевод_1».*

г) Синтаксические трудности: *сложности в построении предложений на родном языке, чтобы передать тот же смысл.*

В-третьих, в ряде случаев отчеты содержат подробные комментарии по редактированию и / или доступные по ссылкам промежуточные варианты текстов перевода, что позволяет получить более полное представление о причинах редакторской правки, в той или иной степени объясняет выбор лексических соответствий, сомнения исполнителя, синтаксические преобразования (перестановки, сокращения, дополнения):

(4) *По редакторской части: трудности были в основном из-за того, что в определенных абзацах перевод был буквальным настолько, что проще было бы переписать все с нуля, чем делать точечные правки. [И]гнорирование глоссария... тоже немного тормозило работу.*

(5) Черновой вариант перевода: *Точки на линии разметки отмечаются кернером.*

Комментарий исполнителя: *Уточнить этапы нанесения разметки.*

В-четвертых, в комментариях студенты описывают, как и какие используют справочные ресурсы. В частности, для освоения предметной области используются поиск по картинкам, видеозаписи, консультации со специалистами.

Кроме того, привлекаются прецедентные тексты (русскоязычные описания упоминаемых в исходных текстах инструментов, в меньшей степени — учебники по слесарному делу). Интересно, что исходный учебник по техническому переводу, в частности представленные в нем тексты на русском языке, в полной мере не используется, несмотря на то, что это позволило бы исполнителям получить более полное представление о стиле технического текста, соответствующих клише, терминологии.

Несмотря на то, что проектная деятельность призвана сформировать и развить упомянутые в начале статьи универсальные компетенции, итогом любого проекта должен стать продукт, соответствующий предъявляемым к нему требованиям. Поэтому кратко охарактеризуем представленные на проверку переводы всех шести проектных команд.

3.3. Оценка качества перевода в рамках проекта

К достоинствам можно в первую очередь отнести стремление исполнителей соблюсти стиль технического описания и создать текст перевода,

который в целом читается как написанный по-русски технический текст. Отметим также оправданные синтаксические преобразования (перестановки, сокращения, объединение повторяющихся по смыслу предложений), ряд точных формулировок и отдельные интересные решения — в частности, в одном из переводов предложены пояснения в скобках для разных видов напильников в зависимости от их назначения.

К недостаткам можно отнести следующие группы ошибок.

а) В переводах допущены фактические ошибки (ср. *but with only a fair degree of accuracy* / для высокоточного измерения), при переводе пропущены некоторые сегменты исходного текста без каких-либо пояснений в отчете, в перевод не перенесена иллюстрация¹.

б) Избыточная генерализация либо опущения: *самый распространенный вид разводных ключей* / *самый распространенный вид гаечных ключей*; *калибры* / *прочие измерительные приборы*.

в) Ошибки, связанные с непониманием предметной области — в частности, неясности, фактические ошибки. В ряде случаев переводчик не видит «картинку» за текстом: например, в сегменте исходного текста речь идет о возможности перевернуть гаечный ключ (*flipping the wrench over*), чтобы затянуть крепление в труднодоступном месте. В данном случае переводчику помог бы соответствующий повседневный опыт либо обращение к источникам. Просмотр дополнительных иллюстраций, чертежей, видеозаписей, учебной литературы позволил бы также понять, что такое калибры, клупп, плашка, винтовальная доска и т. д. Кроме того, при переводе далеко не всегда используется контекст; встречаются предложения / сегменты, которые не имеют смысла.

г) Неверный выбор лексических соответствий, ср. *предмет* / *деталь*, *заготовка*; *прибор* / *инструмент*; *манометр* / *калибр*; *черенок* / *рукоятка*; *изголовье* / *оголовье (молотка)*; *провод* / *провода*; отсутствие единообразия — например, в одной таблице используются два варианта, *петля* и *зев* гаечного ключа. Отдельно отметим важность фоновых знаний и межпредметных связей — например, при переводе полезно было бы помнить, что многие названия инструментов в русский язык пришли из немецкого.

д) Нарушения сочетаемости, согласования, узуса, конвенций технического русского языка, что затрудняет чтение, приводит к возникновению неясностей, фактических ошибок. Ср. варианты: *молоток — это ударный*

¹ Можно предположить, что с учетом переводческого задания и организации проекта в реальных условиях верстка выполнялась бы в издательстве, однако комментарий исполнителя по этому поводу был бы уместен.

инструмент, предназначенный для / инструмент для нанесения ударов / молоток используется для деформирования металла.

Не везде соблюдается единство стиля, в ряде случаев можно отметить разное качество текстов перевода в проекте. Возможно, выполненные разными переводчиками тексты недостаточно вычитаны редакторами: так, в отчетах описаны варианты, когда редакторы назначаются для каждого текста, но не указано, назначается ли в этом случае редактор проекта.

К нарушениям можно отнести лексическую избыточность, одновременное использование двух вариантов, свидетельствующее, как правило, о сомнениях исполнителей: *прут или стержень, инструменты или приспособления; смещенные (изогнутые) рукоятки; деталь / заготовка*. Отметим также синтаксическую избыточность, когда переводчики и / или редакторы не используют возможность объединить или сократить предложения: *оба конца обычно подходят к одному и тому же размеру болта / обычно оба ключа имеют один размер; иногда бывает проблематично начать резку сразу же, поэтому для удобства рекомендуется....*

Студенты неоправданно прибегают к одушевлению (*чья рабочая область / рабочая область которого; инструменты... могут создавать детали*), используют уменьшительно-ласкательные формы (*проволочки, кулочки*). Отмечаются неясности при построении словосочетаний и предложений, нарушения темо-рематической структуры; ошибки согласования, в т. ч. анаколуф (*даже находясь на одном стержне, можно использовать сразу несколько пластин*); неоправданное использование эллиптических конструкций.

е) Орфографические, пунктуационные, типографические ошибки: неверное употребление заглавных букв (Британская / британская система мер), нарушения при записи числительных (словом / цифрой), ошибки при расстановке запятых и точек, произвольное использование тире, дефиса, минуса, кавычек разного типа, отсутствие пробелов. В ряде случаев отмечаются опечатки, повторы одного и того же предложения, общая небрежность при подготовке текста перевода.

4. Заключение

В заключение приведем некоторые рекомендации, которые были даны студентам во время итогового «разбора полетов» в ходе онлайн-конференции для всех проектных команд (связанные с техническим переводом в целом и переводческим проектом в частности), и ряд методических замечаний.

Во-первых, мы вновь обращаем внимание студентов на важность соблюдения сроков, комплектности проектной документации и заранее со-

гласованных требований, что имеет безусловное значение при взаимодействии с заказчиком в реальных условиях (что прислать, как назвать, в одном или нескольких файлах, etc.).

Во-вторых, большего внимания требует переводческое задание и жанр исходного и переводного текстов (учебник), как следствие — необходимость избегать избыточности в переводах и соблюдать конвенции технического текста на русском языке.

В-третьих, при проверке переводов мы обратили внимание на использование машинного перевода и параллельных текстов, с чем связана необходимость напомнить студентам о постредактировании и соответствии каждого сегмента текста перевода контексту, предметной ситуации и предметной области.

В-четвертых, важно напомнить начинающим переводчикам о разумных сомнениях в процессе перевода, особенно в новой предметной области, и внимании к деталям: проверять варианты, консультироваться со специалистами, вычитывать и сверять тексты, особенно при работе над разными частями текста / при работе нескольких переводчиков над одним текстом, что также позволит добиться единообразия терминологии. Тщательно вычитывать любые свои переводы, читать тексты вслух. Помнить, что орфографические и пунктуационные ошибки, небрежность недопустимы не только в переводах, но и в сопроводительной документации и общении с заказчиком в целом.

Что касается методики организации проектной работы студентов, отметим, что в целом предложенный формат учебной практики можно считать достаточно эффективным. Установочную онлайн-конференцию целесообразно дополнить более подробной устной инструкцией по составлению отчета: как следует из обсуждения в ходе итоговой онлайн-конференции, не все студенты осознавали, что в отчеты можно / нужно внести подробные комментарии о процессе перевода на всех этапах (не только о его организации) и принятых переводческих решениях. Подобная работа развивает упомянутые выше навыки рефлексии и саморефлексии, что является важной составляющей профессиональной подготовки и безусловно понадобится переводчику при общении с заказчиком, редактором, другими переводчиками в команде, пусть даже комментарии переводчика в реальной ситуации не будут столь развернутыми.

Кроме того, можно сообщить студентам, что создание внутренних инструкций для своей проектной группы приветствуется: заранее согласованный формат представления файлов, редактирования текстов, взаимодействия исполнителей оптимизирует как процесс перевода, так и проектную работу в целом.

Проект также подчеркнул необходимость уделять больше внимания проверке качества перевода в целом (Mitchell-Schuitevoerder 2011) и редактированию текста перевода в частности. В первую очередь чаще предлагать студентам редактировать переводы друг друга на занятиях по общему и специальному письменному переводу, в рамках спецкурсов по редактированию и в ходе других переводческих проектов — которые, как мы постарались продемонстрировать, становятся неотъемлемой частью профессиональной подготовки переводчиков.

Список литературы / References

- Волкова Т. А. Комментарий к письменному переводу в обучении переводчиков: обзор подходов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 4. С. 84–97. [Volkova, Tatiana A. (2019) Kommentarii k pis'mennomu perevodu v obuchenii perevodchikov: obzor podkhodov (Translation Commentary in Translator Training: an Overview). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 4, 84–97. (In Russian)]. DOI: 10.15593/2224-9389/2019.4.8.
- Волкова Т. А. Комментарий к письменному переводу в обучении переводчиков: вопросы методики и экспериментальные исследования // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 1. С. 118–129. [Volkova, Tatiana A. (2020) Kommentarii k pis'mennomu perevodu v obuchenii perevodchikov: voprosy metodiki i eksperimental'nye issledovaniya (Translation Commentary in Translator Training: Teaching and Learning Challenges and Translation Experiments). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 1, 118–129. (In Russian)]. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.1.11.
- Иванов А. В., Сдобников В. В. Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателя перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 3 (51). С. 117–131. [Ivanov, Andrey V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Formirovanie perevodcheskikh kompetentsii kak osnovnaya zadacha prepodavatelya perevoda (Development of Translator Competences as the Main Task of Translator Trainers). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 117–131. (In Russian)]. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-117-131.
- Корнеева Л. И. Концепция деятельностно-ориентированного обучения и его методы в современной немецкой дидактике. Handlungsorientiertes Konzept und seine Unterrichtsmethoden in der modernen deutschen Didaktik. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. [Korneeva, Larissa I. (2006) *Kontsepsiya deyatelnostno-orientirovannogo obucheniya i ego metody v sovremennoi nemetskoj didaktike* (Concept of Activity-related Training and Its Methods in Modern German Didactics). Yekaterinburg: UGTU-UPI. (In Russian)].
- Корнеева Л. И. Межкультурное обучение лингвистов-переводчиков на основе проектной деятельности // Język rosyjski jako obcy. Dydaktyka przekładu, słowniki i romose naukowe / Русский язык как иностранный. Дидактика перевода, словари и учебные пособия. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, 2019. С. 15–28. [Korneeva, Larissa I. (2019) *Mezhkulturnoe obuchenie lingvistiv-perevodchikov na*

- osnove proektnoi deyatel'nosti (Cross-cultural Education of Students in Linguistics Based on Project-based Activity). In *Russki yazyk kak inostrannyy. Didaktika perevoda, slovari i uchebnye posobiya* (Russian as a Foreign Language. Didactics of Translation, Dictionaries and Manuals). Warsaw: Uniwersytet Warszawski, 15–28. (In Russian)].
- Наговицына И. А., Лекомцева И. А. Из опыта использования проектной работы в подготовке переводчиков // *Многоязычие в образовательном пространстве*. 2017. Т. 9. С. 141–152. [Nagovitsyna, Irina A., & Lekomtseva, Irina A. (2017) Iz opyta ispol'zovaniya proektnoi raboty v podgotovke perevodchikov (Project-based Learning: Training a Well-rounded Translator). *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 9, 141–152. (In Russian)].
- Нечаева Н. В. Волонтерский переводческий проект «Юник»: от локального до международного // *Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к Универсиаде 2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной Универсиаде 2019 в г. Красноярске*. Красноярск: Сибирский гос. ун-т науки и технологии им. академика М. Ф. Решетнева, 2019. С. 38–40. [Nechaeva, Natalia V. (2019) Volonterskii perevodcheskii projekt «Yunik»: ot lokal'nogo do mezhdunarodnogo (Unique International Volunteer Translation Project: from Local to Global). In *Aktual'nye voprosy organizatsii volonterskoi deyatel'nosti v ramkakh podgotovki k Universiade 2019: lingvoperevodcheskii, psikhologo-pedagogicheskii, organizatsionno-upravlencheskii i sotsial'nyi aspekty. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, posvyashchennoi Universiade 2019 v g. Krasnoyarske* (Volunteering as Part of Krasnoyarsk 2019 Winter Universiade Preparation: Linguistic, Psychological, Educational, Organisational and Social Aspects: Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference for Students and Young Scientists Marking Krasnoyarsk 2019 Winter Universiade). Krasnoyarsk: Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, 2019, 38–40. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2010. Вып. 10. С. 132–143. [Sdobnikov, Vadim V. (2010) Tipologiya perevoda: kommunikativno-funktsional'nyi podkhod (Communicative-Functional Approach to Translation Typology). *LUNN Bulletin*, 10, 132–143. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Из опыта организации проектной деятельности студентов-переводчиков в рамках учебной практики // *Мосты. Журнал переводчиков*. 2022. № 2 (74). С. 45–50. [Sdobnikov, Vadim V. (2022) Iz opyta organizatsii proektnoi deyatel'nosti studentov-perevodchikov v ramkakh uchebnoi praktiki (A Case of Project-based Learning as a Form of On-campus Practical Training). *Bridges. Translators and Interpreters' Journal*, 2 (74), 45–50. (In Russian)].
- Ульянов А. В., Сдобников В. В. Способы повышения эффективности обучения переводу: организация занятия // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова*. 2016. Вып. 36. С. 181–189. [Ulianov, Andrey V., & Sdobnikov, Vadim V. (2016) Sposoby povysheniya effektivnosti

- obucheniya perevodu: organizatsiya zanyatiya (Boosting Effectiveness of Teaching Translation: Organization of Classroom Activities). *LUNN Bulletin*, 36, 181–189. (In Russian)].
- ФГОС 45.03.02 — Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика. Утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12 августа 2020 г. № 969, с изменениями и дополнениями от 20 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/450302_B_3_31082020.pdf (дата обращения: 15.10.2022) [FGOS 45.03.02 — Federal’ny gosudarstvennyi obrazovatel’ny standart vysshego obrazovaniya — bakalavriat po napravleniyu podgotovki 45.03.02 Lingvistika. Utverzhden prikazom Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii ot 12 avgusta 2020 g. № 969, s izmeneniyami i dopolneniyami ot 20 noyabrya 2020 g. (Federal State Educational Standard of Higher Education — Bachelor’s Degree in Linguistics 45.03.02. Approved by the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 2020, August 12 № 969, edition of 2020, November 20) (2022, October 15). Retrieved from http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/450302_B_3_31082020.pdf. (In Russian)].
- ФГОС 45.05.01 — Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалист по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение. Утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12 августа 2020 г. № 989, с изменениями и дополнениями от 26 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Spec/450501_C_3_18062021.pdf (дата обращения: 15.10.2022) [FGOS 45.05.01 — Federal’ny gosudarstvennyi obrazovatel’ny standart vysshego obrazovaniya — spetsialist po spetsialnosti 45.05.01 Perevod i perevodovedenie (Federal State Educational Standard of Higher Education — Specialist’s Degree in Translation and Translation Studies 45.05.01. Approved by the Decree of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 2020, August 12 № 989, edition of 2020, November 26) (2022, October 15). Retrieved from http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Spec/450501_C_3_18062021.pdf. (In Russian)].
- Alkhatnai, Mubarak. (2017) Teaching Translation Using Project-based-learning: Saudi Translation Students Perspectives. *AWEJ for Translation & Literary Studies*, 1 (4), 83–94. DOI: 10.24093/awejtls/vol1no4.6.
- Galán-Mañas, Anabel. (2011) Translating Authentic Technical Documents in Specialised Translation Classes. *The Journal of Specialised Translation*, 16, 109–125.
- González, Marta García, & Veiga Díaz, María Teresa. (2015) Guided Inquiry and Project-based Learning in the Field of Specialised Translation: a Description of Two Learning Experiences. *Perspectives: Studies in Translatology*, 23 (1), 107–123. DOI: 10.1080/0907676X.2014.948018.
- Istiqomah, Lilik, Muharlisiani, Lusy Tunik, Safriyani, Rizka, Abid, Nuskhan, Ramadhani, Yulia Rizki, Herawati, Jayuk, Indarwati, Indarwati, Sugiono, Johny, Harputra, Yuswin, & Noerhartati, Endang. (2018) Project-based Learning in Subtitling Field: a

- Description of a Learning Experience. *Journal of Physics: Conference Series*, 1114, 012036, 1–4. DOI: 10.1088/1742-6596/1114/1/012036.
- Katan, David. (2008) University Training, Competencies and the Death of the Translator: Problems in Professionalizing Translation and in the Translation Profession. In Musacchio, Maria Teresa, & Sostero, Geneviève Henrot (eds.) *Tradurre: Formazione e Professione*. Padova: CLEUP, 113–140.
- Kiraly, Donald. (1995) *Pathways to Translation. Pedagogy and Process*. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1995.
- Kiraly, Donald. (2005) Project-based Learning: a Case for Situated Translation. *Meta. Translators' Journal*, 50 (4), 1098–1111. DOI: 10.7202/012063ar.
- Kiraly, Donald. (2012) Growing a Project-based Translation Pedagogy: a Fractal Perspective. *Meta. Translators' Journal*, 57 (1), 82–95. DOI: 10.7202/1012742ar.
- Li, Defeng. (2013) Teaching Business Translation. A Task-based Approach. *The Interpreter and Translator Trainer*, 7 (1), 1–26. DOI: 10.1080/13556509.2013.798841.
- Li, Defeng, Zhang, Chunling, & He, Yuanjian. (2015) Project-based Learning in Teaching Translation: Students' Perceptions. *The Interpreter and Translator Trainer*, 9 (1), 1–19. DOI: 10.1080/1750399X.2015.1010357.
- Mitchell-Schuitevoerder, Rosemary E. H. (2011) Translation and Technology in a Project-based Learning Environment. *Tralogy–2011. Session 3 — Training translators. Tralogy I. Métiers et technologies de la traduction: quelles convergences pour l'avenir?* Mar 2011, Paris, France. Retrieved from <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02495876>.
- PACTE. (2003) Building a Translation Competence Model. In Alves, Fabio (ed.) *Triangulating Translation: Perspectives in Process Oriented Research*. Amsterdam / Philadelphia: Benjamins, 43–66.
- Pym, Anthony. (2003) Redefining Translation Competence in an Electronic age. In Defence of a Minimalist Approach. *Meta: Translators' Journal*, 48 (4), 481–497. DOI: 10.7202/008533ar.
- Uribe de Kellett, Angela. (2022) Real-world Translating: Learning through Engagement. In Salin, Sandra, & Hampton, Cathy (eds.) *Innovative Language Teaching and Learning at University: Facilitating Transition from and to Higher Education*. Research-publishing.net, 133–142. DOI: 10.14705/rpnet.2022.56.1380.
- Zheng, Jing. (2017) Teaching Business Translation — a Project-based Approach. In *Proceedings 3rd Annual International Conference on Management, Economics and Social Development (ICMESD 17)*. Amsterdam: Atlantis Press, 178–183. DOI: 10.2991/icmesd-17.2017.32.

УДК 378.07.026.7:81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-192-207

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАКОГНИТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В УСТНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю. О. Швецова, А. В. Перевалова

Пермский национальный исследовательский политехнический
университет, Пермь, Россия

Статья является размышлением о возможности экспериментального изучения устного последовательного перевода с психолингвистических позиций. Цель экспериментального исследования заключалась в фиксации и описании метакогнитивных стратегий, влияющих на осуществление устной переводческой деятельности. Метакогниции понимаются нами как психическая деятельность человека, направленная на осмысление, регуляцию и оценку познавательных процессов. Теоретический анализ литературы, представленный в статье, раскрывает отличия метакогнитивных и когнитивных процессов. Основываясь на важных характеристиках ряда психологических механизмов, значимых для осуществления устного перевода (восприятие, внимание, вероятностное прогнозирование, воображение, память, эмоциональный интеллект), авторы приводят примеры метакогнитивных вопросов, направляющих будущих переводчиков на осознание сформированности или несформированности у них определенных метакогнитивных стратегий.

В тексте подробно раскрывается сценарий проведения эксперимента. Материалом исследования стала стенограмма выполненных устных переводов, а также стенограмма предпереводческой и постпереводческой беседы с испытуемыми. Всего проанализировано 130 минут звучащей речи. Приводятся выдержки из беседы с испытуемыми, подтверждающие сделанные выводы. В ходе проведения эксперимента были зафиксированы метакогнитивные стратегии, проявившиеся на всех этапах осуществления устного перевода: от подготовки к предстоящей ситуации профессионального взаимодействия до оценки результата своего труда. Представлены примеры индивидуальных метакогнитивных стратегий, которые отражают личностные особенности работы с информацией. Анализ полученных данных показал особую важность метакогнитивной стратегии осознания себя как специалиста. Именно большее понимание характера осуществления профессиональной переводческой деятельности позволило лучше анализировать как причины неудач в представленном переводе, так и причины успешных переводческих решений. Данное наблюдение свидетельствует о важности пропедевтического этапа в обучении будущих переводчиков, а также о важности развития навыков рефлексии на всем протяжении профессиональной практики. Перспективы исследования видятся в разработке педагогической технологии, позволяющей переводчику эффективно анализировать, структурировать и представлять информацию путем осознания личностных метакогнитивных особенностей.

Ключевые слова: устный перевод; переводчик; метакогниции; когниции; метакогнитивные стратегии; экспериментальное исследование.

Цитирование: Швецова Ю. О., Перевалова А. В. Опыт экспериментального исследования метакогнитивных стратегий в устной переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 192–207. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-192-207.

Experimental Research of Metacognition in Interpretation

Yulia O. Shvetsova, Anna V. Perevalova
Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

The article examines the possibility of experimental research of interpretation from the psycholinguistic perspective. The aim of the study is to capture and describe the metacognitive strategies that influence the process of interpretation. Metacognition is understood as mental activity aimed at understanding, regulating, and evaluating cognitive processes. The theoretical analysis of academic literature presented in the article reveals the differences between metacognitive and cognitive processes. Based on the important characteristics of a number of psychological mechanisms that are important for the performance of interpretation (perception, attention, probabilistic forecasting, imagination, memory, and emotional intelligence), the authors give examples of metacognitive questions that help future translators to understand and assess how well certain of their metacognitive strategies are formed.

The paper presents a detailed scenario of one such experiment, using as research material transcripts of interpretation performed as well as transcripts of discussions held before and after the interpretation. A total of 130 minutes of oral speech were analyzed, and excerpts from the discussion confirm the conclusions presented in the article. During the experiment, the authors were able to capture metacognitive strategies which manifested themselves at all stages of interpretation: from preparation for the upcoming situation of professional interaction to evaluating the results of the work. The paper features a number of examples of individual metacognitive strategies that reflect personal characteristics of processing and presenting information, and the analysis of the data obtained shows a special importance of the metacognitive strategy of an interpreter's awareness of themselves as a specialist/expert. A better understanding of the nature of professional interpretation clearly leads to a more effective analysis of reasons for both successful translation solutions and translation failures. This observation demonstrates the importance of the propaedeutic stage in the training of future translators as well as the importance of developing and honing reflection skills throughout professional practice. The practical relevance of the research lies in its usefulness for developing effective tools that would allow translators and interpreters to understand and enhance their personal metacognitive strategies for better analysis, structuring, and presentation of information.

Key words: interpretation; interpreter; metacognition; cognition; metacognitive strategies; experimental research.

Citation: Shvetsova, Yulia O., Perevalova, Anna V. (2022) Experimental Research of Metacognition in Interpretation. *LUNN Bulletin*, 4 (60), 192–207. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-192-207.

1. Введение

Для нахождения верного профессионального решения устный переводчик должен непрерывно воспринимать, интерпретировать и оценивать информацию, поступающую из сложного ситуативного контекста, соотнося ее с имеющимся когнитивным опытом. Когниции, по определению американского психолога Э. Хилгарда (Hilgard 1980), — это фундаментальное понятие, обозначающее процессы, связанные с приобретением знаний. Под метакогнициями вслед за Дж. Флейвеллом будем понимать «психическую деятельность человека, в процессе которой осуществляются изучение, контроль и управление собственными познавательными процессами» (Перикова, Ловягина, Бызова 2020: 8). В то же время совокупность произвольного и непроизвольного контроля индивидуальных интеллектуальных ресурсов, а также хода интеллектуальной деятельности вслед за М. А. Холодной определим как метакогнитивный опыт человека (Холодная 2002).

Если когниции помогают человеку достичь конкретной познавательной цели (например, понять текст), то метакогниции контролируют достижение этой цели (например, самоопрос на предмет понимания этого текста). Метакогнитивные компоненты, как правило, приходят в действие, когда познание не удастся (например, непонимание текста с первого прочтения), позволяя исправить ситуацию (Карпов 2018; Арпентьева 2019; Ариян 2021).

Когнитивные процессы описывают объекты в широком смысле, тогда как метакогниции применяются к самим когнитивным процессам. Когниция, таким образом, обозначает способность перерабатывать когнитивную информацию. Метакогниция, в противовес этому, может быть представлена как свойственная высокоорганизованному сознанию функция мониторинга когнитивных процессов (White 2005; Клепикова 2008; Балаганов, Давыдова 2019).

Анализ метакогниций может происходить с точки зрения как декларативного знания (осознание индивидуальных особенностей познания), так и процедурного (механизмы планирования, мониторинга, регуляции и оценки процесса мышления) (Flavell 1979; Schneider, Lockl 2002; Литвинов, Иволина 2013). Процедурное знание при этом является отражением метакогнитивных стратегий, которые мы можем объединить в группы согласно этапам осуществления профессиональной деятельности.

К первой группе отнесем метакогнитивные стратегии антиципации, связанные с осмыслением цели и задач коммуникации; планированием отдельных шагов деятельности; прогнозированием возможных трудностей; выбором инструментов для достижения цели и вероятностной оценкой успешности решения профессиональных задач. Вторая группа метакогнитивных стратегий реализуется в ситуации профессионального взаимодей-

ствия и направлена на определение качества предпринимаемых шагов, а также на осознание иерархии их важности; контроль и модификацию отдельных этапов; отбор внешних и внутренних ресурсов, необходимых для принятия решения; приостановку работы в случае необходимости. Цель метакогнитивных стратегий третьей группы заключается в сравнении предполагаемого и получившегося результатов; осмыслении причин возможных неточностей при решении профессиональной задачи, а также в мониторинге удачных стратегий реализации профессиональной деятельности. В отдельную, четвертую группу выделим стратегии, связанные с самоопределением человека как специалиста и осознанием особенностей профессии.

2. Метакогнитивная основа осуществления устной переводческой деятельности

Когнитивные и метакогнитивные процессы тесно переплетены, образуя две дополняющие и взаимозависящие стороны процесса мышления. Теоретическое и практическое исследование данных процессов продуктивно при условии учета обоих компонентов.

Опираясь на основополагающие характеристики ряда психологических механизмов, имеющих особое значение для осуществления устной переводческой деятельности (восприятие, внимание, вероятностное прогнозирование, воображение, память, эмоциональный интеллект), мы сформулировали перечень метакогнитивных вопросов (Fernández, Zabálbeascoa 2012), направляющих переводчиков на осознание сформированности или несформированности у них определенных метакогнитивных стратегий.

Так, устный перевод предполагает слуховое смысловое однократное *восприятие*. Результатом слухового восприятия является понимание или непонимание исходного сообщения (Серова 2001). На рецептивном этапе процесс восприятия речи происходит параллельно с процессом ее записи, т. е. возникает ситуация параллельного выполнения речевых действий слушания и письма (Руцкая 2011). В таком случае переводчик должен грамотно распределять внимание для одновременного выполнения различных интеллектуальных действий (Зимняя 1985; Ермолович 1999). Приведем пример метакогнитивных вопросов, относящихся к психологическому механизму восприятия:

— Можете ли Вы вспомнить случаи из практики, когда переводческая запись помогала или мешала пониманию сообщения? Проанализируйте эти ситуации по следующим критериям: ваше эмоциональное состояние, контекст коммуникации (личность

выступающего, условия (место, время, внешние объективные факторы), лингвистическая и тематическая сложность текста). По каждому из критериев определите, что способствовало или мешало применению инструмента переводческой записи для нахождения оптимального варианта перевода?

Е. В. Аликина (Аликина 2010) вслед за В. И. Ермоловичем и И. Я. Зимней приводит три уровня понимания при восприятии речевого высказывания: 1) понимание основного предмета (о чем?); 2) понимание смыслового содержания (что?); 3) понимание мотивов, внутренней логики смыслового содержания (зачем?). Метакогнитивные вопросы могут быть дополнены следующим примером:

– Всегда ли Вы понимаете конечную цель коммуникации, в рамках которой являетесь переводчиком, а также интенции каждого из ее участников? Можете ли Вы вспомнить случаи, когда качественная подготовка и достаточная профессиональная эрудиция способствовали пониманию, а также случаи, когда из-за пробелов в фоновых знаниях или недостаточной подготовки Вы не могли понять цель и задачи коммуникации? Как это отразилось на качестве перевода?

Следующий психологический механизм, *внимание*, представляет собой особое состояние психики, отличающееся направленностью и фокусом познавательных процессов для более полного отражения действительности. Внимание делится на произвольное (осознанно направляемое) и непроизвольное (бессознательное) и предполагает одновременное фокусирование на одних предметах или явлениях и отвлечение от других (Рубинштейн 2002; Тугушев 2006). Внимание можно оценить по следующим критериям: распределение, объем, концентрация и избирательность.

При осуществлении переводческой деятельности наблюдается одновременность реализации восприятия, осмысления оригинала, формирования замысла текста-высказывания, а для устного последовательного перевода характерна также фиксация исходного сообщения в переводческой записи. Чем более связаны между собой выполняемые действия и чем более автоматизированы навыки, обеспечивающие их реализацию, тем легче распределение внимания (Ермолович 1999; Рущкая 2010). Метакогнитивные проявления данного психологического механизма могут быть найдены в ответах на следующие вопросы:

– Случалось ли, что, услышав незнакомое выражение, Вы путались и восприятие информации становилось затруднительным или прекращалось?

– Какие факторы могут отвлечь Вас во время осуществления перевода: реакция аудитории, внешние факторы (например, шум), ведение переводческой записи, демонстрационные материалы, Ваше эмоциональное состояние?

– Если устное высказывание сопровождается дополнительными материалами (презентация, видео, раздаточный материал и др.), это упрощает или усложняет поиск оптимального варианта перевода?

– Насколько Вы контролируете свое невербальное поведение во время выполнения устного последовательного перевода? Какие условия могут на это повлиять в положительную или отрицательную сторону?

Под механизмом *вероятностного прогнозирования* принято понимать способность сопоставлять поступающую информацию из контекста с личной системой речевого опыта и на этой основе предсказывать продолжение высказывания (Аликина 2012).

Процесс прогнозирования опирается на уже имеющиеся в памяти шаблоны построения синтаксических схем в предложении, грамматические категории, лингвистическую вероятность сочетания на уровне слов, предложений и текста (Серова 2001). Приведем соответствующие примеры:

– Сколько времени в среднем Вы тратите на предпереводческую подготовку? Проанализируйте, есть ли у Вас алгоритм или отдельные обязательные этапы подготовки к ситуации перевода?

– Случалось ли, что Вы недооценивали или переоценивали то, насколько хорошо подготовились к ситуации перевода?

– Случалось ли, что лингвистическая или экстралингвистическая трудность в понимании высказывания была компенсирована профессиональной переводческой эрудицией, благодаря чему качество перевода не снижалось?

Категория *памяти* может быть классифицирована в зависимости от объема и времени хранения данных, а также от типа восприятия информации. В структуре памяти выделяют четыре относительно самостоятельных процесса: запоминание, воспроизведение, сохранение и забывание усвоенной информации (Тугушев 2006). Во время выполнения устного последовательного перевода запоминанию предшествует анализ не только отдельных частей смысла, но и логических связей между ними (Жаркова 2012). Примеры могут быть дополнены следующими метакогнитивными вопросами:

– Владеете ли Вы техниками тренировки памяти и запоминания информации? Есть ли у Вас алгоритм работы с незнакомой информацией при подготовке к ситуации перевода?

– Случалось ли, что во время осуществления устного перевода Вы не могли вспомнить на языке перевода какое-то значимое выражение, несмотря на то что хорошо его знали до этого? Можете ли Вы предположить причину забывания информации?

– Были ли в вашей практике ситуации, когда Вы не могли установить на слух логическую связь между отдельными частями смысла высказывания?

В контексте переводческой деятельности отдельно отметим семантическую память, которая оперирует знаниями, отражающими социальный и культурный опыт общества, и тем самым является незаменимым компонентом межкультурной коммуникации (Филатова 2009). Семантическая память образует «ментальный тезаурус» (Tulving 1972), организующий знание человека о значении слов и других вербальных символах, их взаимоотношениях и концептах. Метакогнитивные вопросы, связанные с данным видом памяти, могут быть следующие:

- Следите ли Вы за тем, что происходит в мире?
- Можете ли Вы сказать, почему интеллектуальное любопытство называют отличительной чертой переводческой деятельности?
- Можете ли Вы назвать отличия переводчика от полиглота?

Воображение, точно так же как и другие психологические механизмы, опирается на знание и зависит от разнообразия личностного опыта. Процесс изменения реальности или создания вымышленных образов не может выйти за пределы того, что составляет когнитивный опыт человека (Леонтьев 1997). Дополним список следующими вопросами:

- Представляете ли Вы смысл высказывания в виде образов?
- Согласны ли Вы с утверждением, что представление смысла высказывания в виде картинок способствует повышению качества перевода?
- Используете ли Вы рисунки во время ведения переводческой записи?

Определим также *эмоциональный интеллект* переводчика как отдельный психологический механизм. Эмоциональный интеллект включает в себя эмоциональное самоощущение (осознание того, какую эмоцию человек испытывает относительно происходящего), эмоциональный самоконтроль (трансляция собственных эмоций в конструктивном ключе во время выполнения профессиональной задачи), эмоциональную самомотивацию (поиск мотивации для достижения профессиональной цели), эмпатию (распознавание, понимание эмоций других людей и реагирование на них), коммуникацию и управление контактами (сохранение профессиональных отношений) (Goleman 1995; Гарскова 1999).

Для переводческой деятельности сложность мониторинга метакогнитивного проявления эмоционального интеллекта заключается в необходимости осознания не только собственных эмоций и состояний, но и эмоций и состояний других участников коммуникации. Важным также является не только управление положительно окрашенными эмоциями, но и способность переключать собственные негативно окрашенные чувства на поло-

жительные. Дополним примеры метакогнитивных вопросов:

– Хорошо ли Вы распознаете различные эмоции? Если нет, что может указать Вам на проявление той или иной эмоции? Случалось ли, что Вы не могли понять, какую эмоцию выражает в тексте автор или хочет передать докладчик?

– Отражаются ли эмоции в Вашем невербальном поведении во время выполнения перевода? В каком случае это уместно, а в каком — нет?

– Какие аспекты осуществления устной переводческой деятельности Вас привлекают больше остальных?

Можно предположить, что осознание личностных особенностей познания, относящихся к широкому кругу профессиональных задач устного переводчика, повышает качество переводческой деятельности. При этом данные метакогнитивные особенности могут быть зафиксированы и описаны в ходе особым образом организованного экспериментального исследования.

3. Характеристика материала и методов исследования

Цель экспериментального исследования, проведенного на базе кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета, заключалась в фиксации и описании метакогнитивных стратегий, влияющих на осуществление устной переводческой деятельности. Нами были созданы ситуации профессионального взаимодействия, в рамках которых мы предложили двум испытуемым осуществить устный последовательный перевод с английского и французского языков на русский. Подготовка ситуаций потребовала от нас решения ряда практических задач.

Поскольку предметом исследования являлись процессы, скрытые от прямого наблюдения, то первоочередная задача состояла в отборе основных методов исследования, к которым мы отнесли следующие: метод языковой интроспекции Л. Талми (Talmy 2018), метод мышления вслух, метод кейсов. Дополняя друг друга, данные методы обеспечивали взаимодополняющее описание характеристик искомого предмета.

Второй важной задачей стала разработка сценария проведения эксперимента. Работу над сценарием мы начали с определения списка стратегий, которые должны были проявить себя в экспериментальной ситуации. Затем к каждой стратегии мы составили перечень лексических, грамматических и тематических трудностей-ловушек, посредством разрешения которых мы предполагали зафиксировать реализацию тех или иных стратегий.

Составленные на основе данных трудностей тексты для устного последовательного перевода включали также композиционные сложности.

Устное высказывание было заранее разделено нами на реплики разного объема и содержания. Например, в тексте могли быть части по 5–7 предложений, заключающие какую-то отдельную историю (описание определенной сцены из фильма или отвлеченные размышления оратора, лишь косвенно относящиеся к главной теме), или части, включающие одно большое или 1–2 меньших по объему предложения. Были также части, в которых оратор, стараясь как будто придать дополнительную важность своим словам, переходил к практически пословному изложению своей мысли. Общее количество реплик — 16 (текст на английском языке), 17 (текст на французском языке). Разработанные тексты сопровождались презентациями.

Необходимо отметить, что тексты для устного последовательного перевода были составлены, принимая во внимание интересы испытуемых, их сильные и слабые стороны в переводческой деятельности, а также имеющийся профессиональный опыт. Испытуемому 1 (И1) мы предложили перевести последовательно с французского языка на русский сообщение, посвященное экранизации книги о Гарри Поттере. Испытуемый 2 (И2) выполнил устный последовательный перевод с английского языка на русский. Сообщение было посвящено культурному феномену Человека-паука. За день до проведения эксперимента испытуемые получили информацию о теме и контексте предстоящей ситуации перевода, могли задать уточняющие вопросы или попросить дополнительные материалы.

Непосредственно при реализации экспериментальной ситуации на предпереводческом и постпереводческом этапах мы провели с испытуемыми беседу, используя заранее составленные метакогнитивные вопросы, которые дополнялись в зависимости от полученных ответов.

Наконец, третьей задачей назовем трудоемкую подготовительную работу. Нами были проведены встречи, на которых мы рассказали испытуемым о цели и задачах эксперимента, а также провели предварительную серию заданий, обучая испытуемых отвечать на метакогнитивные вопросы, предполагающие способность оценивать и вербализировать свое внутреннее состояние.

Материалом исследования стала стенограмма устных последовательных переводов, а также стенограмма предпереводческой и постпереводческой беседы с испытуемыми. Всего было задано 93 вопроса, проанализировано 130 минуты звучащей речи.

4. Результаты исследования

При анализе переводов испытуемых, а также ответов на метакогнитивные вопросы до и после осуществления перевода мы нашли подтвер-

ждение наличия или отсутствия у них сформированных метакогнитивных стратегий, влияющих на выбор верного профессионального решения. Приведенные примеры из стенограммы беседы с испытуемыми даны без изменений.

Стратегия прогнозирования ситуации профессионального взаимодействия

Мы: Вы знали, что это будет закрытие конференции, посвященной Гарри Поттеру. Скажите, пожалуйста, как Вы представляете формат? Что могут сказать во время подобной встречи?

И1: Наверное, будет заключительное слово от организаторов или от писателя Роулинг. Она или организаторы будут подводить итоги, называть цифры, связанные с количеством проданных экземпляров или с количеством участников, посетивших конференцию. Какие итоги были, может быть, были какие-то воркшопы <...> Я бы сказала об огромном вкладе, который оказали в свое время и сейчас продолжают книги о Гарри Поттере на детей, подростков, даже на взрослых. О том, что это воспитательный роман, жанр. Возможно, будет что-то связанное с массовой культурой, потому что книги о Гарри Поттере популярны во многих странах.

Мы: Как Вы оцениваете свои силы до перевода?

И1: Думаю, будет непростой текст для перевода, потому что волшебная тематика, лексика, плюс я не знаю хорошо сюжет и какие-то факты о Гарри Поттере. Предполагаю, что это может мне помешать хорошо перевести.

Несформированность данной стратегии повлияла на качество предоставленного перевода И2:

Мы: Вы знали, что текст будет посвящен Человеку-пауку, и мероприятие, на котором выступает докладчик, — конференция. Как Вы думаете, о чем может пойти речь?

И2: Нет конкретных идей. Скорее всего, частично будет затронута история комиксов, будет что-то связано с фильмами.

Мы: Как Вы думаете, какие сложности могут встретиться при переводе?

И2: Я не задумывалась, честно говоря. Я думала, что, скорее всего, будет что-то мне знакомое, потому что увлекаюсь комиксами, понадеялась на свои существующие знания.

Стратегия непрерывного мониторинга когнитивного контроля деятельности

Мы: Как Вы думаете, были ли неточности в вашем переводе?

И1: Мне кажется, в моем переводе ошибки стопроцентно были. Например, там было слово, обозначающее язык, я сказала «римский», когда переводила, а потом практически сразу подумала: «нет же такого языка».

Мы: Почему Вы себя не исправили?

И1: Не сориентировалась, когда это можно было сделать. Нужно было думать уже над следующей частью перевода.

Мы: Давайте разберем неточности перевода в этом абзаце. Что Вы можете отметить?

И2: Какая бессвязная речь! Во время перевода я не обратила внимание, казалось, все хорошо. Никогда не обращала на это внимание. Мне это не нравится.

Мы: Вы говорили, что в этой части нет для вас лингвистических сложностей. С чем тогда Вы можете связать возникшие трудности?

И2: Не знаю, я никогда об этом не задумывалась, правда. Но это очень интересно.

Стратегия оценки профессиональной переводческой эрудиции

И1: Я помню, были реплики, которые содержали в себе какие-то фоновые знания. И если бы, например, я смотрела ту сцену [из первой части фильма о Гарри Поттере. — *Прим. авторов*], то, может быть, я могла бы на основе своих знаний про нее рассказать, но, к сожалению, нет. Я попыталась передать понятое максимально общими конструкциями, чтобы не обмануть слушающих.

И2: Сложно было с перечислением персонажей в начале, но я, кажется, справилась. А в целом сейчас реклама повсюду, и, наверное, если бы я сама не интересовалась этим, то в любом случае бы слышала названия.

Стратегия управления эмоциональным интеллектом

Мы: Почему оратор сделал паузу здесь?

И1: <...> Он делает акцент. Сейчас понимаю, что это не простое перечисление, а оратор эти слова намеренно выделил [речь идет о пословном представлении докладчиком информации для перевода. — *Прим. авторов*]. Может быть, таким образом хотел произвести эффект на слушателей. В моменте это было неожиданно.

Стратегия оценки возможности опоры на профессиональный опыт

Мы: Вы оставили по-английски слово «спайдерверс». Почему?

И2: Потому что в русскоязычной среде, в комиксах, среди подростков, при обсуждении Человека-паука используется это слово.

Мы: Почему тогда слово «клифхэнгер» Вы решили перевести?

И2: Это слово менее известно, поэтому я решила изменить.

Мы: Но при этом оба слова звучат в одном предложении. То есть одна и та же аудитория понимает «спайдерверс», но не понимает «клифхэнгер»?

И2: Думаю, получилось так, потому что я сама долгое время не понимала, что означает слово «клифхэнгер», поэтому решила его не использовать.

Стратегия отслеживания эффективности использования профессиональных переводческих инструментов

Мы: То есть Вы опустили эти имена в переводе, потому что не записали?

И2: Да.

Мы: Но при этом Вы говорите, что эти имена были Вам знакомы?

И2: Да, так и есть. <...> Получается, не перевела, потому что этого не оказалось в моей переводческой записи, хотя знала.

Мы: И также Вы поступили с J. Jonah Jameson?

И2: Там я плохо расслышала.

Мы: А почему не переспросили?

И2: В моменте мне не пришло это в голову.

Стратегия оценки результата своего труда

Мы: На что важно обращать внимание при выполнении перевода?

И1: Меня больше всего удивила моя способность переформулировать текст. Как мы выяснили, я стараюсь преподнести перевод так, чтобы он был интересен и максимально полезен аудитории. Как вы сказали, это моя сильная сторона, о которой я не подозревала. Это здорово!

Мы: Есть ли что-то из нашего разговора, что Вы могли бы привнести в свою профессиональную деятельность?

И2: Я поняла, что совсем не умею готовиться к переводу. Поиск информации осуществляю, но оказалось, этого недостаточно. <...> Раньше не замечала этого. Нужно уметь задавать дополнительные вопросы о переводческой ситуации, знать, о чем спросить. У меня проблема с вопросами при подготовке.

Стратегия оценки возможности опоры на внутренние ощущения

И2: Иногда я просто чувствую те слова, которые нужно произнести. То есть я не думаю, не вижу отдельных слов, а просто знаю, что нужно сказать, тогда перевод получается. Иногда этого нет.

5. Выводы

Анализ зафиксированных нами метакогнитивных стратегий позволяет назвать еще одну, ярко проявившуюся в ответах испытуемых, а именно — метакогнитивную стратегию осознания себя как специалиста. Анализ стенограммы беседы с испытуемыми показал, что И1 лучше понимает осо-

бенности осуществления переводческой деятельности, отличающие ее от других видов языковой деятельности, и, как следствие, лучше осознает поставленную профессиональную задачу. Из ответов И1 можно заключить, что именно большее ассоциирование себя с профессией явилось причиной ее большей вовлеченности в осмысление факторов, повлиявших на осуществление устного перевода. Ответы И2 об отличительных чертах переводческой деятельности были менее развернутыми и профессионально обоснованными. В то же время устный перевод И2 содержал большее количество смысловых неточностей, чем перевод И1. В рамках созданной нами экспериментальной ситуации именно недостаточная реализация метакогнитивной стратегии осознания себя как специалиста препятствовала И2 при анализе недостатков выполненного перевода.

Данное наблюдение о связи степени осознания характера профессиональной деятельности с успешностью ее осуществления требует дальнейшего изучения, однако уже сейчас мы можем говорить о важности пропедевтического этапа в обучении переводческой деятельности. При этом пропедевтическая работа не должна сводиться к вводному курсу, предвосхищающему изучение устного перевода, а должна сопровождать будущего переводчика на всем протяжении процесса обучения, предлагая инструменты для самостоятельного критического анализа результата своего труда. Одним из таких инструментов может стать знакомство обучающихся с метакогнитивными аспектами деятельности.

Исследование позволило констатировать важность выявления не только негативных стратегий профессионального поведения, которые могут привести к ошибке, но и позитивных стратегий, которые при условии их осознания могут быть перенесены в следующие ситуации профессионального взаимодействия. Прежде чем изучать, почему переводчик ошибся, представляется важным выяснить, почему ему удалось верно передать смысл сообщения на другом языке.

В ходе проведения эксперимента испытуемые неоднократно отмечали личностные особенности осуществления устного перевода, о которых не задумывались раньше. Например, стратегия переформулирования информации прослеживалась во всех удачных вариантах перевода, выполненных И1, что свидетельствует о способности переводчика видеть смысл за преградой слов и перерабатывать его, учитывая контекст ситуации профессионального взаимодействия. По словам И2, участие в эксперименте позволило «по-новому, как бы другими глазами» взглянуть на осуществляемый ею устный перевод. Ответы на метакогнитивные вопросы позволили установить одну из причин, из-за которой испытуемой не всегда удавалось представить перевод как законченное высказывание, соответствующее

нормам русского языка. Оказалось, что даже когда испытуемая понимала сказанное на иностранном языке, она не успевала «увидеть» смысл целиком и зафиксировать его в виде законченной картинки. Стремясь быстрее представить вариант перевода, испытуемая начинала говорить, но через какое-то время запинаясь, речь становилась неправдоподобной и бессвязной. Именно в этот момент информация ускользала от ее внутреннего взора. Эксперимент показал, что представление смысла исходного сообщения в виде картинки является личностной особенностью переработки информации И2. Картинка в этом примере является сцепкой между когнитивными процессами понимания услышанного, внутреннего формулирования смысла на языке перевода и говорения. Контроль и управление данными процессами посредством представления смысла в виде картинки станет для этого переводчика индивидуальной метакогнитивной стратегией, повышающей качество устного перевода.

Таким образом, проведенное экспериментальное исследование подтверждает важность дальнейшего изучения метакогнитивных проявлений устной переводческой деятельности. Конечной целью экспериментальной работы будет являться разработка действенного инструмента, который позволит переводчику осознавать личностные особенности анализа, обобщения и представления информации.

Список литературы / References

- Аликина Е. В. Введение в теорию и практику устного последовательного перевода. М.: Восточная книга, 2010. [Alikina, Elena V. (2010) *Vvedenie v teoriyu i praktiku ustnogo posledovatel'nogo perevoda* (Introduction to the Theory and Practice of Consecutive Interpretation). Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian)].
- Аликина Е. В. Психологическая модель устного последовательного перевода // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 285. [Alikina, Elena V. (2012) *Psikhologicheskaya model' ustnogo posledovatel'nogo perevoda* (Psychological Model of Consecutive Interpretation). *Modern Problems of Science and Education*, 6, 285. (In Russian)].
- Ариян М. А. Развитие критического мышления учащихся в контексте развивающего подхода к обучению иностранным языкам // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 3 (55). С. 128–141. [Ariyan, Margarita A. (2021) *Razvitie kriticheskogo myshleniya uchashchikhsya v kontekste razvivayushchego podkhoda k obucheniyu inostrannym yazykam* (Developing Critical Thinking Within the Context of the Developmental Approach to Foreign Language Learning). *LUNN Bulletin*, 3 (55), 128–141. (In Russian)].
- Арпентьева М. Р. Современная метакогнитивная психология: проблемы исследования метакогниций // Язык и культура: сборник статей XXIX Международной научной конференции / Отв. ред. С. К. Гураль. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2019. С. 276–283. [Arpent'eva, Mariyam R. (2019) *Sovremennaya metakognitiv-*

- naya psikhologiya: problemy issledovaniya metakognitsii (Modern Metacognitive Psychology: The Problems of Study of Metacognitions). In Gural', Svetlana K. (ed.) *Yazyk i kul'tura: sbornik statei XXIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Language and Culture: Collection of Proceedings of XXIX International Scientific Conference). Tomsk: National Research Tomsk State University, 276–283. (In Russian)].
- Балаганов Д. В., Давыдова Т. Ю. Когнитивные механизмы в синхронном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 47. С. 19–32. [Balaganov, Dmitrii V., & Davydova, Tat'yana Yu. (2019) Kognitivnye mekhanizmy v sinkhronnom perevode (Cognitive Mechanisms in Simultaneous Interpretation). *LUNN Bulletin*, 47, 19–32. (In Russian)].
- Гарскова Г. Г. Введение понятия «эмоциональный интеллект» в психологическую теорию // Ананьевские чтения: Тез. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 26–28 октября 1999. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 25–26. [Garskova, Galina G. (1999) Vvedenie ponyatiya «ehmotsional'nyi intellekt» v psikhologicheskuyu teoriyu (Introduction of the Concept of “Emotional Intelligence” into Psychological Theory). In *Ananyevskie chteniya: Tez. nauch.-prakt. konf. Sankt-Peterburg*, 26–28 oktyabrya 1999 (Ananyev's Readings: Abstracts of the Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, October 26–28, 1999). Saint Petersburg: SPSU, 25–26. (In Russian)].
- Ермолович В. И. Проблемы изучения психологических аспектов перевода // Тетради переводчика. 1999. Вып. 24. С. 45–62. [Ermolovich, Viktor I. (1999) Problemy izucheniya psikhologicheskikh aspektov perevoda (Problems of Studying Psychological Aspects of Translation). *Tetradi perevodchika*, 24, 45–62. (In Russian)].
- Жаркова О. С. Механизмы памяти в устном последовательном переводе // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2012. № 2. С. 32–35. [Zharkova, Olga S. (2012) Mekhanizmy pamyati v ustnom posledovatel'nom perevode (Memory Mechanisms in Consecutive Interpretation). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda*, 2, 32–35. (In Russian)].
- Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985. [Zimnyaya, Irina A. (1985) *Psikhologicheskie aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke* (Psychological Aspects of Learning to Speak a Foreign Language). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Карпов А. В. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. [Karpov, Anatolii V. (2018) *Struktura metakognitivnoi regulyatsii upravlencheskoi deyatel'nosti* (The Structure of Metacognitive Regulation of Management). Yaroslavl': Demidov Yaroslavl State University. (In Russian)].
- Клепикова Т. А. Метакогниция и язык // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 155–158. [Klepikova, Tat'yana A. (2008) Metakognitsiya i yazyk (Metacognition and Language). *Tambov University Review. Series: Humanities*, 3, 155–158. (In Russian)].
- Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 1997. [Leont'ev, Aleksei A. (1997) *Psikhologiya obshcheniya* (Psychology of Communication). Moscow: Smysl. (In Russian)].
- Литвинов А. В., Иволина Т. В. Метакогниция: Понятие, структура, связь с интеллектуальными и когнитивными способностями // Современная зарубежная психология. 2013. № 3. С. 59–70. [Litvinov, Aleksandr V., & Ivolina, Tat'yana V. (2013) Metakognitsiya: Ponyatie, struktura, svyaz' s intellektual'nyimi i kognitivnymi sposobnostyami (Metacognition: Concept, Structure, Association with Intellect and Cognitive Processes). *Journal of Modern Foreign Psychology*, 3, 59–70. (In Russian)].
- Перикова Е. И., Ловягина А. Е., Бызова В. М. Психология метапознания. СПб.: Скифия-принт, 2020. [Perikova, Ekaterina I., Lovyagina, Aleksandra E., & Byzova, Valentina

- М. *Psikhologiya metapoznaniya* (Psychology of Metacognition). Saint Petersburg: Skifiya-print. (In Russian)].
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 2002. [Rubinshtein, Sergei L. (2002) *Osnovy obshchei psikhologii* (Fundamentals of General Psychology). Moscow: Pedagogika. (In Russian)].
- Руцкая Е. А. Взаимодействие психологических механизмов в процессе аудирования в условиях устного последовательного одностороннего перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. № 4. С. 125–133. [Rutskaya, Ekaterina A. (2010) *Vzaimodeistvie psikhologicheskikh mekhanizmov v protsesse audirovaniya v usloviyakh ustnogo posledovatel'nogo odnostoronnego perevoda* (Interaction of Psychological Mechanisms in the Process of Listening in the Context of Consecutive One-way Interpretation). *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 4, 125–133. (In Russian)].
- Руцкая Е. А. Механизм переключения в процессе формирования информационно-направленных навыков переводческого аудирования // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 16. С. 151–161. [Rutskaya, Ekaterina A. (2011) *Mekhanizm pereklyucheniya v protsesse formirovaniya informatsionno-napravlennykh navykov perevodcheskogo audirovaniya* (The Mechanism of Switching in the Process of Formation of Information-Oriented Skills of Translation Listening). *LUNN Bulletin*, 16, 151–161. (In Russian)].
- Серова Т. С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. Пермь: ПНИПУ, 2001. [Serova, Tamara S. (2001) *Psikhologiya perevoda kak slozhnogo vida inoyazychnoi rechevoi deyatel'nosti* (Psychology of Translation as a Complex Type of Foreign Language Speech Activity). Perm': PNRPU. (In Russian)].
- Тугусhev Р. Х. Общая психология. М.: Эксмо, 2006. [Tugushev, Rashid Kh. (2006) *Obshchaya psikhologiya* (General Psychology). Moscow: Ehksmo. (In Russian)].
- Филатова О. М. К вопросу о понимании текста оригинала в процессе перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. Вып. 6. С. 26–30. [Filatova, Ol'ga M. (2009) *K voprosu o ponimanii teksta originala v protsesse perevoda* (On the Question of Understanding the Source Text in the Process of Translation). *LUNN Bulletin*, 6, 26–30. (In Russian)].
- Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. [Kholodnaya, Marina A. (2002) *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* (Psychology of Intelligence: Paradoxes of Research). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Fernández, Francesc, & Zabalbeascoa, Patrick. (2012) Developing Trainee Translators' Strategic Subcompetence Through Metacognitive Questionnaires. *Meta*, 57 (3), 740–762.
- Flavell, John H. (1979) Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive Developmental Inquiry. *American Psychologist*, 34 (10), 906–911.
- Goleman, Daniel. (1995) *Emotional Intelligence*. New York: Penguin Random House.
- Hilgard, Ernest R. (1980) The Trilogy of Mind: Cognition, Affection, and Conation. *Journal of the History of the Behavioral Sciences*, 16 (2), 107–117.
- Schneider, Wolfgang, & Lockl, Kathrin. (2002) The Development of Metacognitive Knowledge in Children and Adolescents. (eds.) *Applied metacognition*. Cambridge University Press, 224–258.
- Talmy, Leonard. (2018) Introspection as a Methodology in Linguistics. In *Ten Lectures on Cognitive Semantics*. Leiden: Brill, 218–262.
- Tulving, Endel. (1972) *Episodic and Semantic Memory*. New York: Academic Press, INC. (London) LTD.
- White, Barbara A. (2005) Theoretical Framework and Approach for Fostering Metacognitive Development. *Educational Psychologist*, 40 (4), 211–223.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-208-214

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т. Н. Федуленкова, А. Д. Бакина

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Рецензия на книгу: *Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике*. М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с. ISBN 978-5-9765-1683-0.

Важным базовым компонентом любой научной работы является методология и соответствующий набор методов исследования. Релевантный, правильный подбор методов научного анализа с сопутствующими методиками в значительной мере определяет достоверность и доказательность результатов поисков ученого и успешность исследовательской работы в целом (Бакина, Федуленкова 2022).

Перед каждым языковедом возникает один и тот же ряд вопросов: а) с чего следует начинать исследование, б) как выбрать объект исследования, в) как грамотно определить предмет исследования, г) какой объем языкового материала необходимо изучить, д) какие стороны, характерные черты и свойства необходимо проанализировать (Токарева 2004: 4).

Другими словами, проблема методологии лингвистических исследований — это, вне всякого сомнения, центральная проблема современной лингвистики. Именно поэтому она традиционно представлена почти во всех программных учебниках и учебных пособиях по языкознанию, а также в специальных монографических работах лингвистов, философов, логиков и специалистов других смежных научных направлений.

На практике же мы встречаемся с парадоксальным фактом: с одной стороны, конкретные вопросы по методологии обсуждаются в каждом исследовании, с другой стороны, катастрофически не хватает сочинений по методологии обобщающего, системного свойства (Гринёв-Гриневич, Сорокина 2010: 277).

Заслуга З. И. Комаровой состоит в том, что ученый не только видит, что «одной из насущных проблем современной лингвистики (металингви-

стики) является создание системной методологии» (с. 6), но и предпринимает много усилий для достижения этой цели.

Своему фундаментальному труду, посвященному, как скромно указывает автор, «введению» в системную методологию — поскольку «эта проблема находится в стадии становления», — З. И. Комарова придает логически вполне прозрачную четырехчастную структуру.

Первая часть книги имеет название «Системная лингвистическая методология: основание и характеристика деятельности», включает главы 1–6 и посвящена таким источникам и составным компонентам лингвистической методологии, как философия и философские науки, науковедение, логика и психология, аксиология, этика и эстетика, системология, семиотика и лингвистика.

Вторая часть книги (главы 7–10) имеет название «Метод как ядро системной лингвистической методологии», здесь автор раскрывает теорию лингвистического метода. В главе 7 «Общая теория метода» рассматриваются такие вопросы, как сущность метода и его функции, проблема классификации и систематизации методов, философские методы, натурфилософский и диалектический методы, метод восхождения от абстрактного к конкретному, метафизический, трансцендентальный и феноменологический методы, а также философско-общелогические методы и приемы.

В главе 8 «Методы гибридных методологических уровней» автор рассматривает такие вопросы, как основные концепты системологии, основные методы исследования систем, системный подход как синтез философской и общенаучной методологии, синергетический подход как синтез философской и общенаучной методологии, семиотический подход как синтез философской и общенаучной методологии, основания семиотического подхода, семиотический метод в его проблематике, процедурах и приемах.

Среди общенаучных методов и приемов исследования (глава 9) автор останавливает внимание на методах и приемах эмпирического и теоретического исследования и дает их краткую характеристику, рассматривает метод моделирования, методы активизации творческого мышления, касается проблемы методов метатеоретического уровня научного познания.

Глава 10 под названием «Частнонаучные методы в социально-гуманитарном познании» включает рассмотрение проблемы специфики социально-гуманитарного познания и социально-гуманитарных наук, методов и приемов социально-гуманитарных наук; автор привлекает внимание читателя к вопросу о новой парадигме и методологии социально-гуманитарных наук на пути к единству естественно-научной и гуманитарной культуры.

Третья часть книги (главы 11–14) имеет название «Дисциплинарные методы и методики системной лингвистической методологии». Это самая обширная часть сочинения, занимающая более трети (34,8 %) объема книги.

Глава 11 «Лингвистические основы дисциплинарного метода и методик» посвящена рассмотрению вопросов о языковой действительности и дисциплинарном методе лингвистики, о дисциплинарно-методологической структуре современной лингвистики, о парадигмальном подходе в методологии современной лингвистики.

Глава 12 «Макропарадигмальные методы и методики лингвистики» посвящена рассмотрению истории становления, общей характеристике и оценке успехов и недостатков четырех исторически доминантных методов в лингвистике, а именно: сравнительно-исторического, структурного, коммуникативно-прагматического, когнитивного метода и их методик.

Глава 13 «Методы и методики частных парадигм лингвистики» посвящена рассмотрению вопросов сущности междисциплинарных исследований в гибридных областях наук. В этой главе дается подробная характеристика девяти междисциплинарным парадигмам: социолингвистике, психолингвистике, нейролингвистике, паралингвистике, этнолингвистике, ареальной лингвистике, лингвокультурологии, политической лингвистике и межкультурной коммуникации. Перспективы развития частных парадигм лингвистики связываются автором с продолжающейся специализацией и дифференциацией знаний, когда дробление уже не разъединяет, а объединяет знания, что дает возможность изучать сложные и многомерные объекты и вызывает рост числа предметных областей, претендующих на статус особых / частных лингвистик, примерный перечень которых читатель находит на с. 563.

Глава 14 «Непарадигмальные методы и методики лингвистики» включает описание дисциплинарных непарадигмальных методов и методик лингвистики и частнодисциплинарных непарадигмальных методов и методик.

В первых четырех параграфах этой главы рассматриваются такие дисциплинарные непарадигмальные методы и методики лингвистики, как описательный метод и его методики, лингвостатистический метод и его методики, контекстологический анализ и валентностный анализ. Указывая на древнейшую историю и подчеркивая универсальность описательного метода, автор дает детальную характеристику таким его методикам, как наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация. Автор обращает внимание на большой эвристический потенциал методики классификации, пережившей важный этап в своей эволюции — таксономический — и, будучи способной сочетаться со структурным и типологическим методом, представляющей «возможность обобщать и интерпретировать не только реально наблюдаемые

факты и явления, но и выводимое из них структурно-системное устройство языка» (с. 566) или разных языков, что особенно важно в диахронических исследованиях и при восстановлении праязыковых систем.

Проводя дифференциацию таких понятий контекстологического анализа, как «коллокация» и «коллогация», З. И. Комарова привлекает в качестве аргументов семантические и морфолого-синтаксические факторы, обуславливающие их существование и функционирование.

Автор справедливо критикует «огрубленную модель» контекста Н. Н. Амосовой, создателя теории контекстологического анализа, — модель, которая ограничена рамками предложения (с. 585). Кстати, эта теория была подвергнута детальной критике выдающимся специалистом по фразеологии и основателем английской фразеологии как науки А. В. Куниным (Кунин 1970: 39–41), доказавшим несостоятельность теории внутреннего контекста фразеологической единицы, предложенной Н. Н. Амосовой (Амосова 1963: 58–112).

Касаясь вопроса валентностного анализа, З. И. Комарова прослеживает историю возникновения термина «валентность» и его проникновения в область метаязыка лингвистики, объясняя при этом стадии валентностного анализа и различия между внутренней и внешней валентностью (с. 588) в лингвистическом исследовании.

В следующих пяти параграфах 14-й главы рассматриваются такие частнодисциплинарные непарадигмальные методы и методики лингвистики, как метод и методики диалектологии, метод и методики этимологии, метод и методики ономастики, метод и методики лингвостилистики и, наконец, метод и методики прикладной лингвистики. Истории и характеристике каждого из этих методов с его методиками предпосылается определение метода, и дается список основных концептов этого метода. Рассматривая вопросы диалектологии, автор фокусирует внимание на дифференциации описательной диалектологии и исторической диалектологии и их разновидностях и дает определение ее основным концептам (с. 591).

Рассматривая метод и методики этимологии, З. И. Комарова представляет к обсуждению несколько лексем и устойчивых сочетаний, обозначающих процесс установления происхождения слов. При этом автор отмечает, что «термин этимология, введенный в научный оборот древнегреческими стоиками, обретает подлинно научный смысл только в связи со становлением сравнительно-исторического метода, то есть с использованием его методик, приемов и процедур» (с. 595). На основе тщательного анализа многовековой практики этимологических изысканий З. И. Комарова предлагает логику этимологического анализа, включающую четыре этапа работы с языковым материалом (с. 601).

Не менее интересны параграфы, описывающие методы, методики, приемы и процедуры ономастических исследований, в которых автор обсуждает многообразие объектно-предметных сфер исследований, многовекторность целей и задач, обуславливающих необходимость использования лингвистических и нелингвистических средств изучения, например типологического метода — для установления изоморфизма и алломорфизма в онимии (см. тж.: [Fedulenkova 2019]), или текстологического анализа — для дешифровки текста по именам и реконструкции имени в тексте (с. 606).

Одним из интереснейших разделов книги, на наш взгляд, является раздел, посвященный методу и методике лингвостилистики. Автор смело приглашает читателя к обсуждению многовекторности объектно-предметных областей данного метода, а также методики ступенчатого анализа стилистически маркированных текстов, которая была разработана И. Р. Гальпериным и представляет собой ряд процедур, как то: таксономическая, информативная, семантическая, стилистическая, функциональная и синтезирующая (Гальперин 1976: 267).

Не проходит З. И. Комарова и мимо обсуждения валидности стилистического эксперимента, который, предположительно, «должен быть ориентирован не столько на установление конкретных значений анализируемых стилистических фактов, сколько на пробуждение и развитие стилистического чутья» (с. 620).

Четвертая часть книги «Технологии системной лингвистической методологии» начинается с главы 15 «Технология познания в лингвистическом исследовании», посвященной раскрытию технологии конкретного лингвистического исследования, под которой понимается «фиксированная совокупность приемов научно-практической деятельности, приводящей к заранее определенному результату и включающей способы и средства описания как получения нового знания, так и описания результатов этого конкретного лингвистического исследования, которые зависят от личности лингвиста-исследователя» (с. 633).

В этой главе читатель найдет ответ на вопросы: что такое проблемный библиографический поиск, какие имеются инновационные источники информации, как нужно читать научную литературу и как вести записи при изучении научной литературы. Читатель узнает, что такое маргиналии и как ими пользоваться, получит рекомендации по разметке исходных источников информации, узнает, в чем смысл корпусно-ориентированной лингвистики, ознакомится с технологией моделирования понятийно-терминологического аппарата диссертации, научится оперировать параметрами «диссертательности» исследования.

Глава 16 «Технология описания результатов лингвистического исследования» посвящена технологии моделирования научного текста и его редактирования / саморедактирования.

Важной составляющей рецензируемой книги являются группы вопросов и заданий для обсуждения, представленные в конце каждой главы. Вопросы касаются цели, объекта, предмета и сущности того или иного метода, границ его применения, детализации методик каждого конкретного метода, методологической базы метода и его «живучести» или, напротив, непродуктивности. Подчеркнем оригинальность и остроту вопросов для обсуждения, напр.:

- Почему этимологический анализ не может быть комплексным?
- Почему ономастические исследования требуют комплексного, междотраслевого метода?
- Почему концепт *стиль* не имеет общепринятого определения?
- В чем состоит дискуссионность концепта *функциональный стиль*?
- Почему *моделирование* является господствующим методом прикладной лингвистики?
- Как модифицируется общенаучный метод моделирования при экстраполяции его в прикладную лингвистику?

После каждой главы дается список литературы для более глубокого изучения, включающий несколько десятков авторов или наименований (напр., 106 источников — на с. 69–70, 139 источников — на с. 379–380 и т. п.), что делает книгу незаменимой в преподавании курса методологии в языковой магистратуре и аспирантуре по специальности 5.9.6. — Языки народов зарубежных стран.

В целом рецензируемая книга представляет собой фундаментальный труд по истории методологии, метода и технологии научных исследований в лингвистике. Книга является результатом многолетнего кропотливого труда ученого-лингвиста З. И. Комаровой с характерным для профессора бережным отношением к творческому наследию других ученых и всесторонним освещением рассматриваемых проблем. Как труд актуальный и новаторский рецензируемая книга рекомендуется к использованию в обучении магистрантов и аспирантов языковых специальностей.

Список литературы / References

- Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963.
 [Amosova, Natalia N. (1963) *Osnovy anglijskoj frazeologii* (Fundamentals of English Phraseology). Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta. (In Russian)].
- Бакина А. Д., Федуленикова Т. Н. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии: рецензия на книгу Ю. С. Степанова «Методы и принципы современной лингвистики» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. № 8 (2).

- С. 190–196. [Bakina, Anna D., & Fedulenkova, Tatiana N. (2022) *Metody lingvisticheskogo issledovaniya v sinhronii i diahronii: retsenziya na knigu Yu. S. Stepanova «Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki»* (Methods of Linguistic Research in Synchrony and Diachrony: reviews of Yu. S. Stepanov's Book "Methods and Principles of Modern Linguistics"). *Theoretical and Applied Linguistics*, 8 (2), 190–196. (In Russian)].
- Гальперин И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 267–290. [Gal'perin, Ilya R. (1976) *O principah semanticheskogo analiza stilisticheski markirovannyh otrezkov teksta* (On the Principles of Semantic Analysis of Stylistically Marked Segments of the Text). In *Principy i metody semanticheskikh issledovaniy* (Principles and Methods of Semantic Research). Moscow: Nauka, 267–290. (In Russian)].
- Гринёв-Гриневич С. В., Сорокина Э. А. О современных методах лингвистических исследований (к постановке проблемы) // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии. М.: Авторская академия, 2010. С. 277–290. [Grinyov-Grinevich, Sergey V., & Sorokina, Elvira. A. (2010) *O sovremennyh metodah lingvisticheskikh issledovaniy (k postanovke problemy)* (On Modern Methods of Linguistic Research (to the Formulation of the Problem)). *Non multum, sed multa: Nemnogo o mnogom. U kognitivnyh istokov sovremennoj terminologii* (Non multum, sed multa: A Little about a Lot. At the Cognitive Origins of Modern Terminology). Moscow: Avtorskaya akademiya, 277–290. (In Russian)].
- Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. М.: Высшая школа, 1970. [Kunin, Aleksandr V. (1970) *Anglijskaya frazeologiya. Teoreticheskij kurs* (English Phraseology. Theoretical Course). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Токарева И. И. Принципы и методы исследования языка. Минск: Изд-во МГЛУ, 2004. [Tokareva, Irina I. (2004) *Principy i metody issledovaniya yazyka* (Principles and Methods of Language Research). Minsk: Izd-vo MGLU. (In Russian)].
- Fedulenkova, Tatiana. (2019) Isomorphism and Allomorphism of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor. *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, vol. 15, 3 (45), 126–134.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акай Оксана Михайловна, доктор филологических наук, доцент, доцент Российского университета дружбы народов, доцент кафедры английского языка в сфере журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: oksanaakay@mail.ru

Аликина Елена Вадимовна, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки, лингвистика и перевод» Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: elenaalikina@yandex.ru

Аликин Михаил Юрьевич, аспирант Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: m-alikin@yandex.ru

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, сотрудник Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: heart-anna@yandex.ru

Баранова Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: oska_1965@mail.ru

Басова Татьяна Александровна, аспирант Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: tan-yatako@gmail.com

Беляева Ирина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). E-mail: irinabelyaeva23234@mail.ru

Брусенская Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Ростовского государственного экономического университета. E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Войлокова Елена Аркадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: elena.voilokova@mail.ru

Волкова Татьяна Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: tatia.volkova@gmail.com

Жиганова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков Высшей школы международных отношений и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: avzhiganova@lunn.ru

Кодалаева Хансият Герсановна, заведующий кафедрой международной журналистики Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова. E-mail: kh_kodalaty@mail.ru

Коломиец Светлана Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета. E-mail: kolomsvetlana@yandex.ru

Котаева Алена Рутеновна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова. E-mail: saleks1966@mail.ru

Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов. E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Кулумбегова Людмила Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова. E-mail: kulumbegLV@yandex.ru

Курукалова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: katya_polyanskay@mail.ru

Мальцев Дмитрий Викторович, кандидат технических наук, доцент, начальник отдела обеспечения учебного процесса Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: mdv@pstu.ru

Перевалова Анна Васильевна, магистрант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: perevalova.a.v@yandex.ru

Потапова Наталья Вадимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета. E-mail: nv_potapowa@mail.ru

Рабенко Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета. E-mail: tat.rabenko@yandex.ru

Сдобников Вадим Витальевич, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: artist232@rambler.ru

Смирнова Татьяна Петровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: tpsmirnova@lunn.ru

Тедеева Заира Константиновна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка Юго-Осетинского государственного университета им. А. А. Тибилова. E-mail: tedeeva.zaira@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, сотрудник Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАН. E-mail: fedulenkova@list.ru

Федюковский Александр Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингводидактики и перевода Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: fedyukovsky@mail.ru

Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и лингвистики Кемеровского государственного университета. E-mail: andfomin67@mail.ru

Швецова Юлия Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета. E-mail: shvetsova.yu.o@gmail.com

Шидловская Диана Юрьевна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: shidlovskaya.diana@gmail.com

Якимова Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков в профессиональной коммуникации Кемеровского государственного университета. E-mail: nataliyayakimova@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 4 (60)

Ответственный за выпуск:
Р. М. Шамилов

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Подписано в печать 23.12.2022. Дата выхода в свет 30.12.2022
Формат 60х90 1/16.
Печ. л. 13,62. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269